

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

131

КАМЕННЫЙ ВЕК



ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1972

Редакционная коллегия:

*Н. Н. Воронин, Н. И. Гурина, Л. В. Кольцов (ответственный секретарь),
И. Т. Круликова (ответственный редактор), К. Х. Кушнарёва, А. Ф. Медведев,
Н. Я. Мерперт, Р. М. Мунчаев, П. А. Раппопорт (зам. ответственного редактора),
В. В. Седов, Д. Б. Шелов, А. Л. Якобсон*

ПАМЯТИ П. П. ЕФИМЕНКО

18 апреля 1969 г. на 85 году жизни скончался Петр Петрович Ефименко — один из создателей и воспитателей советской школы исследователей в области первобытной археологии. Его научная деятельность, начавшаяся еще в первом десятилетии нашего века, особенного развития достигла после Великой Октябрьской социалистической революции. Свыше четверти века — в 20—40-х годах — П. П. Ефименко являлся одним из руководителей центрального научного учреждения нашей страны — Государственной академии истории материальной культуры, позднее Института археологии АН СССР. После Великой Отечественной войны, избранный действительным членом Академии наук Украинской ССР, П. П. Ефименко перенес свою деятельность на Украину.



П. П. Ефименко

Ряд лет он возглавлял коллектив Института археологии АН УССР. П. П. Ефименко вел большую музейную и преподавательскую работу. По всей нашей стране ведут археологические исследования его многочисленные ученики.

Подобно многим другим исследователям старшего поколения, П. П. Ефименко являлся специалистом широкого профиля. От своих родителей — П. С. Ефименко и А. Я. Ефименко — известных исследователей народного быта и общественных отношений, примыкавших к революционному народничеству, а также от своего университетского учителя археолога, этнографа и антрополога — Ф. К. Волкова П. П. Ефименко наследовал глубокий интерес к социальным процессам, к широкому историческим обобщениям. Он был подготовлен к восприятию идей марксизма-ленинизма в значительно большей степени чем многие его современники. Поэтому было вполне закономерным, что начиная с конца 20-х — начала 30-х годов П. П. Ефименко выступил с рядом оригинальных исследований, особенно в области палеолита, в которых коренные вопросы древнейшего прошлого человечества получили освещение с позиций исторического материализма.

Древнейшая, палеолитическая эпоха человеческой истории всегда привлекала к себе особое внимание П. П. Ефименко. Ему мы обязаны разработкой новой методики полевых исследований остатков палеолитических поселений, открытием больших палеолитических жилищ в Костенках, со-

зданием марксистской периодизации палеолита, в частности представлением о возникновении родового строя в верхнем палеолите и об обусловленности формирования *Homo sapiens* социальными процессами. Настоящий выпуск «Кратких сообщений Института археологии АН СССР», посвященный памяти П. П. Ефименко, содержит работы по археологии каменного века. В частности, здесь специально рассматривается его деятельность как исследователя древнейшего прошлого человечества.

Но вклад П. П. Ефименко в отечественную науку отнюдь не ограничивался палеолитом. Его второй специальностью была история культуры и этногенеза волго-окских финно-угров. Заметный след оставил П. П. Ефименко в восточнославянской археологии. Особенно близки П. П. Ефименко были украинские археологические сюжеты. И если он не оставил больших исследований по украинской тематике, то это успешно делают его ученики.

В работах над финно-угорскими древностями П. П. Ефименко особенно привлекала, во-первых, возможность изучения культуры, развитие которой протекало преимущественно имманентно, вне существенного влияния со стороны более передовых цивилизаций Юга. Здесь открывалась заманчивая перспектива изучения внутренних закономерностей, возможность построения как бы модели истории древней культуры для лесной полосы Евразии. Во-вторых, П. П. Ефименко привлекала возможность увязать результаты археологических исследований с материалами по этнографии народов Поволжья и Прикамья и таким образом как бы «оживить» скурые данные археологии. Генезису финно-угров были посвящены исследования П. П. Ефименко в области культур эпохи бронзы и ананьинского времени в Волго-Камии. В 20—30-х годах он много лет занимался изучением материалов древних среднеокских могильников I тыс. н. э., дал их хронологическую, а позднее и культурно-историческую периодизацию. Этим же темам П. П. Ефименко много времени уделял во время Великой Отечественной войны, находясь в эвакуации в Казани и Елабуге.

Из работ по славянской тематике особенно известностью пользуются исследования П. П. Ефименко на воронежских городищах IX—X вв. — Большом Боршевском и других, произведенные в 1928—1929 гг. Они положили начало широким исследованиям древностей этого времени, развернувшимся позднее в разных частях древнерусской территории. Менее известны многолетние исследования русских курганных древностей, к которым П. П. Ефименко был привлечен большой коллектив молодежи. При этом к курганным древностям была с успехом применена методика «культурной стратиграфии», выработанная П. П. Ефименко при изучении массовых материалов окских финно-угорских могильников.

Наконец, нельзя не вспомнить о большой работе, организованной П. П. Ефименко, по учету и изучению древних памятников северо-западных областей Европейской части СССР. Результаты этих работ, хранящиеся в архиве Института археологии АН СССР в Ленинграде, представляют огромную научную ценность, а сами работы, проведенные в конце 30-х—начале 40-х годов и прерванные войной, могут рассматриваться, как образец археологической службы, достойный широкого распространения.

Неутомимый исследователь, мастер своего дела, терпеливый и щедрый учитель молодежи — П. П. Ефименко надолго останется в нашей памяти.

Редколлегия

I. СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

А. Н. РОГАЧЕВ

П. П. ЕФИМЕНКО И ВОПРОСЫ СОЦИОЛОГИИ
ПЕРВОБЫТНОГО ОБЩЕСТВА
(КРАТКИЙ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК)

П. П. Ефименко впервые в науке о первобытности на основании анализа археологических фактов приступил к глубокому обсуждению вопросов социологии первобытного общества и в результате изучения археологических материалов, относящихся к древнекаменному веку, пришел к признанию марксизма (исторического материализма) и его теории первобытнообщинного строя. Вместе с тем им был внесен большой и важный вклад в обоснование теории первобытнообщинного строя и заложен прочный фундамент дальнейшего развития советской первобытной археологии в этом направлении.

Известно, что марксистская теория первобытнообщинного строя впервые возникла в середине прошлого столетия и развивалась на основе данных исторической науки об общинном землевладении у азиатских и европейских народов. Позже, особенно в связи с работами Л. Моргана о древнем обществе и о домах и домашней жизни американских туземцев, в основу ее разработки был положен этнографический материал. Возможность привлечения археологических источников для выяснения вопросов социологии первобытного общества еще отвергалась в двадцатых годах, когда П. П. Ефименко начал эти плодотворные исследования. В тридцатые годы советская первобытная археология оформилась в качестве важного раздела марксистской исторической науки. Главные кадры археологов и этнографов успешно преодолели буржуазные концепции первобытности и вполне овладели марксизмом. Поэтому нельзя согласиться с мнением о том, что «первобытная история является отраслью знания, еще далеко не сложившейся, в ней еще много неясного и неисследованного, много условных допущений, гипотез, спорных вопросов и положений»¹. Этот вывод М. О. Косвена был правильным до середины 30-х годов, до периода слияния советской первобытной археологии с марксизмом и его теорией первобытнообщинного строя. В эти годы были разработаны и широко применены новая методика полевого исследования палеолитических жилищ и поселений, определения функций каменных орудий по следам употребления, что исключало значительное количество «условных допущений» и дало исследователям в комплексе сведения, характеризующие производственную, домашне-хозяйственную, общественную и духовную

¹ М. О. Косвен. Очерки истории первобытной культуры, 2-е изд. М., 1957, стр. 3.

жизнь. Остатки больших жилищ и поселений (групп жилищ), распределение культурных остатков на площади поселения, анализ каменных и костяных орудий, изучение произведений искусства, в первую очередь фигурок женщин и животных, позволяют характеризовать древнее население и его жизнь в главных чертах с достаточной степенью точности и во многих случаях более детально, чем на основании письменных источников. В тридцатых годах первобытная археология в СССР превратилась в подлинно историческую науку.

О зрелости советской первобытной археологии свидетельствует, в частности, и тот факт, что она на основе археологических и палеоантропологических источников, постоянно возрастающих количественно и качественно, успешно обсуждает коренную проблему истории человечества: проблему происхождения человека и возникновения человеческого общества и вместе с тем имеет возможность корректировать правильность привлечения для этой цели этнографических материалов.

Советская первобытная археология развилась на основе традиций российской науки. К числу ее основателей и выдающихся деятелей, кроме П. П. Ефименко, относятся Д. Н. Анучин, А. А. Спицын и В. А. Городцов. Длительная и плодотворная деятельность этих ученых в области истории первобытной и древнерусской культуры протекала на рубеже двух больших эпох в истории нашей страны, разделенных Великой Октябрьской революцией. Именно им русская и советская историческая наука обязана первоначальным собиранием археологических источников, их классификацией, организацией дела охраны и изучения археологических памятников и первым опытом их исторической интерпретации. Каждый из них готовил кадры исследователей и проводил большую научно-организационную работу, что также обеспечило успех ее развития. Выдающиеся достижения советской первобытной археологии в предвоенное десятилетие объясняются стечением многих благоприятных обстоятельств, включая незаурядные творческие способности П. П. Ефименко и его умелое, бесшумное руководство все эти годы большим и работоспособным коллективом исследователей палеолита. Коллектив этот состоял из многих выдающихся исследователей палеолита, в том числе С. Н. Замятнина и Г. А. Бонч-Осмоловского, вклад которых в разработку вопросов социологии палеолита тоже весьма значителен. В этом коллективе в те годы С. А. Семеновым успешно была разработана методика определения функций каменных орудий по следам их употребления.

Развитие советской археологии в области исследований палеолита сопровождалось большим размахом полевых работ, осуществляемых по всей стране на высоком методическом уровне, глубоким проникновением в изучение теоретических и методических основ археологии. Это была пора расцвета творческой активности П. П. Ефименко, когда были осуществлены его смелые замыслы по расширению и углублению исследований палеолита не только в Костенках, но и во многих других районах страны, куда простиралось его руководство. В эти годы рождались, обосновывались и совершенствовались многие оригинальные его гипотезы, которые он защищал при обсуждениях в секторе палеолита. Плодотворная работа этого большого коллектива высококвалифицированных специалистов имела решающее значение в успешном выполнении сложных задач собирания и исторической и социологической интерпретации археологических материалов. Благодаря его творческой энергии и преданности интересам науки советское палеолитоведение заняло важное место в системе советской исторической науки и получило признание за рубежом. Современное понимание целей и задач науки, методологических и методических основ исследования памятников каменного века как исторических источников сложилось в предвоенные годы в результате вдохновенного творческого труда и энтузиазма в полевой работе подавляющего большинства исследователей каменного века нашей страны.

Для начального периода развития советской археологии (1930—1934 гг.) были характерны ошибки. Начало подлинно марксистского этапа следует датировать появлением многих работ П. П. Ефименко, изданных в 1931 г., и особенно труда «Значение женщины в ориньякскую эпоху»². Период активного освоения марксистско-ленинской теории первобытнообщинного строя ознаменовался изданием его же трудов «Дороговое общество» и статьи «Маркс и проблемы древнейшего периода первобытнокоммунистического общества» (1934 г.)³. Ошибки были и в этот период, но они в значительной мере нейтрализовались за счет высокого профессионального уровня анализа исследуемых явлений и фактов, поэтому легко и безболезненно были устранены на следующем, третьем этапе оформления и дальнейшего развития советской первобытной археологии в качестве раздела советской исторической науки. Началом этого этапа можно считать появление второго издания сводного труда П. П. Ефименко по палеолиту СССР — «Первобытное общество»⁴.

Ядром этого процесса стала самая главная и узловая проблема первобытности — проблема возникновения и начальных этапов развития родовых общественных отношений, — обсуждение которой продолжается до настоящего времени в среде археологов, этнографов, антропологов, историков и философов нашей страны.

Необходимо напомнить, что со времени появления трудов Л. Моргана эта научная проблема приобрела острое политическое значение, что было засвидетельствовано Ф. Энгельсом и В. И. Лениным. Ее разработка и освещение являются объектом острой теоретической борьбы, с одной стороны, марксистов, а с другой — всех реакционных направлений буржуазной науки в союзе с ренегатами марксизма. Вместе с тем окончательное и глубокое осознание неэффективности исторических построений культурно-исторической школы, как и распространенных одно время в России идей Э. Гроссе и Г. Кунова и пропагандиста их взглядов К. М. Тахтарева, лишь в середине 30-х годов пришло к советским археологам и этнографам, в том числе и к таким выдающимся проводникам марксизма в советскую науку о первобытности, как П. П. Ефименко и А. М. Золотарев⁵.

По свидетельству С. Н. Замятнина, на научное творчество П. П. Ефименко глубокое влияние и воздействие оказали два выдающихся открытия: статуэтка женщины, найденная ими совместно в 1923 г. при исследовании палеолитической стоянки Костенки под Воронежем и открытие С. Н. Замятниным в 1927 г. остатков жилища и женских статуэток на палеолитической стоянке Гагарино под Липецком. На основе исторического осмысления этих фактов на рубеже 20-х и 30-х годов П. П. Ефименко сделал решительный шаг к марксизму, осудив «воззрения о биологизме» в палеоэтнологии; он поставил вопрос о необходимости углубления исследований палеолитических стоянок. «Наше знание памятников палеолитической культуры, — писал он, — продолжает страдать неполнотой и односторонностью... ясно, что оно имеет корни в слишком узко и формально определившихся интересах самого исследования... мы не знаем о такой важной стороне проблемы палеолита, как характер поселений, вид палеолитических жилищ и т. д. Теперь, когда в итоге работы ряда лет основные вехи смены палеолитических культур для многих областей СССР намечены уже достаточно прочно и вопросы взаимной расстановки наших памятников более или менее ясны, пора перейти к разрешению

² П. П. Ефименко. Значение женщины в ориньякскую эпоху. Изв. ГАИМК, т. XI, вып. 3-4 и ряд его статей в СГАИМК за 1931 г.

³ П. П. Ефименко. Дороговое общество. Л., 1934; он же. Маркс и проблемы древнейшего периода первобытнокоммунистического общества. Изв. ГАИМК, вып. 90, 1934.

⁴ П. П. Ефименко. Первобытное общество. Л., 1938.

⁵ А. М. Золотарев. Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964. Посмертное издание труда, написанного им накануне Великой Отечественной войны.

инных задач, связанных с более глубоким проникновением в факты»⁶. Но П. П. Ефименко не ограничился лишь этой предельно четкой и ясной постановкой задачи новых социологических исследований палеолита и не только показал главное звено в цепи изучаемых явлений, но и сам взялся за него, увлекая за собой руководимый им коллектив. Поэтому мы можем смело сказать, что поставленная им в качестве главной проблема изучения палеолитических жилищ и поселений обеспечила решение задачи о содержании и историческом смысле палеолитического искусства как выдающегося общественного явления, раскрывающего идеологию первобытного общества. Потомки не могут и не должны ставить в вину исследователю то, что он не сразу пришел к правильному решению поставленного и много лет обсуждаемого вопроса.

Во введении к своей книге «Первобытное общество», изданной в 1938 г., П. П. Ефименко в целом правильно оценил достижения и трудности этого этапа строительства советской археологии и признал ошибочность своих положений в первом издании («Дородовое общество», 1934 г.) по вопросу о времени появления рода, возникновения экзогамии и некоторым другим. Товарищеская критика коллектива института, в котором работал автор, помогла ему внести существенные исправления в первое издание⁷. Во втором издании общественный строй верхнепалеолитического поселения определяется родовым или родо-племенным, характеризующимся экзогамией и матриархальной организацией родовых групп. Этот вывод получил широкое признание в советской исторической науке. Большинство исследователей первобытности признает его отправным пунктом в трактовке исторических, социологических и других вопросов. Значение этого вывода состоит прежде всего в том, что археологические материалы в их полных естественных комплексах при соблюдении условий их правильного методического исследования, представляют собой исторические источники, характеризующие многие существенные стороны хозяйственной, культурной, социальной жизни людей и их идеологические представления.

Исследования советских палеолитоведов и прежде всего работы П. П. Ефименко показали ошибочность претенциозных стремлений некоторых этнографов на монопольное значение этнографических фактов при обсуждении вопросов социологии первобытного общества. П. П. Ефименко категорически отверг пригодность примитивного «метода сшивки» этнографических и археологических фактов для реконструкции общественного строя древнего населения. Он вслед за В. А. Городцовым еще раз показал, с какой осторожностью следует относиться к этнографическим материалам австралийских туземцев, обычно привлекаемых для характеристики социальной жизни в эпоху палеолита на основании несостоятельной вульгарно-экономической схемы.

Заслугой советских исследователей палеолита и особенно П. П. Ефименко является и то, что они проблемы палеолитических жилищ и поселений и первобытного изобразительного искусства ставили всегда в непосредственную связь с обсуждением проблемы происхождения человека и возникновения человеческого общества. Этим объясняются особые взгляды П. П. Ефименко на эпоху среднего палеолита, которые не только не замечаются сторонниками гипотезы двух скачков в антропогенезе, но и усиленно затушевываются⁸. С нашей же точки зрения, развитию и

⁶ П. П. Ефименко. Палеолит СССР. Итоги и перспективы его изучения. СГАИМК, № 3, 1931, стр. 9. См. также его статьи в СГАИМК, № 7 и 12 за 1931 г., в которых обсуждаются эти же вопросы.

⁷ П. П. Ефименко. Первобытное общество. Л., 1938, стр. 9—10.

⁸ П. И. Борисковский. Проблемы становления человеческого общества и археологические открытия последних лет. Сб. «Ленинские идеи в изучении и истории первобытного общества, рабовладения и феодализма», М., 1970, стр. 58—75, особенно

углублению определенных, хотя и не до конца сформулированных выводов П. П. Ефименко мешает та же старая концепция родового общества, в преодолении которой советской археологии и П. П. Ефименко в 1938 г. удалось сделать лишь первый, но решительный шаг.

К концу жизни П. П. Ефименко не смог дальше развивать и совершенствовать свою социологическую концепцию эпохи палеолита. В новом, третьем, издании «Первобытного общества» не были устранены порой диаметрально противоположные суждения по многим вопросам. В монографии «Костенки I», издание которой задержалось до 1958 г., автору блестящих полевых исследований и открытий, обогатившему науку важнейшими выводами, не удалось достигнуть свойственной ему высоты и глубины суждений в обобщении материалов по остаткам жилища и поселения и большой прекрасной коллекции произведений первобытного искусства, а также коллекции каменных и костяных орудий.

Нельзя сказать, что возможность дальнейшего совершенствования своих представлений об эпохе среднего палеолита была забыта П. П. Ефименко. В 1931 г. П. П. Ефименко писал: «... процесс оседания мог возникнуть и действительно возникал в среде охотничьего общества в разные эпохи, в разных условиях, там, где складывались для этого благоприятные экономические предпосылки... он, очевидно, был возможен и внутри самого охотничьего общества, при наличии для этого благоприятных условий, особенно, естественно, в обстановке арктической природы. Интересные и мало на себя обращавшие факты в этом смысле дает мустьерская культура Европы. Можно предполагать, что оседлость ориньякских охотников за мамонтом была уже в известной мере подготовлена предшествующим этапом»⁹.

Эта мысль им была высказана не вскользь, солидная аргументация ее все более и более возрастала и углублялась. С глубокой прозорливостью П. П. Ефименко установил причину того, почему затормозилось ее развитие, но от постановки верного диагноза к излечению болезни ни он, ни его последователи пока не сделали реального шага. «Совершенно превратные, идеалистические представления Н. Я. Марра, — писал он, — некритически воспринятые рядом советских ученых, оказали весьма неблагоприятное влияние на понимание древнего общества. Они вели, прежде всего, к резкому противопоставлению неандертальского общества обществу позднего палеолита, а отсюда — к затушевыванию тех прогрессивных черт, которые отличают мустьерское время»¹⁰.

Для П. П. Ефименко историческая и социологическая интерпретация памятников эпохи среднего палеолита представлялась самой сложной и трудной из-за обилия фактов, которые не укладываются в марксистско-ленинское понимание первобытного человеческого стада как переходного состояния, объясняющего процесс возникновения социальных общественных отношений на заре истории человечества. При этом П. П. Ефименко смущали сложность и разновариантность инвентаря ашельских и мустьерских стоянок, появление весьма прогрессивной леваллуазской техники расщепления камня и изготовления каменных орудий, развитый охотничий образ жизни, долговременные стойбища и поселения с развитым домашним хозяйством, с созданием хозяйственных запасов, появление преднамеренных погребений и других явлений, которые могут быть истолкованы только в качестве уже возникшей и существующей идеологии родового строя. Все это не позволяло ему объединять памятники раннего и среднего палеолита и отождествлять «стадные группы шельцев» с «пер-

на стр. 73—75. Декларируя свою точку зрения, отвергая само понятие «средний палеолит», П. И. Борисковский не счел возможным упомянуть о наличии этих взглядов П. П. Ефименко.

⁹ П. П. Ефименко. Значение женщины..., стр. 62—63.

¹⁰ П. П. Ефименко. Первобытное общество, Киев, 1953, стр. 246.

вобытными семейными общинами неандертальцев», имевших, по его мнению, полуоседлый и оседлый образ жизни. «Первым следствием этого порядка вещей, — продолжает свою мысль П. П. Ефименко, — должно было явиться усиление внутренней связанности первобытной общины, что, очевидно, должно было содействовать появлению в головах составляющих ее индивидуумов осознания общности их происхождения»¹¹.

Несмотря на наличие в работах П. П. Ефименко противоречащих этим мыслям выводов, в том числе и в 3-м издании «Первобытного общества», мы должны констатировать, что П. П. Ефименко с 1938 г. не является сторонником гипотезы родового общества. Он склонялся в большей мере к мысли о возникновении родового общества в эпоху среднего палеолита, но разработать этот вывод ему мешали многие обстоятельства.

В связи с успехами исследования палеолита и значительным улучшением методов полевого исследования памятников эпохи палеолита, за что так ратовал П. П. Ефименко, за последние годы начали быстро накапливаться факты, свидетельствующие о справедливости вышеприведенных мыслей: открыты палеолитические жилища и во Франции и в других странах Европы, успешно ведутся исследования остатков жилищ и поселений эпохи среднего палеолита, относящиеся к ашельскому времени или к началу среднего антропогена (миндель)¹².

Общинно-родовые жилища, появившиеся в ашельское время в связи с прочным овладением огнем, являются показателем окрепших социальных отношений, но вместе с тем одной из материальных основ этих древнейших родовых общин, поскольку непременным спутником общего жилища являлось общинное (коммунистическое) домашнее хозяйство, составлявшее материальную основу ранних форм первобытнообщинного строя.

Среди советских исследователей первобытности, глубоко и верно оценивших второе издание книги П. П. Ефименко «Первобытное общество», был А. М. Золотарев, автор вышеупомянутого выдающегося труда о возникновении родового строя. Обоих их к марксизму привел тернистый, но верный путь анализа исследуемых ими источников. Шли они им в одно время и допускали сходные ошибки; с большим вниманием и пониманием мы обязаны проанализировать успехи и достижения этих пионеров и проводников марксизма в советскую науку о первобытности. Они заложили прочный фундамент наших современных представлений о происхождении человека и возникновении человеческого общества.

¹¹ П. П. Ефименко. Первобытное общество, 1953, стр. 244.

¹² F. Bourdier. Préhistoire de France. Paris, 1967, p. 1—412; A. Leroi-Gouran et M. Bré-sillon. L'habitation magdalénienne N 1 de Pincevent près Montereau (Seine-et-Marne). «Gallia Préhistoire», t. IX, fasc. 2, 1966, p. 263—385; H. de Lumley. Les fouilles de Terra Amata à Nice. «Bull. du Musée d'Anthrop. préhistorique de Monaco», fasc., N 13, 1966, p. 38—42; он же. Une cabane acheuléenne dans la grotte du Lazaret (Nice). Mémoires de SPF, t. 7, 1969, p. 1—235; А. П. Черныш. Ранний и средний палеолит Приднестровья. Труды КЧ, т. XXV. М., 1965, стр. 1—137; О. Н. Бадер. Международный симпозиум по проблеме селета в Венгрии. СА, 1968, № 1, стр. 311.

П. И. БОРИСКОВСКИЙ

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О МЕЗИНСКОМ ОРНАМЕНТЕ¹

Орнамент знаменитой Мезинской палеолитической стоянки, в исследование которой внес такой огромный вклад П. П. Ефименко², в течение нескольких десятков лет привлекает к себе пристальное внимание специалистов³. Последний по времени блестящий опыт расшифровки мезинского орнамента принадлежит В. И. Бибиковой⁴. Нам представляются убедительными ее выводы. Но в то же время мезинский орнамент, как и палеолитическое искусство вообще, едва ли был однозначен по своему происхождению и содержанию. Он мог иметь разные источники, не только быть заимствованным из строения дентина бивня мамонта. В связи с этим мне хотелось бы высказать некоторые соображения по поводу связи мезинского орнамента с узором, покрывающим поверхность отдельных раковин.

В январе 1967 г. на песчаном пляже Бенгальского залива в окрестностях Мадраса автором было подобрано несколько десятков небольших двустворчатых раковин (рис. 1, 1—3, 5—7), принадлежащих, по определению И. А. Коробкова, *Sunetta megoe* (Linnaeus). При взгляде на их поверхность сразу же бросается в глаза сходство ее с поверхностью первого мезинского орнаментированного браслета из бивня мамонта (рис. 1, 9), а также ряда других мезинских поделок, орнаментированных изображением зигзага. На раковинах, как и на мезинских произведениях искусства, налицо зигзагообразный рисунок: плотно расположенные по отношению друг к другу, параллельно идущие ряды зигзага. Если на мезинском браслете эти ряды зигзага сменяются сложным меандровым узором, так что получается несколько как бы фризов, то на некоторых из раковин мы тоже встречаемся с как бы фризами перекрещивающихся и зигзагообразных линий, окаймляющих ряды параллельных зигзагов. Сходство разительное.

Но бассейн Десны отделяют от побережья Бенгальского залива многие тысячи километров, так что трудно говорить о каком-либо непосредственном влиянии. Однако, как сообщил нам И. А. Коробков, в Албании, на современном побережье Адриатического моря, уже на гораздо меньшем расстоянии от Мезина, встречаются раковины *Venus Sp.* и *Venerupis pulastra* (Linnaeus) со сходным зигзагообразным рисунком (рис. 1, 4).

¹ При подготовке настоящей заметки неоценимую помощь автору оказал профессор И. А. Коробков.

² П. П. Ефименко. Каменные орудия палеолитической стоянки в с. Мезине Черниговской губ. «Ежегодник Русского антропологического общества при СПб. университете», т. IV, 1912; он же. Первобытное общество, 3 изд. Киев, 1953.

³ И. Г. Шовкопляс. Мезинская стоянка. Киев, 1965; Э. А. Абрамова. Палеолитическое искусство на территории СССР. М.—Л., 1962.

⁴ В. И. Бибилова. О происхождении мезинского палеолитического орнамента. СА, 1965, № 1; она же. Про джерела геометричного стилю в палеолітичному мистецтві Східної Європи. «Sborník Národního Muzea v Praze», t. XX, č. 1—2, Praha, 1966.

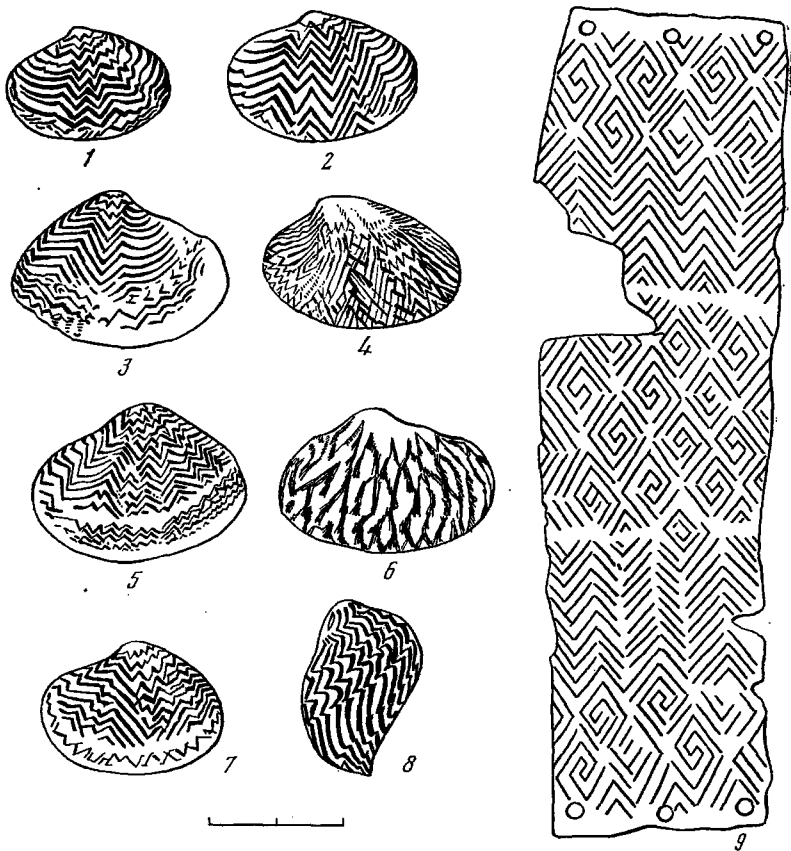


Рис. 1. Рисунок на поверхности раковин и на поверхности мезинского браслета. С побережья Бенгальского залива (1—3, 5, 7), с побережья Адриатического моря (4), из бассейна Днепра (8); 9 — развертка первого мезинского браслета.

Более того, раковины с поперечным зигзагообразным рисунком на поверхности, напоминающим мезинский орнамент, *Neritina nobilis* Reclus известны, по сообщению И. А. Коробкова, и из бассейна Днепра (рис. 1, 8). Раковины из окрестностей Мадраса интересны, таким образом, преимущественно тем, что значительная серия их наиболее наглядно демонстрирует сходство с мезинским орнаментом. Специальные поиски под этим углом зрения, вероятно, смогут доставить такие же не менее выразительные серии и с берегов Адриатики, из бассейна Днепра и из других близких Мезину районов.

Как известно, красивые просверленные раковины широко использовались позднепалеолитическими людьми и, в частности, обитателями Мезинской стоянки, в качестве разного рода подвесок и составных частей ожерелий и браслетов⁵. А. Сальмони высказывает даже предположение, что мезинский браслет с его геометрическим орнаментом воспроизводит погребальный головной убор из раковин, напоминавший погребальные головные уборы из раковин, остатки которых дошли до нас в гротах Ментоны и в Офнет⁶. В более поздние эпохи раковины и их рисунок нередко с большей или меньшей стилизацией воспроизводились в керамическом орнаменте. Рассмотрению этого вопроса посвящена специальная работа

⁵ И. Г. Шовкопляс. Указ. соч., стр. 105—110.

⁶ А. Salmony. Some palaeolithic ivory-carvings from Mexine. «Artibus Asiae», vol. XII, 1/2—Ascona (Switzerland), 1949.

Б. Л. Богаевского⁷. Сделанные нами выше сопоставления позволяют предполагать, что и в более древние эпохи, в позднем палеолите, рисунок, покрывавший поверхность некоторых раковин, явился одним из источников возникновения отдельных видов палеолитического орнамента. Разумеется, дело заключалось не просто в том, что человек «подсмотрел» тот или иной рисунок на раковинах, а затем воспроизвел его гравировкой и росписью на бивне мамонта и на кости. Вероятно, воспроизведение было связано с зафиксированной археологическими находками большой ролью раковин в одежде, украшениях и искусстве палеолита.

В заключение отметим, что поверхность некоторых из мадрасских раковин, как и раковин с побережья Адриатического моря (рис. 1, 4) напоминает орнаментальный узор в виде сетки узких вытянутых ромбов, покрывающий поверхность мотыг из оленьего рога, найденных в нижнем культурном слое познепалеолитической стоянки Боршево II⁸. Быть может, раковины явились одним из источников возникновения не только мезинского, но и боршевского орнамента.

⁷ Б. Л. Богаевский. Раковины в расписной керамике Китая, Крита и Триполья. Изв. ГАИМК. Л., 1931.

⁸ П. И. Борисковский. Палеолитическая стоянка Боршево II (нижний культурный слой). МИА, № 2. М.—Л., 1941.

Л. М. Т А Р А С О В

ДВОЙНАЯ СКУЛЬПТУРА ЧЕЛОВЕКА ИЗ ГАГАРИНО

Позднепалеолитическая стоянка Гагарино, широко известная по раскопкам С. Н. Замятина в 1926, 1927 и 1929 гг.¹, снова привлекла к себе интерес в связи с исследованиями, возобновленными здесь в 1961 г. и планомерно ведущимися в настоящее время. В свете раскопок 20-х годов памятник представлял собой остатки одного долговременного жилища, за пределами которого почти совершенно отсутствовали какие-либо культурные следы. Однако С. Н. Замятиным было высказано предположение о возможном наличии в Гагарино нескольких подобных зимних жилищ². И даже если исходить из того, что Гагаринская стоянка была небольшой, с одним только зимним жилищем, то и в этом случае на территории поселения, вероятно, имелись какие-то иные хозяйственные сооружения, открытые очаги, места обработки кремня и кости, скопления остатков охотничьей добычи и другие объекты. Это обстоятельство и побудило к продолжению исследования стоянки.

В ходе новых раскопок, проводимых в 60-х годах, эти предположения нашли свое частичное подтверждение. Уже первой разведочной шурфовкой памятника к северо-западу от жилища была выявлена, а затем и вскрыта на площади около 150 м² территория поселения со скоплениями расщепленного кремня. У северного края жилища обнаружены две большие, примыкающие к нему ямы; на краю одной из них расчищен небольшой очажок. Однако, несмотря на широкую разведочную шурфовку территории поселения, других зимних жилищ обнаружить не удалось.

Полевая документация раскопок С. Н. Замятина содержит только два схематичных плана и фотоснимки восточной части жилища (1927 г.), а также двух раскопов 1929 г. В целях увязки старых и новых раскопов нами были повторно вскрыты участки стоянки, исследованные в 1926, 1927 гг. Оказалось, что оба раскопа 1927 г. (на месте западной и восточной частей жилища) были углублены ниже уровня культурного слоя. Средняя же его часть (на месте хозяйственной ямы-траншеи 1925 г.), исследованная в 1926 г., дала новые весьма интересные материалы. В центре здесь прослеживалось основание культурного слоя в виде отдельных скоплений мелких находок, ближе к северному краю — выявлена очажная лунка, а у южного — обнаружен культурный слой мощностью до 0,5 м, сохранившийся на площади примерно в 1 м² в непо потревоженном состоянии. Этот участок культурного слоя по краю нарушен современ-

¹ С. Н. Замятин. Экспедиция по изучению культур палеолита в 1927 г. СГАИМК, т. II. Л., 1929, стр. 209—214; S. Zamiatnine. La station aurignacienne de Gagarino. Bulletin de l'Académie de l'histoire de la culture materielle, Fascicule 88. M.—L., 1934; С. Н. Замятин. Раскопки у с. Гагарина (верховья Дона, ЦЧО), Изв. ГАИМК, вып. 118. М.—Л., 1935, стр. 26—77.

² С. Н. Замятин. Раскопки у с. Гагарина (верховья Дона, ЦЧО), стр. 38—39.



Рис. 2. Раскопки Гагарино 1968 г.

Юго-западный участок жилища, вид с севера. Стрелкой показано местонахождение скульптурной поделки (фото автора)

ными земляными работами за исключением юго-западной стороны, где он имел четкую естественную границу. Здесь слой выклинивался, налегая на крутой скос искусственной западины — юго-западный край углубленного основания жилища.

После снятия культурного слоя в полу края жилища была обнаружена округлая в плане ямка 40 см в поперечнике и 19 см глубиной. Восточный ее край частично поврежден, вероятно, хозяйственной ямой в 1925 г. На дне ямки находилась крупная галька, выше — два обломка ребер, лежащих в круто-наклонном положении, перекрещиваясь между собой, а также несколько расщепленных кремней и костные углы. На краю ямки с северной стороны была обнаружена небольшая скульптурная поделка, изображающая две человеческие фигурки (рис. 2). Она лежала на боку с небольшим поворотом лицевой стороной вниз и ориентировкой по линии север—юг, при этом меньшая фигурка была обращена на север, а большая — на юг.

Скульптуры вырезаны на стержневидной заготовке из бивня мамонта. Поверхность поделки была частично покрыта известковым налетом, что, по всей вероятности, и определило довольно хорошую ее сохранность, если не считать расслоения на отдельных участках³. Бивень, из которого вырезаны фигурки, имел тонкую слоистость, при этом отдельные пластинки сохраняли некоторую упругость, что свидетельствует о принадлежности его молодой особи. Поверхность поделки имела плотную коричневую патину, темную или местами более светлую.

Скульптурная поделка представляет собой две человеческие фигурки, примыкающие друг к другу головами (рис. 3, 4). Общая длина ее 14,8 см. Фигурки полностью не закончены. Они различны по величине и степени завершенности. Более законченной является меньшая скульптура. Между собой они разделены глубокой кольцевой прорезью.

³ Расчистка и консервация скульптур выполнена в лабораторных условиях старшим реставратором Института этнографии Академии наук СССР В. П. Гожевой. Пользуясь случаем, автор выражает В. П. Гожевой свою благодарность.



Рис. 3. Двойная скульптура человека из Гагарино (фото М. Г. Агаронян)

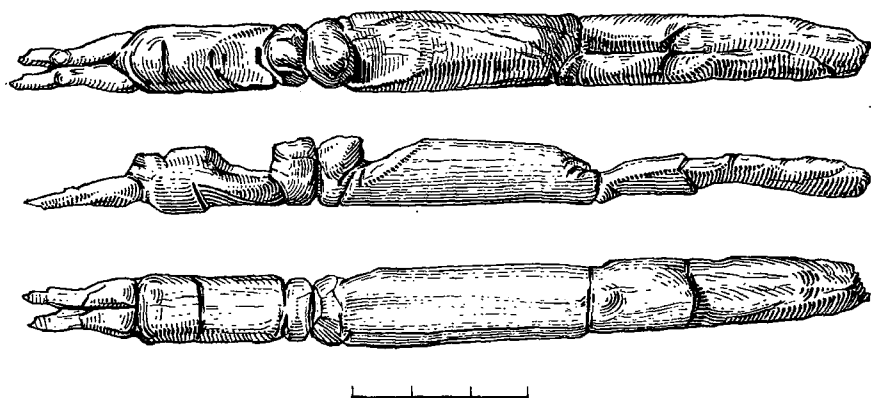


Рис. 4. Двойная скульптура человека из Гагарино (рисунок Т. Е. Трошкиной)

Статуэтка меньших размеров имеет высоту 5,2 см, а ширина и толщина ее равны 1,2 см. Нижняя половина фигуры — живот, бедра, голени — закончена полностью и отличается особой тщательностью оформления. Верхняя же половина намечена лишь в общих чертах, без отработки отдельных деталей, хотя основные элементы фигуры имеют четкие контуры и вполне соответствуют естественным пропорциям. Голова высотой 0,7 см намечена в общих контурах. Верхняя часть груди оформлена широким скошенным срезом, более крутым книзу. Живот округлых очертаний лишь немного выступает вперед. Сверху он ограничен неглубокой поперечной прорезью. Плечи только намечены горизонтальными прорезями, отделяющими голову от корпуса, и поставлены сравнительно высоко. Руки совсем не выделены. Спина статуэтки прямая, лишь слегка вогнутая на месте поясницы. Немного выступающая седалищная часть оформлена суммарно, в общих чертах, ее ширина, как и ширина живота, не превышает объема всего корпуса. Бедра, разделенные спереди и сзади вертикально прорезанной линией, отличаются подчеркнутой стройностью и общей соразмерностью со всей фигурой. Очень четко изображены прижатые друг к другу колени, немного выступающие вперед, что подчеркнута крутым срезом снизу. Ниже колен ноги переданы раздельно. Округлых очертаний голени имеют наибольшую полноту в средней части, а внизу заканчиваются древним изломом.

Вторая скульптура более крупная — высотой 9,6 см, шириной 1,4 см, толщиной 1,2 см, — в меньшей степени закончена, чем первая. Однако и у нее вполне определенно намечены основные части фигуры, а на неко-

торых из них имеются следы начала обработки. Как и у первой статуэтки, голова выделена лишь в общих чертах, на месте верхней части груди также имеется плоский скошенный срез. Однако плечи намечены с меньшей определенностью, корпус почти совсем не детализирован и имеет вид овального в сечении стержня. На месте нижней границы седалищной части имеется довольно глубокая поперечная прорезь. И у этой скульптуры в большей степени проработана нижняя половина: оформлена округлость нижней части живота и четко обозначен гравировкой треугольник. Бедром, разделенным продольно прорезанной линией, с передней стороны придана соответствующая округлость. С противоположной стороны они совсем не намечены. Колени с нижней стороны выделены косым уплощающим срезом. Голени не оформлены, но уплощенно-вытянутая заготовка в этой части имеет с задней стороны плоский скошенный вправо срез, доходящий до уровня колен. Судя по скошенности этого среза и наличию небольшого скоса с левой стороны спереди, голени должны быть поставлены неодинаково — правая немного выдвинутой вперед. Следует заметить, что и правое бедро тоже немного выступает вперед.

Поскольку некоторые элементы двойной скульптуры закончены полностью, другие оставлены на разной стадии их оформления, третьи лишь намечены в общих чертах, то на различных участках ее поверхности очень четко могут быть прослежены следы обработки — резания, строгания, заглаживания. Это дает возможность установить, какие инструменты использовались для изготовления скульптуры, а также специфику и последовательность этапов работы. Можно утверждать, что древний мастер четко представлял отдельные части фигуры, их пропорции и взаимосвязь. Хорошо зная анатомию человека, он заранее уже видел скульптуру целиком в законченном виде.

Совмещение двух статуэток на одной заготовке вряд ли может быть объяснено техническим преимуществом в их изготовлении. Напротив, в процессе работы в любой момент могла произойти случайная поломка какой-либо из этих небольших фигурок или той и другой вместе, после чего дальнейшее их оформление уже не имело бы смысла. Это не могло быть связано и с экономией поделочного материала, так как бивень маконта на стоянке имеется в большом количестве. Поэтому трудно представить, что статуэтки были бы разделены в конце их изготовления. Против этого свидетельствует и то, что надрез, разделяющий фигурки, имеет правильные очертания и одинаковую глубину по всей окружности.

Незаконченность палеолитических статуэток — явление не столь уж редкое. В Гагарино есть три такие скульптуры. Незаконченность одной из них, очень маленькой (высотой 2,4 см), поврежденной сверху и внизу, С. Н. Замятнин объяснял ее миниатюрностью, а двух других — случайной поломкой в процессе изготовления⁴. Не завершена обработка и крупной мергелевой статуэтки из Костенок I. Она тоже была найдена фрагментированной, но, по мнению П. П. Ефименко, ее поломка не была случайной⁵. Мелкая статуэтка из мергеля в тех же Костенках I, хотя и не имеет повреждений, но тоже не закончена⁶. Не закончена статуэтка из Авдеево (раскопки 1948 г.)⁷, миниатюрная фигурка из Брасемпуи⁸ и некоторые другие. Однако каких-либо следов поломки у всех этих статуэток нет.

Каждая из фигур двойной скульптуры, найденной в Гагарино, отвечает разным этапам изготовления. Вначале намечались только в общих чертах главные элементы фигуры, затем детально оформлялись нижняя

⁴ С. Н. Замятнин. Раскопки у с. Гагарино (верховья Дона, ЦЧО), стр. 68—69.

⁵ П. П. Ефименко. Костенки I. М.—Л., 1958, стр. 345, 351, рис. 143.

⁶ П. П. Ефименко. Указ. соч., стр. 354, рис. 144.

⁷ М. В. Воеводский, А. Е. Алихова-Воеводская. Авдеевская палеолитическая стоянка. КСИИМК, вып. XXXI, 1950, стр. 15, рис. 8, 1.

⁸ E. Piette. La station de Brassempouy et les statuettes humaines de la periode glyptique. L'Anthropologie, t. VI, № 2. Paris, 1895, p. 144, pl. VI, 1.

часть корпуса и бедра. Интересно, что и у всех законченных палеолитических статуэток, с учетом общей пропорциональности, подробно детализированы обычно только корпус и бедра. Остальное же несет следы схематизма и незаконченности: голова, как правило, оформлена лишь контурно, руки едва намечены или очень схематичны. Не уделялось внимания и оформлению ног ниже колен. У многих статуэток ноги в нижней части обломаны, но есть много случаев, когда они и намеренно изображались укороченными. Примером этому может служить одна из статуэток Костенок I, изготовленная из бивня мамонта (раскопки 1931 г.)⁹. Исключение составляет крупная статуэтка из Гагарино (раскопки 1962 г.), у которой ноги соответствуют общим пропорциям фигуры и только ступни переданы укороченными¹⁰.

Строгая реалистичность и тщательность в оформлении корпуса и бедер, при гораздо меньшем внимании к остальному, следует, вероятно, объяснять специфичностью смыслового содержания, вкладываемого палеолитическим человеком в изготавливаемые им небольшие статуэтки, как правило, почти всегда женские. Свообразие двойного скульптурного изображения из Гагарино обусловлено, по всей вероятности, тоже определенным смысловым содержанием, воплощенным в материальную форму. Незаконченность фигурок двойной скульптуры затрудняет сопоставление их с другими палеолитическими статуэтками, в том числе и с теми, которые ранее были обнаружены в Гагарино. И тем не менее в них можно все же видеть довольно близкие аналогии с третьей гагаринской статуэткой, найденной на территории того же самого жилища, у западного его края и тоже вблизи ямки¹¹. Сходство проявляется в общем облике фигур и однообразии оформления той их части, которая у двойной скульптуры полностью или в значительной мере закончена. Имеется сходство и с шестой (незаконченной) статуэткой из Гагарино,¹² хорошо прослеживаемое по характерному крутому скосу, оформляющему верхнюю часть груди. Но в данном случае можно говорить лишь о сходстве приемов оформления, поскольку речь идет о незаконченных статуэтках.

Что же касается своеобразного взаиморасположения двух человеческих фигур гагаринской двойной скульптуры, то подобные произведения в палеолитическом искусстве пока не известны. В этой связи можно бы упомянуть лишь две антиподально расположенные фигуры человека из Лоссея, выполненные в барельефе на небольшой плитке известняка¹³. Однако взаиморасположены они совершенно по-иному — соприкасаются их торсы, а головы обращены в противоположные стороны. К тому же это не скульптурное изображение. Таким образом, две миниатюрные человеческие фигурки на одной заготовке, обнаруженные в 1968 г. на стоянке Гагарино, являются уникальной для палеолита находкой, не имеющей сколько-нибудь близких аналогий.

В этом плане огромный интерес представляет открытие в 1969 г. О. Н. Бадером на палеолитической стоянке Сунгирь тоже необычного для эпохи палеолита погребения¹⁴. На территории поселения в общей могильной яме вытянутых очертаний захоронены два подростка разного возраста, которые занимали точно такое же положение по отношению друг к другу, как и фигуры двойной скульптуры из Гагарино. Они лежали на спине, будучи вытянутыми в одну линию, соприкасаясь головами.

⁹ П. П. Ефименко. Указ. соч., стр. 347, рис. 141.

¹⁰ Л. М. Тарасов. Новая палеолитическая статуэтка из Гагарино. СА, 1963, № 4, стр. 180, рис. 1.

¹¹ С. Н. Замятин. Раскопки у с. Гагарино (верховья Дона, ЦЧО), стр. 67, рис. 24.

¹² С. Н. Замятин. Указ. соч., стр. 68, рис. 25, в.

¹³ С. Lalanne. Decouverte d'un bas-relief à représentation humaine dans les fouilles de Lauseel. «L'Anthropologie», t. XXII, № 3. Paris, 1911, pp. 257—260, fig. 1.

¹⁴ О. Н. Бадер. Вторая палеолитическая могила на Сунгире. «Археологические открытия 1969 года». М., 1970, стр. 41—43.

Погребение это уникально и по сопровождающему его инвентарю — набору копий и дротиков, вырезанных из бивня мамонта, огромному количеству бусин, вероятно нашитых на одежду, и другим украшениям.

Сходство скульптуры и погребения чрезвычайно близкое. Но есть ли в этом какая-либо связь? Дело в том, что Гагарино и Сунгирь разделяет значительная территория и большой отрезок времени, хотя территориальное различие и не является показательным, так как и очень близкие памятники эпохи палеолита могут находиться на довольно большом удалении друг от друга. Так, например, памятники костенковско-виллендорфского варианта культуры разбросаны на огромной территории от Дуная до Дона. Кроме того, следует иметь в виду и то, что Гагарино и Сунгирь относятся к различным вариантам культуры: Гагарино — к костенковско-виллендорфскому, Сунгирь — к костенковско-сунгирьскому. И несмотря на все это, полностью отрицать существование какой-то связи памятников этих вариантов культуры не следует.

Сейчас уже доказано, что костенковско-сунгирьский вариант культуры существовал длительное время, о чем свидетельствуют некоторые равновременные стоянки Костенок, где были найдены сходные двустороннеобработанные треугольные наконечники с вогнутым основанием. Такие наконечники характерны для всего костенковско-сунгирьского варианта культуры, в том числе и для стоянки Сунгирь. Подобные треугольные наконечники известны в наиболее древних костенковских стоянках, связанных с нижней гумусовой толщей — в Стрелецкой II, в пятом слое Костенок I, в третьем слое Костенок XII. Треугольные наконечники имеются и в более поздних памятниках, связанных с верхней толщей погребенного гумуса — верхнем слое Костенок XII, в пятом слое Аносовки II. И, наконец, треугольный наконечник обнаружен в третьем культурном слое Аносовки II, который лежит выше погребенных гумусов, в перекрывающих их лессовидных суглинках, что свидетельствует о еще более молодом возрасте этого памятника¹⁵.

Сейчас нам неизвестны многие звенья этого очень длительного и сложного исторического процесса, но вполне возможно, что на каком-то этапе развития между носителями этих вариантов культуры имели место близкие контакты, результатом которых и было взаимное культурное влияние, передача и восприятие каких-то специфических черт и духовной культуры. Вполне возможно, что обитатели Гагарино, сами или их прямые предшественники, имели близкие связи с носителями костенковско-сунгирьского варианта культуры, тем более что оба эти варианта связаны общей территорией. Может быть, такое удивительное сходство двойной скульптуры из Гагарино и сунгирьского двойного погребения и является следствием именно такого рода контактов. Конечно, это был весьма сложный процесс; отрывочность и разрозненность имеющихся в настоящее время данных не позволяет раскрыть его хотя бы в общих чертах. Однако не исключено, что с накоплением новых фактов, в результате новых археологических открытий такое предположение может получить свое подтверждение.

Буквальное повторение взаимоположения фигур в гагаринской скульптуре и в сунгирьском погребении, возможно, свидетельствует о правдивости предположения А. П. Окладникова, который считает, что палеолитические женские статуэтки наряду с другим значением могли иметь в представлении их владельцев и связь с культом мертвых. Небольшие скульптурные изображения изготавливались в случае смерти членов рода и служили вместилищами душ умерших¹⁶. Может быть, и двойная статуэтка из Гагарино тоже должна была отражать подобного рода представление, которое жило у обитателей этого поселения как предание.

¹⁵ А. Н. Рогачев. Треугольные наконечники копий в Костенках. «Археологические открытия 1967 года». М., 1968, стр. 29.

¹⁶ А. П. Окладников. Якутия до присоединения к Русскому государству. «История Якутской АССР», т. I. М.—Л., 1955, стр. 48.

Г. П. ГРИГОРЬЕВ

ОРИНЬЯКСКАЯ КУЛЬТУРА
И ОРИНЬЯКОИДНЫЕ КУЛЬТУРЫ ЕВРОПЫ

Лет тридцать назад ориньякскими называли памятники, которые вовсе не похожи на ориньяк Франции, поскольку в это понятие в качестве хронологического подразделения включали памятники типа Ля Граветт, относимые теперь к перигордийской культуре. Да и само понятие ориньяка было понятием хронологическим. Сейчас в обиходный язык специалистов по палеолиту вошло понятие «археологическая культура». Примером культуры могут служить молодовская, липская и павловская культуры. Идет процесс расчленения ориньякской ступени на ориньякоидные культуры, т. е. на неродственные культуры, имеющие один-два общих элемента — либо остря и пластинки, обработанные по всему обводу крутой («ориньякской») ретушью, нуклевидные и килевидные сребки, либо, что реже, то и другое вместе.

До сих пор распространено мнение, будто все ориньякоидные культуры родственны по происхождению¹, а различия их — итог расселения единого некогда народа, материальная культура которого видоизменялась, приспосабливаясь к новым природным условиям².

Д. Сонвиль-Борд в монографии о верхнем палеолите Перигора³ ограничилась кратким замечанием о чужеродности ориньяка для территории Франции, присоединяясь к мнению о его зарейнском происхождении. В последнее время к ориньякской проблеме обратился Х. Мюллер-Бек в работе «Корни фогельхердского ориньяка»⁴. Х. Мюллер-Бек считает несомненным, что ориньяк Франции — это пришлая культура; корни ее следует искать за Рейном. Он полностью присоединяется к мнению Г. Рика⁵, что ориньякцы Франции — результат передвижения на запад ориньякцев Германии — носителей культуры типа Фогельхерд. Автор и посвящает свою работу выяснению корней ориньяка Фогельхерда, т. е. культуры типа V слоя пещеры Фогельхерд. По его мнению, эта культура происходит от мустьеоридной «группы Ежмановице», протянувшейся полосой от Польской Юры до Тюрингского леса на 500 км. По мнению

¹ D. A. E. Garrod. The Upper Paleolithic in the Light of Recent Discovery. «Proceedings of Prehistoric Society», n. s., v. IV, 1938; она же. The Relations between South-West Asia and Europe in the Later Palaeolithic Age. «Journal of Word History», vol. I, № 1, 1953.

² L. Vértes. Evolutional Links and Chains of the Hungarian Paleolithic Age. «The New Hungarian Quarterly», v. IV, № 11. Budapest, 1963.

³ D. Sonneville-Bordes. Le paléolithique supérieur en Perigord. Bordeaux, 1960.

⁴ H. Müller-Beck. Die Wurzel-Industrie des Vogelherd—Aurignacien. «Fundberichte aus Schwaben», N. F., B. 17, 1958.

⁵ G. Rick. Kulturbilder aus der Altsteinzeit Württembergs. Tübingen, 1935; G. Rick. Les civilisations paléolithiques de Vogelherd près de Stetten-ob-Lonetel (Württemberg). «Préhistoire», t. 2, f. 2, 1935.

Х. Мюллер-Бека, Ежмановице и Ранис 2 (второй снизу, пресолютрейский слой пещеры Ильзен, Тюрингия) составляют единую группу — группу Ежмановице. Другими словами, Г. Мюллер-Бек полагает, что полюсу протяженностью в 500 км могло занимать население с однородной культурой, развитие которой шло одним путем: листовидные острья, обработанные сплошь ретушью со спинки и с брюшка, постепенно заменялись листовидными остриями, обработанными лишь у острья и основания, что было более экономным способом. Далее он предполагает, что и Западная, и Центральная Европа была заселена и в верхнем палеолите населением с очень близкой материальной культурой, развивавшейся по сходному пути: Фогельхерд V поразительно похож на типичный ориньяк Франции, а Фогельхерд IV обнаруживает далеко идущие соответствия с Петржковицами (например, изживание двустороннеобработанных форм, начавшись в Фогельхерде V, продолжается и в Петржковицах), т. е. в значительной степени развитие типов орудий и техники их обработки шло по единому закону на территории от Франции до Чехословакии.

Г. Мюллер-Бек главным компонентом ежмановицкой группы делает, в отличие от В. Хмелевского, не Ежмановице, а Ранис 2, рассматриваемый им в качестве более древнего памятника, чем 6 слой Ежмановице. В качестве типов, характерных для ежмановицкой группы, Г. Мюллер-Бек называет следующие: скребки вытянутых пропорций, острья со спинкой, острья типа Ежмановице. Для сравнения Раниса и Ежмановице может быть использована одна группа типов: листовидные острья. Поскольку Ежмановице — не жилая пещера, а место охоты на пещерных медведей, то здесь были найдены лишь листовидные острья, готовые и незаконченные, и их обломки. Из Раниса опубликованы только листовидные острья, а кроме них — пластины-острья, ретушированные только со спинки, и одно скребло. Изображения скребков или резцов отсутствуют, видимо, потому, что в Ранисе 2 нет орудий верхнепалеолитических форм. Правда, Г. Мюллер-Бек упоминает о скребках и резцах из обоих памятников и приводит рисунки таких орудий. По рисункам складывается впечатление, что в Ежмановицах есть листовидные острья с резцовыми сколами, но нет резцов, есть заготовки листовидного острья с округлым основанием, но нет скребков. Так называемый нож с обушком лишен обушка, т. е. края, ретушированного крутой ретушью, судя по рисунку, опубликованному Г. Мюллер-Беком; на рис. В. Хмелевского это орудие изображено с мелкой несплошной ретушью по краю. Во всяком случае он не является ножом с обушком и не сравним с лимасом из Раниса 2, который Г. Мюллер-Бек называет ножом с обушком.

Нет орудий верхнепалеолитического типа и в Ранисе 2. То, что Г. Мюллер-Бек называет скребком, — это двухконечная пластина со сплошной ретушью по всему контуру, в другом случае это пластина с ретушью по одному краю.

Из листовидных острий в Ежмановицах представлен почти исключительно ежмановицкий тип, плоскоретушированные с обеих сторон острья единичны. В Ранисе, наоборот, единичен ежмановицкий тип и очень разнообразны отделанные плоской ретушью другие типы: острья с максимальной шириной в средней части и с округлыми концами; с наибольшей шириной в нижней трети; ромбовидные острья, острья в форме листа бука. Часть этих острий воспроизведена у Р. Фойстеля⁶. В. Хмелевский в своей монографии о Ежмановицах⁷ показал, что острья, подобные ежмановицким, в единичных экземплярах встречаются в самых разных комплексах практически везде, где зафиксирована ранняя ступень верхнего палеолита от Бискайского залива (с учетом *pointes à face plane*) до

⁶ R. Feustel. Jungpaläolithische Wildbeute in Thüringen, 1961.

⁷ W. Chmielewski. Civilisation de Erzmanowice. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1961, p. 45—47.

Грузии. По этим соображениям нам кажется преждевременным утверждать генетическую связь между Ранисом 2 и Ежмановицами.

Можно ли согласиться со вторым основным положением разбираемой нами работы — о связи если не ежмановицкой группы, то Раниса 3, с ориньяком типа Фогельхерд? На наш взгляд, к культуре Фогельхерд—Зиргенштейн относятся только Фогельхерд, Зиргенштейн, Б. Офнет, М. Офнет, Бокштейн; а Ранис 3 является единственным представителем другой ориньякской культуры, занимавшей территорию Тюрингии.

Культуру Фогельхерд—Зиргенштейн мы знаем на трех этапах ее развития: ранний этап представлен комплексом Фогельхерд V и слоев 5 и 4 в Зиргенштейне, средний — Фогельхердом IV и поздний — слоями 3 и 2 в Зиргенштейне.

Для Раниса 3 характерны длинные скребки с неровными ретушированными краями, скребки средней величины тоже с ретушированными краями, округлые скребки; ретушированные пластины, среди которых есть двухконечные симметричные с максимальной шириной в средней части, пластины-острия с округлым основанием. Их сопровождают пластины-острия с частичной ретушью, преимущественно у острого конца. Типы резцов неизвестны, кроме одного — косо-ретушного. Для культуры Фогельхерд — Зиргенштейн характерны скребки: на длинных ретушированных пластинках треугольной формы с острием в основании или даже с выделенным жалом; с плечиком у лезвия (очень часты), килевидной формы (т. е. нуклеусы для снятия микропластинок), с носиком — плоские килевидные скребки. Для среднего этапа особенно характерны мелкие скребки, часто с носиком, и мелкие килевидные скребки. Ретушированные пластины очень разнообразны, асимметричные и симметричные, двухконечные острия, острия с округлым основанием, острия с необработанным основанием, пластины с вогнутым краем, пластины с поперечной ретушью конца. Для всей группы орудий, ретушированных по краям крутой ретушью (скребки, пластины, пластины-острия), характерны неровность ретушированного края, разноразмерность фасеток. Это качество ретуши передано сходно разными художниками, рисовавшими орудия Фогельхерда и Зиргенштейна. Прочие типы представлены проколками, разнообразными резцами; пластинки с притупленным краем единичны; возможно, к «ориньякоидным» слоям относятся и единичные не полностью двустороннеобработанные острия. На наш взгляд, нельзя поместить Ранис 3 ни на одну из ступеней развития культуры Зиргенштейн—Фогельхерд, различающие их типы преобладают, а сходные типы немногочисленны.

«Ежмановицкие», по Х. Мюллер-Беку, острия из Фогельхерда и соседних пещер, на наш взгляд, если основываться на рисунках к монографии Р. Р. Шмидта⁸ и на рисунках, приведенных Г. Мюллер-Беком, — всего лишь острия с крутой краевой «ориньякской» ретушью и с несколькими фасетками с брющка — выщербинками, по-видимому, случайно возникшими при ретушировании спинки или при употреблении уже готовых орудий как повреждение рабочего края. По форме и по ретуши они непохожи на ежмановицкие острия и на острия Раниса 2. Что касается Петржковиц, то там появление техники двусторонней обработки — наследство верхних слоев Вилендорфа II, где представлены и острия павловского типа, и наконечники с боковой выемкой, отделанные двусторонней ретушью. Поэтому представление Г. Мюллер-Бека о широком распространении ежмановицких традиций в верхнем палеолите Европы нам представляется преувеличенным. Происхождение любой культуры верхнего палеолита из культуры Ежмановиц сомнительно.

Вряд ли именно ориньяк Ферасси должен привлекаться для установления происхождения ориньяка Франции. Ведь «тип Ферасси» не самая

⁸ R. R. Schmidt. Die diluviale Vorzeit Deutschland. Stuttgart, 1912.

древняя ступень ориньяка Франции, ей предшествует «тип Кастанэ» (по Д. Сонвиль-Борд)⁹. Большая древность ориньяка Франции (типа Кастанэ) сравнительно с Фогельхердом исключает возможность происхождения его от памятников типа V слоя Фогельхерда. Тем не менее рассмотрим вопрос о степени сходства ориньяка типа Фогельхерд и ориньяка Франции (рис. 1, ряд В и С). Обе культуры бесспорно относятся к ориньякоидному пути развития (по нашей терминологии) и обладают известным сходством, что было отмечено Г. Риком; видимо, этого типа памятники имел в виду и Д. Пейрони, когда предполагал приход ориньякцев из-за Рейна¹⁰. Г. Мюллер-Бек также считает, что соответствие в наборе орудий между Фогельхердом и Ферасси поразительное.

К сходным чертам двух культур прежде всего следует отнести применение крутой ретуши для обработки пластин и отсюда — ряд форм, почти всегда возникающих в культурах, где существует крутая ретушь и орудия на пластинах, отделанные такой ретушью¹¹: острия с округлым основанием (есть в Кремсе, Ранисе, Ишталошко, Бачо Киро), скребки и на длинных ретушированных пластинах, короткие скребки с ретушированными краями. Два других ориньякских элемента также представлены в обеих культурах: килевидные и килевидные с носиком (à museau) скребки и костяные наконечники с рассеченным основанием.

Типология ориньяка Франции позволяет сравнить полностью две индустрии, расклассифицировав столь же подробно и ориньяк Фогельхерда. Мы еще раз повторим классификацию I ступени Фогельхердско-Зиргенштейнской культуры. Скребки: средних размеров с ретушью по краям, на длинных ретушированных пластинах, скребки с острием (иногда асимметричным) в основании. Любой из типов скребков может иметь плечико-уступ на лезвии. Ретушированные пластины-острия делятся на острия с округлым основанием, двойные острия, симметричные и асимметричные, с максимальной шириной в средней или в нижней четверти, острия с необработанным основанием и продольными краями в их нижней части, пластины с вогнутым краем. Для скребков с ретушированными краями и пластин-острий характерны неровный край и разноразмерность фасеток ретуши. Резцы встречены поперечноретушные, срединные и на углу сломанной пластинки. Проколки изготовлены на ретушированных пластинах, их жало симметрично, слегка выделено. Долотовидные орудия не отмечены Г. Риком, но они есть в Зиргенштейне. Килевидные нуклеусы-скребки сочетаются с обычными призматическими нуклеусами, есть один леваллуазский нуклеус.

Совершенно очевидно, что между памятниками I ступени культуры Фогельхерд—Зиргенштейн и I ступени ориньяка нет полного подобия, напротив, оно распространяется лишь на немногие типы. Специфические типы — пластины с перехватом, *pièces a prolongement tronqué* и резцы бюске в культуре Фогельхерд—Зиргенштейн отсутствуют. Равным образом и двойных острий, типичных для Фогельхерда, в ориньяке Франции нет или они единичны и мало похожи на фогельхердские, нет скребков с выделенным асимметричным лезвием.

Итак, зарейнские (с позиций французских исследователей) ориньякоидные культуры (Фогельхерд—Зиргенштейн, Ранис, Бальве, кремсская, Кшепице-Кехнец, Ишталлошко-Пешко) не имели отношения к ориньякской культуре Франции¹². Ориньякоидные, общие для всех этих культур

⁹ D. Sonneville-Bordes. La paléolithique supérieur en Périgord.

¹⁰ D. Peyrony. Les gisements préhistoriques des Bourdeilles. Archives de l'Institut Paléontologie Humaine, mem. 10. Paris, 1939.

¹¹ К такому же выводу приходит Д. Сонвиль-Борд.

¹² Подобный вывод сделала в последней работе Д. Сонвиль-Борд: она видит в Фогельхерде «германскую фацию», противопоставляя ее «атлантической фации», т. е. прежде всего ориньякской культуре Франции (D. Sonneville-Bordes. L'Evolution du Paléolithique supérieur en Europe occidentale et sa signification. BSPF, t. LXIII, f. 1, 1966, pp. 9—10.

признаки возникли независимо. Если для самого вероятного претендента — для Фогельхерда — потребовался специальный анализ, проделанный с разных позиций Г. Мюллер-Беком, Д. Сонвиль-Борд, А. Роненом¹³; то сомнений в том, что чехословацкие, венгерские, болгарские, австрийские и югославские ориньякоидные памятники в еще меньшей степени сходны с ориньяком Франции, не возникает, а чехословацкие исследователи К. Валох, Л. Банес ищут корни памятников культуры Кшепице-Кехнец среди местных древнепалеолитических памятников¹⁴.

¹³ А. Ronen. Observations sur l'Aurignacien. «L'Anthropologie», t. 69, № 5-6, 1965.

¹⁴ К. Valoch. Die Beziehungen zwischen dem mittleren und jüngeren Paläolithikum in Mähren. III symposium paleoliticzne. Krakow, 1967; Л. Banesz. K otázke povodu triedenia á rozsirenia aurignacien v Europe. «Svolenska archeologia», t. XIII, с. 2. Nitra, 1965.

В. П. ЛЮБИН

ПЕРВОБЫТНЫЙ ЧЕЛОВЕК В ГОРАХ БОЛЬШОГО КАВКАЗА

Большой Кавказ — мощная складчатая горная система, пересекающая по диагонали перешеек между Черным и Каспийским морями. Длина его около 1100 км, максимальная ширина (в районе Эльбруса) около 180 км. Он делится на осевую полосу, северный и южный склоны, а в продольном направлении — на Западный, Центральный и Восточный; границами между ними считают сечения, проходящие через Эльбрус и Казбек.

В осевой полосе Большого Кавказа, где высоты достигают более 4000 и 5000 м, располагаются многочисленные ледники (за исключением крайних западных и восточных участков Большого Кавказа). Южный и северный склоны состоят из более низких отрогов и передовых хребтов.

С горным рельефом связана классически выраженная на Большом Кавказе ландшафтная высотная зональность. Для южного склона Западного Кавказа характерен колхидский тип высотной зональности ландшафтов: зоны горно-лесная, горно-луговая, гляциально-нивальная. Наибольшую протяженность имеет горно-лесная зона — она простирается от берега моря и Колхидской низменности до верхней границы леса (2000 м), охватывая предгорья и среднегорья¹.

Фаунистическое и флористическое богатство Большого Кавказа, обилие здесь естественных скальных убежищ и сырья для каменных орудий ископа привлекали в эту область древнейших обитателей Кавказского перешейка².

Археологические разведки и раскопки, проведенные в Западном и Центральном Кавказе в течение последних 10—15 лет, позволили установить, что первые пришельцы не только широко расселились в полосе предгорий, но и проникали далеко в глубину гор, в пределы среднегорий и высокогорий. Следы их пребывания встречены кое-где даже в районе осевой полосы Западного Кавказа либо в местах, расположенных вблизи от перевалов через Главный водораздельный хребет (бассейн р. Джоджори в Центральном Кавказе).

Заселение человеком гор Большого Кавказа было, по-видимому, процессом длительным и неравномерным — вероятны неодновременность и неодинаковость освоения тех или иных высотных поясов и районов, оставление уже занятых земель, повторное заселение последних. Перерывы в этом процессе были обусловлены четвертичными оледенениями Большого Кавказа, резко смещавшими вниз ландшафтные зоны и оттеснявшими человека в низкие предгорные районы.

¹ Н. А. Гвоздецкий. Кавказ. М., 1963.

² В. П. Любин. Ранний палеолит Кавказа. Сб. «Природа и развитие первобытного общества на территории Европейской части СССР». К VIII конгрессу INQUA (Париж, 1969). М., 1969, стр. 154—168.

Фактические материалы свидетельствуют о том, что условия, благоприятствовавшие обитанию человека в глубине гор, с момента его прихода на Большой Кавказ (миндаль-рисс?)³ существовали по крайней мере в течение четырех периодов: 1) в эпоху среднего — начала верхнего ашеля; 2) в мустье (позднем); 3) в позднем палеолите⁴ — мезолите; 4) в энеолите и в более позднее время. Третий и четвертый периоды, по всей видимости, не разделялись перерывом, но, как кажется, между ними существовала, по-видимому, какая-то задержка в освоении горных районов⁵.

Пребывание человека в полосе средних и высоких гор (1600—2100 м) в эпоху ашеля установлено в настоящее время лишь на южном склоне Центрального Кавказа, в бассейне р. Джоджори (Юго-Осетинская автономная область Грузинской ССР), вблизи от перевалов через Кедельский хребет (участок Главного Водораздельного хребта с вершинами Халаца и Зикара). Остатки материальной культуры ашельского человека встречены здесь в нижних культурных слоях пещер Кударо I и Кударо III⁶ (горно-лесная зона; абсолютная высота соответственно 1600 и 1580 м) и Цонской⁷ (горно-луговая зона, абсолютная высота 2100 м), а также на местонахождении открытого типа Учелет (в верхней части горно-лесной зоны, на абсолютной высоте 1800 м). На местонахождении Учелет, являющемся единственным пока памятником такого рода в глубине гор Большого Кавказа, найдено три характерных ашельских ручных рубила (одно из них см. на рис. 5).

Второй — мустьерский — этап пребывания человека в горных районах засвидетельствован находками в нескольких пунктах Западного и Центрального Кавказа. В горах Западного Кавказа мустьерские каменные изделия собраны на северном склоне, в бассейне левых притоков р. Кубань — р. Пшиш (к востоку от Гойтхского перевала), рек Белая и Лаба (у северной границы Государственного кавказского заповедника). Вблизи от Гойтхского перевала, в самом верховье р. Пшиш, в трех пунктах ее правого берега, найдены следующие мустьерские изделия: 1) скребло, оформленное по краю небольшой уплощенной гальки кремнистого сланца (рис. 6, 12) — в 3—4 км к востоку от с. Алтыбино (на лесной дороге), на относительной высоте 150—200 м; 2) два отщепа мустьерского типа (рис. 6, 8) — в 1,5 км к востоку от с. Алтыбино, в урочище «Медвежья Поляна», на поверхности 10—15 м террасы; 3) группа отщепов и нуклеидных форм из местной коричневатой кремнистой породы (рис. 6, 4, 13) — в дорожной выемке грейдерной дороги Шаумян — Гойтх, на высоте 10—15 м выше урза воды в реке⁸.

На водоразделе рек Белая и Лаба найдены два кремневых отщепа мустьерского типа: небольшой, треугольный (рис. 6, 1) — в 0,5 км к северо-западу от перевала Чертовы Ворота, на абсолютной высоте 1700—1800 м (горно-лесная зона) и более крупный (рис. 6, 3) — на северо-восточном отвершке горы Ачеш-бок, на абсолютной высоте, достигающей, видимо, 2300 м (горно-луговая зона)⁹.

³ В. П. Любин. Изучение нижнего палеолита Кавказа. КСИА, вып. 118, 1969, стр. 13—19.

⁴ Под поздним палеолитом подразумевается заключительный, позднеледниковый, этап верхнего палеолита.

⁵ По материалам скальных убежищ.

⁶ В. П. Любин. Высокогорная пещерная стоянка Кударо I (Юго-Осетия). Изв. Всесоюзного географического общества, т. 91, № 2, Л., 1959, стр. 173—183.

⁷ А. Н. Каландадзе. Цонская пещера и ее культура. Сб. «Пещеры Грузии», № 3. Тбилиси, 1965, стр. 32—36.

⁸ В. П. Любин. Отчеты о работах палеоолитического отряда Института археологии АН СССР в горах Западного Кавказа в 1963 и 1964 гг. Архив Института археологии в Москве.

⁹ В. П. Любин. Исследование палеолита в горах Западного Кавказа. «Археологические открытия 1967 г.», М., 1968.

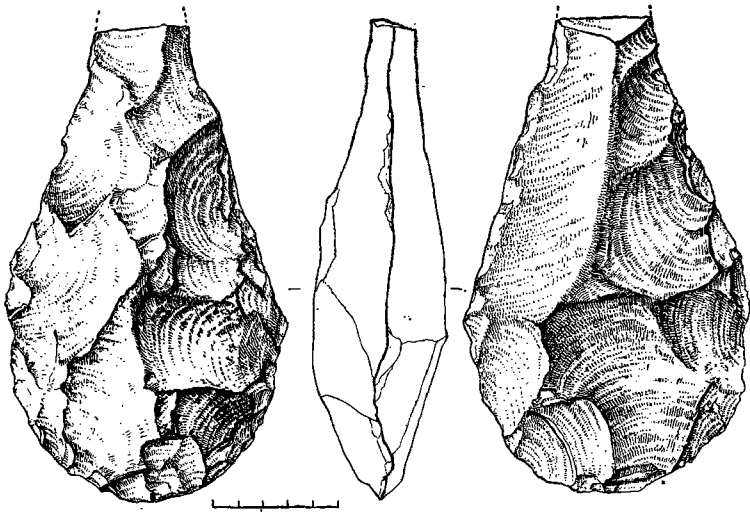


Рис. 5. Учетел. Ручное рубило из песчаника

Наиболее обильные мустьерские материалы обнаружены, однако, в горах Центрального Кавказа, на Кедельском участке его южного склона. Здесь, в долинах р. Джоджори и ее притоков Грамула и Кведрула, мустьерский культурный слой обнаружен в пяти горных пещерах — Кударо I, Кударо III, Шагат-хох, Цона и Кведи¹⁰, и, кроме того, типичные мустьерские изделия собраны вблизи от кударских пещер на местонахождениях открытого типа — Учетел, Фасраг, Горно, Сембули (рис. 6, 2, 5—7, 9—11)¹¹.

Третий — позднепалеолитический (мезолитический) — этап заселения горных районов прослежен на более широкой территории. На северном склоне Западного Кавказа он представлен пещерами Медовая I и II (к востоку от Гойтхского перевала), в нижних культурных слоях которых обнаружены кремни конца эпохи верхнего палеолита¹². В Центральном Кавказе: на северном склоне — пещерой Шау-левет в Северной Осетии (долина р. Фиаг-дон)¹³ и пещерой Сосруко в Кабарде (долина р. Баксан, Эльбрусский район), материалы из нижних культурных слоев которой отнесены к самому концу позднего палеолита (орудия типа Гварджилас-кладе)¹⁴; на южном склоне — вторыми (сверху вниз) культурными слоями всех пяти онско-югоосетинских¹⁵ (или кедельских) пещер.

К этому же кругу памятников будут, возможно, отнесены две пещерные стоянки северного склона Западного Кавказа — Ачеш-бок II и расположенная недалеко от нее, в верховье р. Ходзь (приток р. Лабы),

¹⁰ Две последние раскапываются А. Н. Каландадзе.

¹¹ Большой интерес представляет также сообщение Н. З. Бердзенишвили об обнаружении нижнепалеолитических остатков в глубине гор Южной Абхазии, на вершине горы Очаке (2000 м). См.: Н. З. Бердзенишвили. В тайны тысячелетий. Газета «Советская Абхазия» от 12 авг. 1969 г.

¹² В. П. Любин. Отчет о работах палеолитического отряда ИА АН СССР в 1963 г. Архив ИА в Москве.

¹³ В. П. Любин. Первые сведения о мезолите горного Кавказа (Осетия). МИА, № 126, 1966, стр. 155—163.

¹⁴ С. Н. Замятин и П. Г. Акритас. Исследования по каменному веку в Кабарде в 1954—1955 гг. (Предварительный отчет). «Ученые записки Кабардинского НИИ», т. X. Нальчик, 1957, стр. 25—32; они же. Раскопки грота Сосруко в 1955 г.; с приложением «Археологические исследования 1957 г. в Баксанском ущелье». — «Ученые записки Кабардинского НИИ», т. XIII. Нальчик, 1957, стр. 431—473.

¹⁵ Пещера Кведи находится в Онском районе Кутаисской обл., остальные четыре — в Джавском районе Юго-Осетии.

Соколовская (абсолютная высота приблизительно 1800 и 1500 м), при шурфовке которых во вторых (сверху вниз) слоях обнаружены узкие ножевидные пластинки. Большой интерес в этой же связи представляет и найденная П. У. Аутлевым в осевой полосе Западного Кавказа, в верховье р. Пшехи (Апшеронский район Краснодарского края), к западу от поселка Шпалорез, Тугупская стоянка открытого типа, в культурном слое которой обнаружены ножевидные пластины, резцы на пластинах и массивных сколах, концевой скребок¹⁶. К рассматриваемому этапу относятся, возможно, и кремни (ножевидные пластинки, скребочек), собранные в 1966 г. в районе туристского лагеря Холодный, на северном склоне Западного Кавказа, в верховьях р. Лабы, в 3 км от перевала Псеашхо, на абсолютной высоте 1800 м (на маршруте из Псебая в Красную Поляну)¹⁷.

Последний, отчетливо выраженный этап пребывания человека в горах начинается с энеолита. Он хорошо прослежен по находкам в базальной части самых верхних культурных слоев названных югоосетинских пещер и Канавинской пещеры (в истоках р. Ходзь, на северном склоне Западного Кавказа). Стадия неолита в отложениях этих пещер не представлена.

Четыре отмеченных этапа заселения гор особенно отчетливо засвидетельствованы колонками культурных напластований пещер Кударо I, Кударо III и Цона — свитами, состоящими из четырех стратиграфически сопряженных, но одновременных слоев. Разделяющие их промежутки времени не представлены здесь ни осадками, ни археологическими материалами. Отсутствие промежуточных образований между первыми тремя этапами может быть объяснено прекращением процессов седиментации в пещерах в условиях вечной мерзлоты, которая, видимо, имела здесь место в периоды ресса, раннего и главного вюрма. Именно в эти холодные периоды, когда граница вечных снегов сильно понижалась (в максимальной фазу вюрма, например, по данным Д. В. Церетели, на южном склоне Западного Кавказа снеговая граница снижалась до 1875—1900 м, на южном склоне Центрального Кавказа — до 2000—2200 м)¹⁸, люди были вынуждены оставлять высокогорья и среднегорья.

Таким представляется основной принцип, раскрывающий причины непостоянного пребывания четвертичных людей в горах Большого Кавказа. В предложенной схеме четырех этапов имеются, конечно, слабые звенья: возможность отнесения пещерного ашеля не к дориссу, а к риссу I—II (?), вероятность расчленения в будущем времени пребывания мустьерских людей в горах на два (возможно, и более) этапа — ресс-вюрмский и средневюрмский, между которыми имело место первое вюрмское (калинское по А. И. Москвитину)¹⁹ оледенение.

Холода главного вюрма (осташковское оледенение по А. И. Москвитину), как кажется, особенно сильно потеснили людей: верхнепалеолитические стоянки в Грузии, по данным А. Н. Каландадзе, встречаются не выше 800—900 м над уровнем моря²⁰.

Третий этап заселения гор следует, видимо, связывать со временем угасания ледников последнего оледенения, когда эколого-ландшафтная обстановка в горах постепенно становилась благоприятной для пребывания

¹⁶ П. У. Аутлев. Разведка памятников каменного века в Прикубанье. «Археологические открытия 1968 года». М., 1969, стр. 95—96.

¹⁷ В. П. Любин. Разведки палеолита в горном Причерноморье. «Археологические открытия 1966 года». М., 1967, стр. 64—65.

¹⁸ Д. В. Церетели. К вопросу о четвертичном оледенении Кавказа. «Тезисы доклада на Всесоюзном совещании по палеогеографии и геоморфологии Кавказа». Тбилиси, 1963, стр. 50.

¹⁹ О масштабах похолоданий, как предполагается, именно этого оледенения говорят фаунистические и палинологические данные Кепшинской пещеры. См.: В. П. Любин, Н. И. Бурчак-Абрамович и М. Н. Клапчук. Кепшинская пещера и вопросы палеогеографии плейстоцена Сочинского Причерноморья. КСИА, вып. 126, 1971.

²⁰ А. Н. Каландадзе. Разыскания по археологии доантичной Грузии (автореферат диссертации). Тбилиси, 1969, стр. 31.

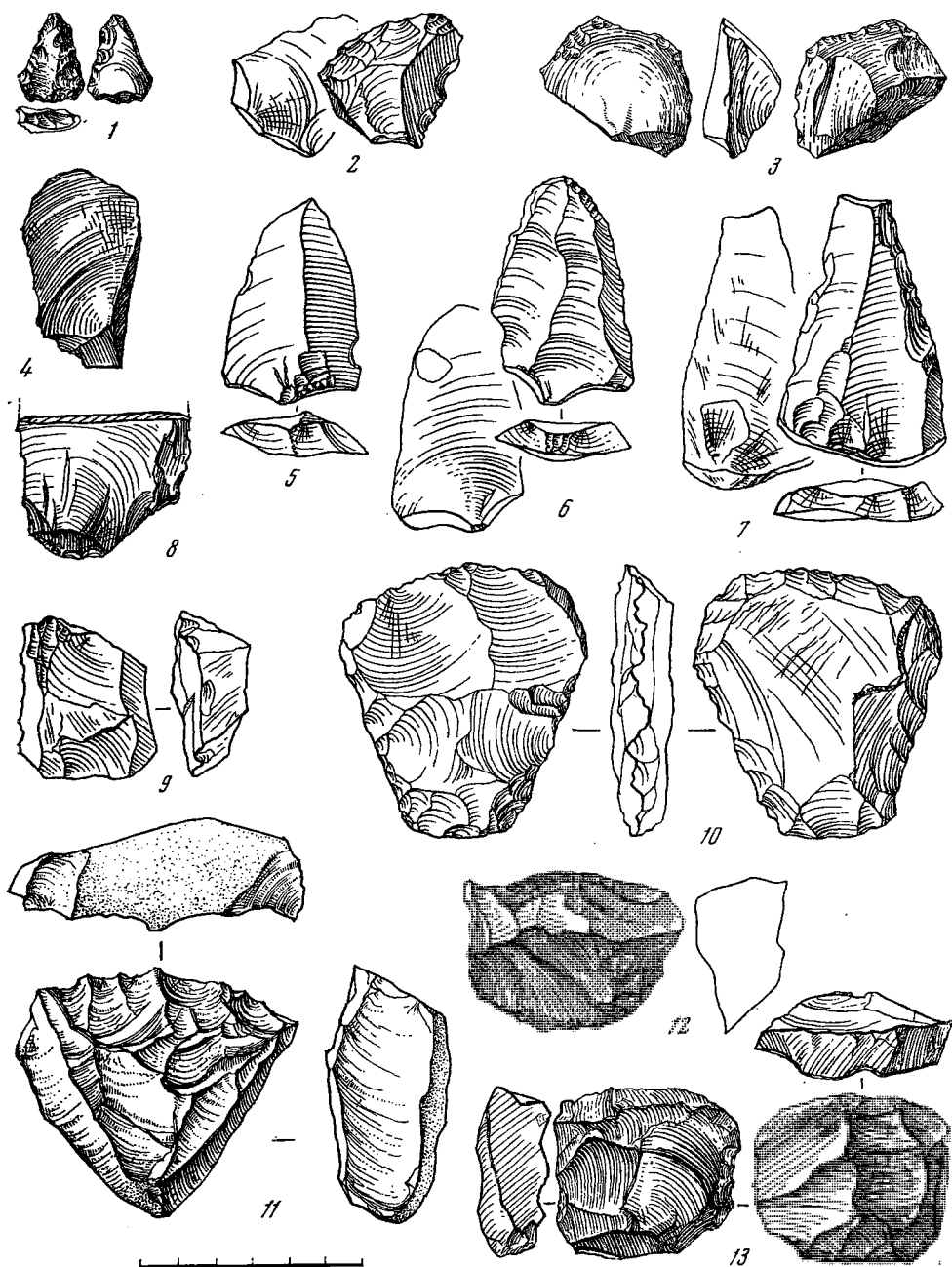


Рис. 6. Мустьерские каменные орудия из разных районов Большого Кавказа
 1 — перевал Чертовы Ворота; 2, 5—7, 9—11 — Учелет, Фасраг, Горно (Юго-Осетия); 3 — гора Ачеш-бок;
 4, 13 — Гойтх; 8 — Медвежья Поляна; 12 — с. Алтыбина

там человека, то есть он начинался, видимо, еще в позднеледниковье, в теплое аллерёдское время или даже несколько раньше (материалы гротов Сосруко, Шау-легет и др.), но местами захватывал и нижний голоцен. Есть основания полагать, что на более низких участках Большого Кавказа (Кавказ Черноморский и Абхазский) этот этап начинался в несколько более ранние сроки.

Последний — энеолитический — этап является скорее всего не обособленным этапом заселения гор, а временем более интенсивного освоения горных районов, совпадающим со второй половиной среднего голоцена (конец атлантического, начало суббореального периода). Культурные слои энеолитического времени наиболее четко представлены в пещерных стоянках; их подстилают непосредственно не неолитические, а мезолитические культурные отложения. Это явление, по всей видимости, объясняется тем, что в предшествовавшее энеолиту влажное и теплое атлантическое время человек оставлял пещерные убежища²¹.

Таков первый, черновой набросок схемы истории заселения человеком гор Большого Кавказа. Новые данные, возможно, существенно уточнят и дополнят эту схему, а радиоуглеродные даты представят необходимые хронологические привязки.

²¹ Исследуя пещеры Абхазии, Н. З. Бердзенишвили также пришла к заключению, что энеолитические слои (часто весьма мощные), в отличие от неолитических, часто встречаются в пещерах. См.: *Н. З. Бердзенишвили. В тайны тысячелетий...*

С. А. СЕМЕНОВ

ОБСИДИАНОВЫЕ НОЖИ ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ
В КРАТЕРЕ ВУЛКАНА НГОРОНГОРО (ТАНЗАНИЯ)

В 1969 г. от танзанийского археолога Гамо Сассона в лабораторию первобытной техники при Ленинградском отделении Института археологии АН СССР была направлена коллекция обсидиановых орудий из Нгоронгоро для трасологического изучения их функций.

Гигантский кратер древнего вулкана Нгоронгоро в Восточной Африке представляет в настоящее время уникальный заповедник местной фауны и флоры. С 1908 по 1918 г. здесь на холмах были обнаружены могильные комплексы, содержащие человеческие останки и погребальный инвентарь. Могила была частично разрушена немецкими колонистами, добывавшими на холмах строительный материал. В 1941 г. здесь впервые были проведены раскопки М. Д. Лики¹, которые возобновились только в октябре 1967 г. По распоряжению департамента античности правительства Танзании был намечен к раскопкам холм Румбе, возвышающийся над дном кратера до 122 м и около 1916 м над уровнем моря. Он состоял из розоватой лавы и имел склоны под углом в 18—20°. Ближайший источник воды (речка) расположен от холма в 1,5 км. На холме Румбе всего оказалось 11 погребений, выступавших в виде небольших возвышений².

Человеческие скелеты находились в полуразрушенном состоянии вследствие деятельности термитов, которые пронизали своими ходами почти все погребения, создавая пустоты между костями и грунтом. Кости животных были в такой степени сохранности, при которой определение видов крайне затруднялось.

В составе инвентаря были каменные сосуды, сделанные техникой пикетажа из туфа и лавы. Это, скорее, были, если судить по толщине дна и стенок, каменные ступки, круглые по форме, сравнительно небольшого размера, от 7 до 11 см в диаметре и весом от 500 г до 4 кг. Их сопровождали каменные пестики и куранты из кварцита; одни из плотной лавы, другие — из гранита. Формой куранты напоминали «булочки», и лишь отдельные экземпляры имели вид, близкий к цилиндрам с округлыми концами, на которых сохранились следы ударов и трения. Некоторые пестики были окрашены охрой, для растирания которой они употреблялись.

Обнаружено два экземпляра плоских зернотерок из гнейса. Крупная, имевшая размеры 57×26 см, толщину 4,5 см, содержала в порах краску (охру), растирание которой, по-видимому, являлось побочной функцией.

¹ M. D. Leakey. Excavation of burial mounds in Ngorongoro crater. «Tanzania Notes and Records», 66, 1966, p. 125—135.

² H. Sasseon. Excavation of a Burial Mound in Ngorongoro Crater. «Tanzania Notes and Records», 69, 1968, p. 15—32.

Судя по размерам, она предназначалась для размалывания растительной пищи. Возможно, охра, которой было достаточно в погребениях, попала на ее поверхность случайно. Вторая зернотерка была поменьше (35×25 см). Следы изнашивания находились в центре в виде чашевидных углублений.

Кроме этого, в погребениях сохранились фрагменты керамики и два железных предмета — украшения. Среди других каменных изделий в погребении найдены бусы, подвески и украшение для носовой перегородки в форме полумесяца, круглое в поперечном сечении. Бусы изготовлены из желтого халцедона в виде мелких дисков.

Всего обсидиановых предметов оказалось 152. Из них 47 экземпляров представляли отщепы и пластинки без признаков ретуши или со слабыми ее признаками.

Памятник был датирован по C_{14} 310 г. до н. э., что соответствовало двум другим памятникам с каменными сосудами из Кении.

Для отправки в Ленинград Гамо Сассон отобрал 20 обсидиановых предметов — пластинки, отщепы и осколки. Obsидиан, за исключением двух экземпляров, принадлежал к стекловидной породе с зеркальным отливом поверхности, имел черный цвет. Только на двух предметах ока-

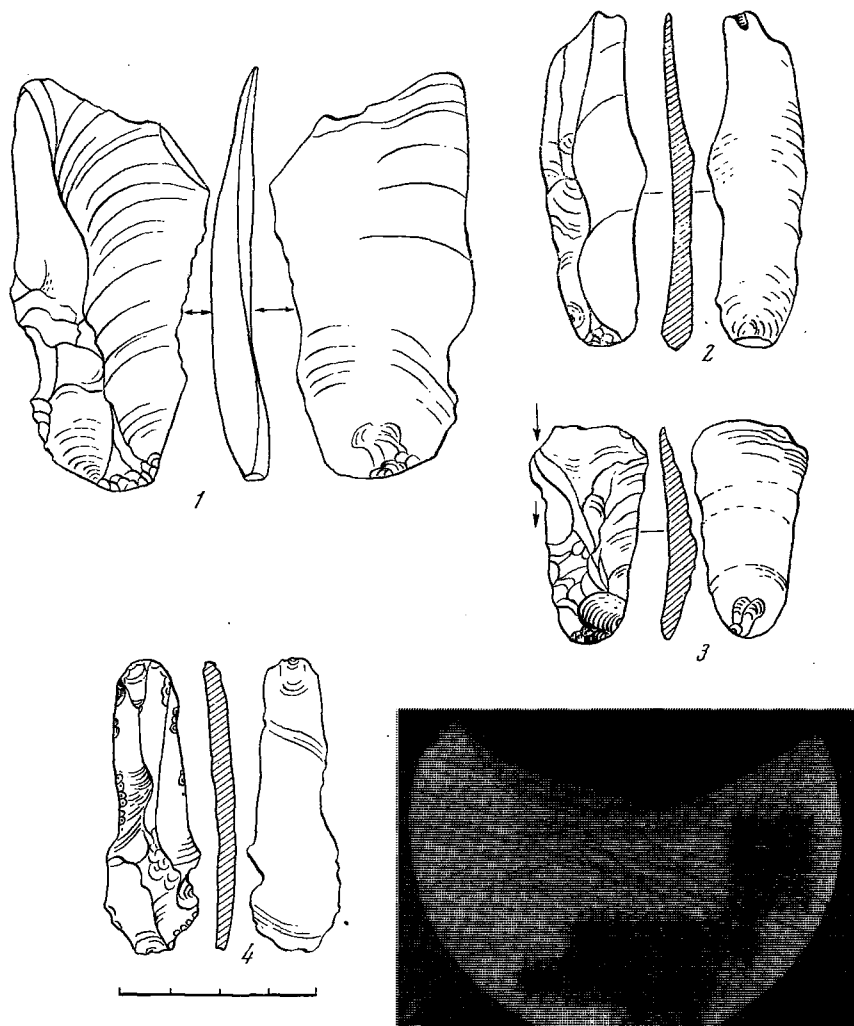


Рис. 7. Ножи из кратера Нгоронгоро и микрофотография следов работы

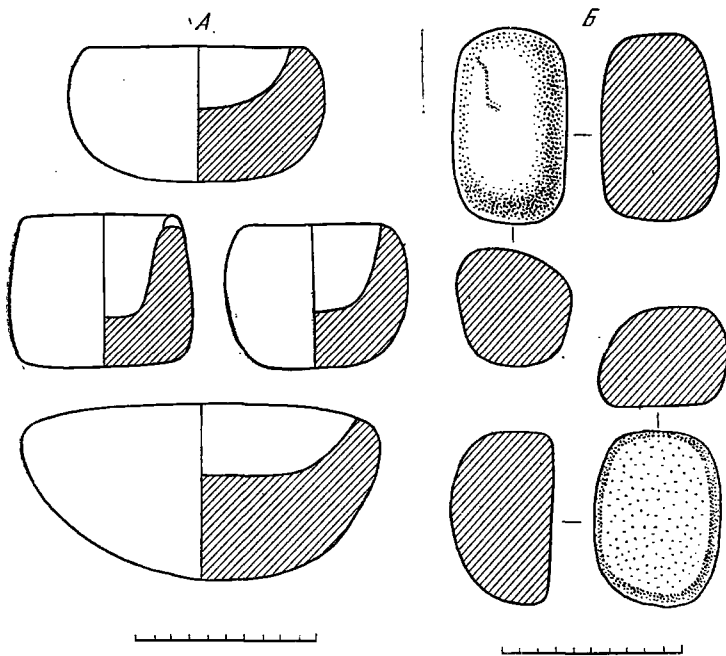


Рис. 8. Каменные ступки, пестики и куранты из кратера Нгоронгоро

зались следы вторичной обработки (ретуши), все остальные экземпляры имели очень острые лезвия и сравнительно тонкое сечение.

В результате трасологического изучения было установлено, что почти все пластинки и отщепы имели следы изнашивания в форме линейных признаков, шедших преимущественно параллельно лезвию. Иногда линейные следы слегка отклонялись от этого направления, в отдельных случаях даже шли перпендикулярно лезвию. Они располагались на обеих сторонах лезвий, что говорило об употреблении этих орудий в качестве ножей. Такого рода признаки изнашивания указывают на использование орудий при перерезании гибких волокнистых веществ органического происхождения: животного или растительного.

Первоначально было высказано предположение, что перед нами охотничьи ножи, служившие для разделки добычи. При перерезании шкур, сухожилий и мяса животных нож равномерно, обеими плоскостями лезвия погружается в этот пластический материал и производит двусторонние движения «пиления» или «резания».

Естественно, что ни кожа, ни связки, ни тем более мышцы препарируемых животных не могут оставить линейных следов изнашивания на таком твердом веществе, как кремний или обсидиан. Только песок из кварца или полевого шпата, попадающий между лезвием и телом разделяемого животного, может произвести на каменном лезвии эффект линейных следов вследствие процесса царапания. Присутствие песка на мехе животных, труп которого разделялся на земле охотником, представляется вполне логичным. Именно песчинки земли, прилипшей к бахтарме шкуры, снятой с добычи, производили то абразивное действие, в результате которого кремневые скребки палеолитической и неолитической эпох несут столь резко выраженные следы изнашивания.

Однако образование отчетливо выраженных следов с линейными показателями направления движения — сравнительно редкое явление на лезвиях охотничьих (мясных) ножей. Только весьма длительное употребление каменных ножей без вторичного их использования, без подправок

и переделок может оставить на их поверхности ясно выраженные следы такого применения. Причем следы такого рода могут образоваться на каменных ножах с очень тонкой структурой породы и гладкой поверхностью, например на орудиях из черного мелового кремня, халцедона или обсидиана.

Наскоро и небрежно изготовленные обсидиановые орудия из кратера Нгоронгоро не употреблялись длительное время. Об этом свидетельствовал зеркальный блеск их поверхности. А как известно, обсидиановые орудия, в отличие от кремневых, теряют свой естественный блеск в изломе от длительного употребления; приобретают матовую поверхность. Присутствие линейных следов изнашивания на их лезвиях оставалось несомненным фактом, который нуждался в объяснении. Этот факт исключал мысль, что наскоро сделанные отщепы и пластинки предназначались только в качестве ритуального инвентаря, а практического значения не имели.

Вся сумма признаков и состав инвентаря в погребениях заставляют нас допустить существование и другой функции у изучаемых обсидиановых орудий, кроме функции охотничьих ножей, служивших для разделки добычи. Присутствие каменных ступок, пестов, плит и курантов говорит в пользу широкого применения растительной пищи насельниками кратера Нгоронгоро.

О. Дэвис³ не без основания утверждает, что в Африке очень рано мог возделываться ямс. Здесь известны два вида ямса (*Dioscorea dumetorum* и *Dioscorea cayenensis*), которые считают прародителями для многих видов этого корнеплода, завоевавшего тропические зоны планеты. В пользу древнего возделывания ямса говорят обычаи у земледельцев Западной Африки употреблять не железные мотыги при сборе в праздник нового урожая, а деревянные⁴.

Клубни ямса едят в печеном, жареном и вареном виде, так как в сыром они ядовиты и имеют горький вкус благодаря присутствию алколоида диоскорина. Последний в процессе замачивания и горячей обработки улетучивается⁵. По вкусу ямс напоминает картофель. Разрезанные на куски клубни ямса высушиваются и размалываются в муку, из которой можно готовить различные пищевые изделия. Возможно, что каменные ступки и песты из погребений Нгоронгоро служили для таких целей.

Остается нерешенным вопрос: возделывали ямс обитатели кратера Нгоронгоро или пользовались его дикими разновидностями? По времени в Восточной Африке земледелие складывается незадолго до н. э., т. е. сравнительно поздно.

То же следует сказать и в отношении возделывания зерновых. К числу африканских растительных аборигенов относятся дикие виды сорго и просо. Пальчиковое просо (*Eleusine coqana*) и тефф (*Eragrostis teff*) считают аборигенами Эфиопии. Возможно, дикие виды этих злаков уже собирались и употреблялись в пищу. Для срезания стеблей сорго (дурра) могли служить обсидиановые ножи с характерными линейными следами изнашивания их лезвий. Говорить о земледелии как сложившемся хозяйстве в этой части Танзании за три столетия до н. э. пока нет достаточных оснований. Необходимы дополнительные свидетельства. Пока нам известно, что зачатки земледелия в Восточной Африке достоверно еще нельзя проследить глубже первых веков н. э. Известные нам скудные археологические факты в виде остатков керамики с ямками, зернотерок и пестов из местонахождений в Танганьике, Уганде, Кении служат лишь

³ O. Devies. The Origins of Agriculture in West Africa. «Current Anthropology», 1968, Part II, p. 479—482.

⁴ D. C. Scoursey. Yams. London, 1968, p. 7—10.

⁵ И. А. Минкевич. Растениеводство (умеренной, субтропической и тропической зон). М., 1968, стр. 305.

косвенными свидетельствами оседлости. Правда, к этому же времени относятся и самые первые признаки выплавки, обработки и употребления железа (Замбия, Руанда), а костные остатки крупнорогатого скота указывают на существование пастушеского животноводства. Есть каменные сосуды, найденные в Кении с остатками растительных веществ⁶. Вероятно, здесь земледелие сочеталось с собирательством, охотой и рыболовством. Такое земледелие вначале могло существовать в форме посадочного хозяйства, а не посевного, так как для посева зерновых требовались значительные площади обработанной земли, которую еще необходимо было освободить от сорняков. При посадочном земледелии, особенно при возделывании таких корнеплодов, как ямс, таких растений, как бананы и др., обработка земли могла оставаться на самом низком техническом уровне. Эти культуры успешно борются с сорняками и для их посадки требовалось лишь выкапывание небольших ямок. Посадочное земледелие могло в тропической зоне Африки появиться очень рано, не оставив археологических свидетельств.

Что касается посевного (зернового) земледелия, то оно нуждалось в таких мерах, которые вели его к монокультуре; оно тесно связано с более засушливыми областями Африки и хорошо нам известно как очень древнее достижение более северных зон этого континента.

⁶ D. Seddon. The Origins and Development of Agriculture in East and Southern Africa. «Current Anthropology», 1968, Part II, p. 490.

Н. Н. ГУРИНА

ВОДОПЛАВАЮЩАЯ ПТИЦА В ИСКУССТВЕ НЕОЛИТИЧЕСКИХ ЛЕСНЫХ ПЛЕМЕН

Среди предметов искусства неолитических племен лесной зоны привлекает к себе внимание весьма часто повторяющееся изображение водоплавающей птицы: гуся, лебедя и в особенности утки. Эти образы нашли воплощение в прикладном искусстве, преимущественно как украшения деревянных предметов утилитарного назначения (ковшей, ложек), в костяной, кремневой или, очень редко, глиняной скульптуре и, наконец, в форме рисунка на поверхности гранитных скал и глиняной посуды.

Территория их распространения хотя и довольно обширна, но, однако, очерчивается отчетливо. Указанные изображения встречаются в Восточной Прибалтике¹, Финляндии², Карелии³, современных Ленинградской⁴, Новгородской⁵, Вологодской и Архангельской обл.⁶, Коми АССР⁷, Костромской обл.⁸, на Урале и в Западной Сибири⁹. Иными словами, они занимают хотя и большую, но весьма компактную зону — северо-западные и северо-восточные области. Редкие экземпляры их и то лишь в форме костяной скульптуры известны в Волго-Окском междуречье¹⁰.

Благодаря значительной серийности изображений с достаточной определенностью можно ответить на второй вопрос: в пределах какого хронологического этапа они встречаются? До сих пор подобные изображения не известны в мезолите. Основная масса их представлена в неолитических и реже — раннебронзовых слоях.

¹ Л. В. Ванкина. Торфяниковая стоянка Сарнате. Рига, 1970; И. А. Лозе. Костяная и роговая скульптура эпохи неолита на территории Латвии. «Известия Академии наук Латвийской ССР», № 11 (268), 1969.

² S. Pääsi. Riukjarven ja Piiskunsalmen Kivikautiset asuinpaikat Kaukolassa. SMYA, t. XXVIII. Helsinki, 1920; I. Ailio. Die Steinzeitlicher Wohnplatzfunde in Finland, V. I, II. Helsingfors, 1909.

³ Н. Н. Гурина. Древняя история северо-запада Европейской части СССР. МИА, № 87, 1961.

⁴ Н. Н. Гурина. Указ. соч.; Б. Ф. Земляков. Негежемская неолитическая стоянка. «Труды КИЧПЕ», вып. 11. Л., 1932.

⁵ Материал хранится в Новгородском историко-архитектурном музее-заповеднике.

⁶ А. Я. Брюсов. Свайное поселение на р. Модлоне и другие стоянки в Чарозерском районе Вологодской области. МИА, № 20, 1951; В. И. Смирнов. Орнаментальный фриз на сосуде из стоянки Кубенино. КСИИМК, вып. X, 1940.

⁷ Г. М. Буров. Древний Синдор. М., 1967.

⁸ И. В. Гаврилова. См. заметку в настоящем выпуске.

⁹ Д. Н. Эдинг. Резная скульптура Урала. «Труды ГИМ», вып. X. М., 1940; Н. П. Кипарисова. Чебаркульская неолитическая стоянка. КСИИМК, вып. 59, 1955; В. М. Раушенбах. Среднее Зауралье в эпоху неолита и бронзы. «Труды ГИМ», вып. 29. М., 1956.

¹⁰ И. К. Цветкова. Украшения и скульптура из неолитического могильника Черная Гора. Сб. «Экспедиции ГИМ. Доклады сессии Ученого совета ГИМ». М., 1969.

Следует также отметить, что в северных областях и в более позднее время образ птицы, воплощенный в металле (бронзе) в виде «уточек» и их «лапок», является весьма типичным украшением, встречаясь в курганных погребениях X—XIV вв., а также изредка они доживают как украшения деревянной посуды до этнографической современности.

Исключив из нашего рассмотрения столь поздние периоды истории и обратясь к неолиту и бронзе, можно достаточно обоснованно утверждать связь изображений водоплавающей птицы с определенными культурами. К ним относятся западный вариант нарвской (или сарнатской) культуры и культуры с ямочно-гребенчатой керамикой: прибалтийская (Латвия, Финляндия, Новгородская и Ленинградская области), карельская, каргопольская — на северо-западе и зауральская (горбуновская) культуры — на востоке.

В более поздний период изображения водоплавающей птицы на рисунках встречаются в культурах с ранней текстильной керамикой, в галичской и близких к ней культурах, а в более восточных областях — на Урале, в предандроновской и андроновской¹¹. В рамках данной статьи мы сможем остановиться на одном из аспектов этого вопроса — изображениях птиц на глиняных сосудах, коснувшись других форм искусства лишь кратко.

Как уже указывалось, образ водоплавающей птицы представлен довольно многочисленными экземплярами деревянных изделий (рис. 9). Наиболее совершенные образцы их, украшающие бытовые предметы (ковши и ложки), встречены в торфяниковых стоянках: Сарнате и на Урале. По своему существу они являются круглой скульптурой, где голова птицы служит ручкой, а тело является основной частью сосуда или ложки. Все изображения изумляют совершенством формы, гармоническим единством образа. Силуэт ее удивительно жизненно правдив. Во всех случаях плывущая птица, чаще со слегка вытянутой и наклоненной книзу, а в других случаях с грациозно поднятой вверх изящной головкой. При этом весьма тактично подчеркнута особенность птицы — вытянутая шея и узкий клюв лебедя и широкий, плоский клюв утки. Переход от шеи к голове, хотя и хорошо заметен, но не резкий, полностью соответствующий натуре. Голова в меру утолщена, овальная. Во всех этих скульптурах чувствуются большие практические познания мастера, его вкус и несомненный талант скульптора. Так уже в эпоху неолита была найдена форма этого вида изображений, которой следовали затем в течение многих тысячелетий. Особенно часто встречается скульптура утки, хотя ее отличительные черты и проявляются, казалось бы, в малозаметных деталях: в форме и пропорциях головы и шеи, клюва и головы, а также в большей или меньшей вытянутости туловища. Очень существенно при этом, что голова является лишь частью изображения, в котором тело птицы служит вместилищем, в основном для жидкости (ложкой или ковшем). С нашей точки зрения, это не является случайностью, а тесно связано с семантикой скульптуры.

Высокосовершенная и канонизированная деревянная скульптура водоплавающей птицы делает очень вероятным предположение, что и в других памятниках очерченной нами территории, вероятно, также существовали подобные предметы, которые не сохранились из-за специфики культурного слоя.

Изображения водоплавающей птицы, выполненные из кости, встречаются значительно реже. В коллекции из Лубанского оз. (Латвия), например, двустороннепрофильное изображение водоплавающей птицы в двух случаях украшает рукоятки кинжалов¹². При этом на одном из

¹¹ Л. Я. Крижевская. Южно-Уральская экспедиция. «Археологические открытия 1966 г.» М., 1967; «Андроновская культура». — «Археология СССР». САИ, вып. ВЗ-2, 1966.

¹² И. А. Лозе. Указ. соч., рис. 1, 1, 2.

них принадлежность птицы к семейству водоплавающих определяется довольно отчетливо — очень хорошо показана выдающаяся вперед грудь птицы слегка подчетыреугольных очертаний, и маленькая овальная головка. Спина птицы приподнята и имеет три коротких и острых зубца, лезвие кинжала является как бы естественным продолжением тела птицы, заканчивающегося острием. Изображение на втором кинжале несколько иное. Размер птицы немного меньше, очертания ее изящнее, они округлы, тело приближается к овалу, шея, сильнее вытянутая вперед, заканчивается маленькой округлой головкой, скорее напоминающей головку лесной птицы. Острые кинжала органически не слито с изображением птицы, и вся она вплоть до хвоста уместена в рукояти.

Единичное изображение водоплавающей птицы, выполненное из кости, известно, например, с поселения Черная Гора. Из двух найденных там экземпляров, один, по мнению И. К. Цветковой¹³, является скульптурной головкой лебедя. Фигурка довольно крупного размера (высота 7,5 см, ширина 5,5 см). Изогнутая длинная шея (округлая в сечении), заканчивающаяся со стороны туловища трехгранным утолщением, переходит затем в округлую головку с заостренным клювом и чуть заметной выпуклинкой на месте глаз. В целом изображение несовершенно, соотношение головы и шеи непропорционально, изгиб шеи неестественно угловат¹⁴. Кремневая скульптура водоплавающей птицы также пока в полной мере единична. Известно лишь одно изображение, при этом весьма совершенное, из свайного поселения на р. Модлоне¹⁵. Фигурка (длиной 6,5 см, высотой 4 см) обработана с обеих сторон сплошной ретушью. Она имеет овальное туловище, которое, будучи заостренным сзади, плавно переходит впереди в прямо поднятую шею, а затем в округлую головку с вытянутым клювом. Интересной деталью является узкий небольшой выступ, перпендикулярный спине. Несмотря на трудность обработки использованного для изготовления скульптуры материала, фигурка птицы выполнена великолепно. Она в меру пропорциональна и реалистична. Выступ, имеющийся на спине птицы, в свете других изображений следует воспринимать как поднятые крылья.

Особый интерес в силу относительной многочисленности, а следовательно, возможности типологизации, представляют изображения водоплавающей птицы на поверхности глиняных сосудов (рис. 10). Существенно при этом, что территория распространения их уже, чем территория распространения костяной скульптуры. Так, они известны лишь в Карелии, современных Ленинградской, Новгородской, Вологодской и Архангельской обл., Коми АССР и на Урале. Лишь два изображения вне этой территории обнаружены в последнее время в Белоруссии¹⁶. При этом нетрудно заметить, что они резко отличаются от основной массы рисунков перечисленных выше областей.

Как сказано, основное количество изображений относится к неолитической эпохе, меньше к эпохе бронзы и, возможно, раннему железу; при этом стиль рисунков для каждой из этих эпох различен. Следует подчеркнуть, что они пока не известны в нарвской культуре, волго-камской, культуре сперрингс и типичной льяловской. Сосуды, на которых имеются рисунки водоплавающей птицы, принадлежат прибалтийской, карельской, каргопольской и горбуновской культурам. Таким образом, рисунки водоплавающей птицы локализуются в северных областях, в основном совпа-

¹³ И. К. Цветкова. Указ. соч.

¹⁴ Там же, рис. 4, 1. Как указывает автор, для изготовления этой фигуры была использована естественная изогнутость кости, которую мастер лишь слегка подверг обработке.

¹⁵ А. Я. Брюсов. Указ. соч., рис. 13, 1.

¹⁶ М. М. Чернявский. Исследование неолитических поселений Кривинского торфяника. «Древности Белоруссии». Минск, 1969; В. Ф. Исаенко. Неолитические памятники типа Литвин на нижней Припяти. «Белорусские древности». Минск, 1967.

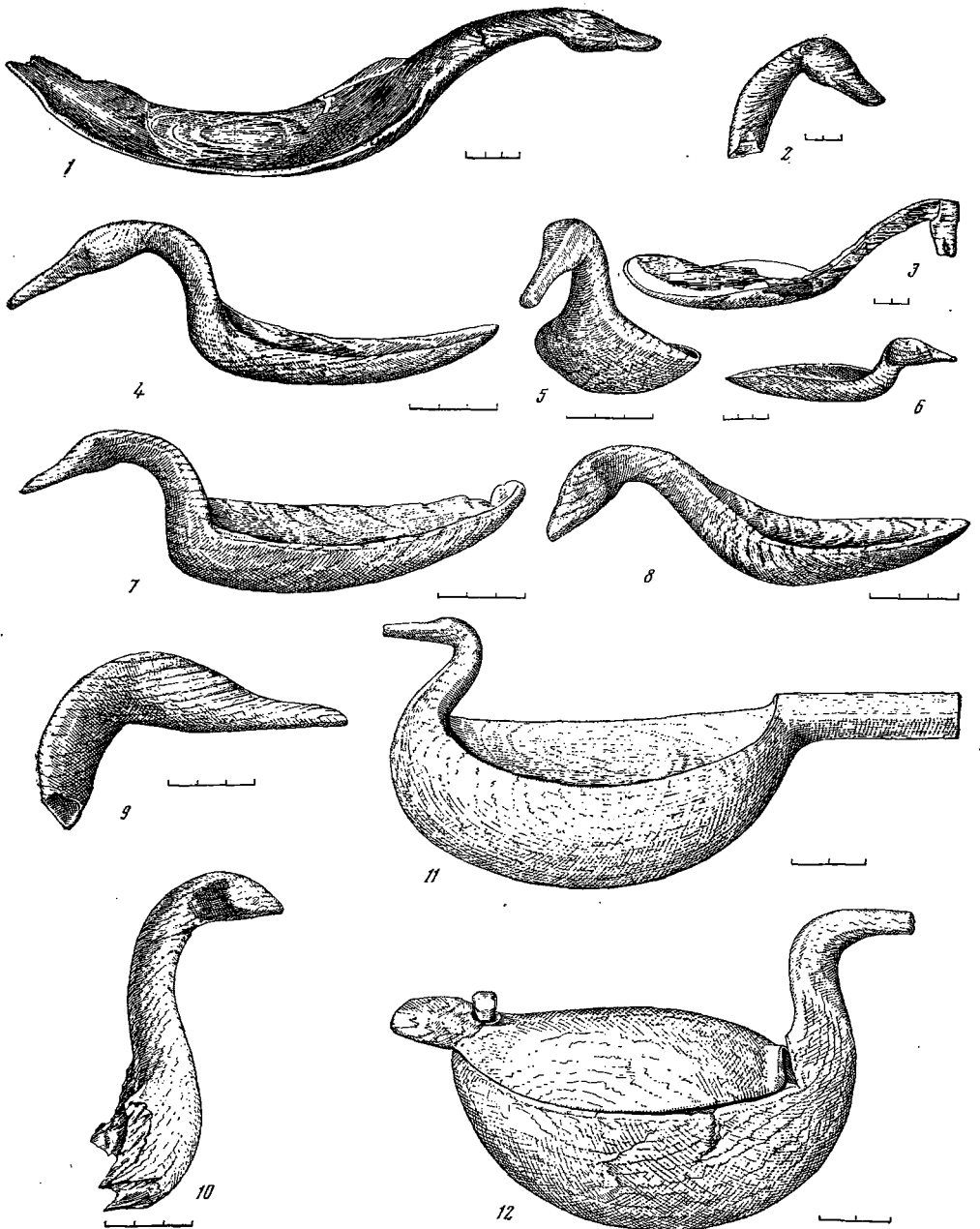


Рис. 9. Деревянная посуда в форме водоплавающей птицы и зверя

1—3—Сарватский торфяник; 1—ложка с головой гуся; 2—голова утки; 3—ложка с головой зверя;
 4, 5, 7—10—Горбуновский торфяник; 4, 5—ложка с головой лебедя; 7—ковш с головой гуся; 8—ложка
 с головой болотной курочки; 9—ручка ковша с головой утки; 10—обломок ковша с головой гуся; 6—
 Шигирский торфяник, ковш с головой утки; 11, 12—Коми ССР, Удорский р-н; 11—ковш; 12—солонка
 (материал из коллекции Н. С. Королевой)

дая с распространением костяной скульптуры водоплавающей птицы, но вместе с тем занимая более компактную область¹⁷.

Несмотря на некоторое различие в деталях, порой весьма любопытных, в целом манера изображения едина. Как правило, все изображения выполнены гребенчатым штампом, чаще мелким и четким, реже — более крупным и небрежным. Только в четырех случаях (Литвин I, Кривина I — Белоруссия; Кузнечиха — Архангельская обл. и Вой-Наволок 9 — Карелия) гребенчатый штамп заменен: в двух случаях точечным и двух других — мелкоямчатым орнаментом.

В подавляющем большинстве по стилю рисунки очень близки. Это силуэтные изображения, где предельно лаконично, но вместе с тем чрезвычайно выразительно показана плывущая птица, в которой без труда можно узнать утку. Об этом говорят подчетыреугольное очертание тела, короткая шея, пропорционально маленькая голова.

Весь рисунок передан прямыми геометрическими линиями. Тело утки показано параллельными оттисками довольно длинной гребенки числом от двух до четырех, шея такими же оттисками гребенчатого штампа, нанесенного под прямым или слегка острым углом по отношению к телу. Иногда шея слегка откинута назад, в других же случаях немного вытянута вперед. Головка передана коротким гребенчатым штампом, при этом толщина ее соответствует толщине шеи, что достигается равным количеством отпечатков. Корпус птицы всегда шире шеи и головы.

Наиболее часты случаи изображения корпуса птицы горизонтальными оттисками гребенчатого штампа; пока нам известно только три изображения (из Финляндии, Ленинградской обл. и Урала), где он выполнен вертикальными отпечатками штампа. При этом существенно, что соотношение ширины тела и шеи строго соблюдено.

Определенного интереса, ввиду четкой локализации, заслуживает одна деталь рисунка — поднятые крылья, показанные одной-двумя короткими черточками на спине птицы. Во всех случаях, так же как и у живой птицы, они имеют косое направление — от головы в сторону хвоста. Рисунки уточек с поднятыми крыльями известны из северо-западных районов. Наиболее восточным из них является сосуд из современной Вологодской обл. — стоянка Кубенино (рис. 10, 10), остальные найдены в современной Ленинградской обл. — стоянка Негежма и Ломми (рис. 10, 3, 1) и в Финляндии (рис. 10, 2, 5). На сосуде из стоянки Кубенино на двух фигурах, помимо того, показан слегка приподнятый хвост птицы.

Умение чрезвычайно скупыми средствами передать реалистический рисунок утки очень наглядно выявляется при сопоставлении этих, по существу своему типических образов, с изображением, также сделанным на глиняном сосуде, из стоянки Кузнечиха¹⁸. Длинная шея с маленькой головкой, резко выгнутый вверх корпус не оставляют сомнения, что это лебедь. Любопытна такая деталь — переданы ноги, помещенные при этом позади корпуса, как обычно бывает у плывущей птицы. Весь рисунок выполнен с помощью только мелких наколов.

Для типичных изображений уток характерна и еще одна общая черта: везде, где удастся проследить по более крупным или по нескольким фрагментам, хотя и не склеивающимся, но явно от одного сосуда, птицы изображены группой, плывущими одна за другой, создавая на сосуде целые фризы. Не берясь утверждать со всей категоричностью, все же следует заметить, что единичные изображения птиц на сосудах — не типичны. Интересно, что в тех случаях, когда удастся сделать наблюдения над целым или значительной частью сосуда, где показана стая плывущих

¹⁷ Мы не останавливаемся здесь на наскальных рисунках водоплавающей птицы, в целом включающихся в очерченную выше зону (Карелия).

¹⁸ В. И. Смирнов. Предварительное сообщение о стоянке на р. Кузнечихе. СА, VI, 1940.

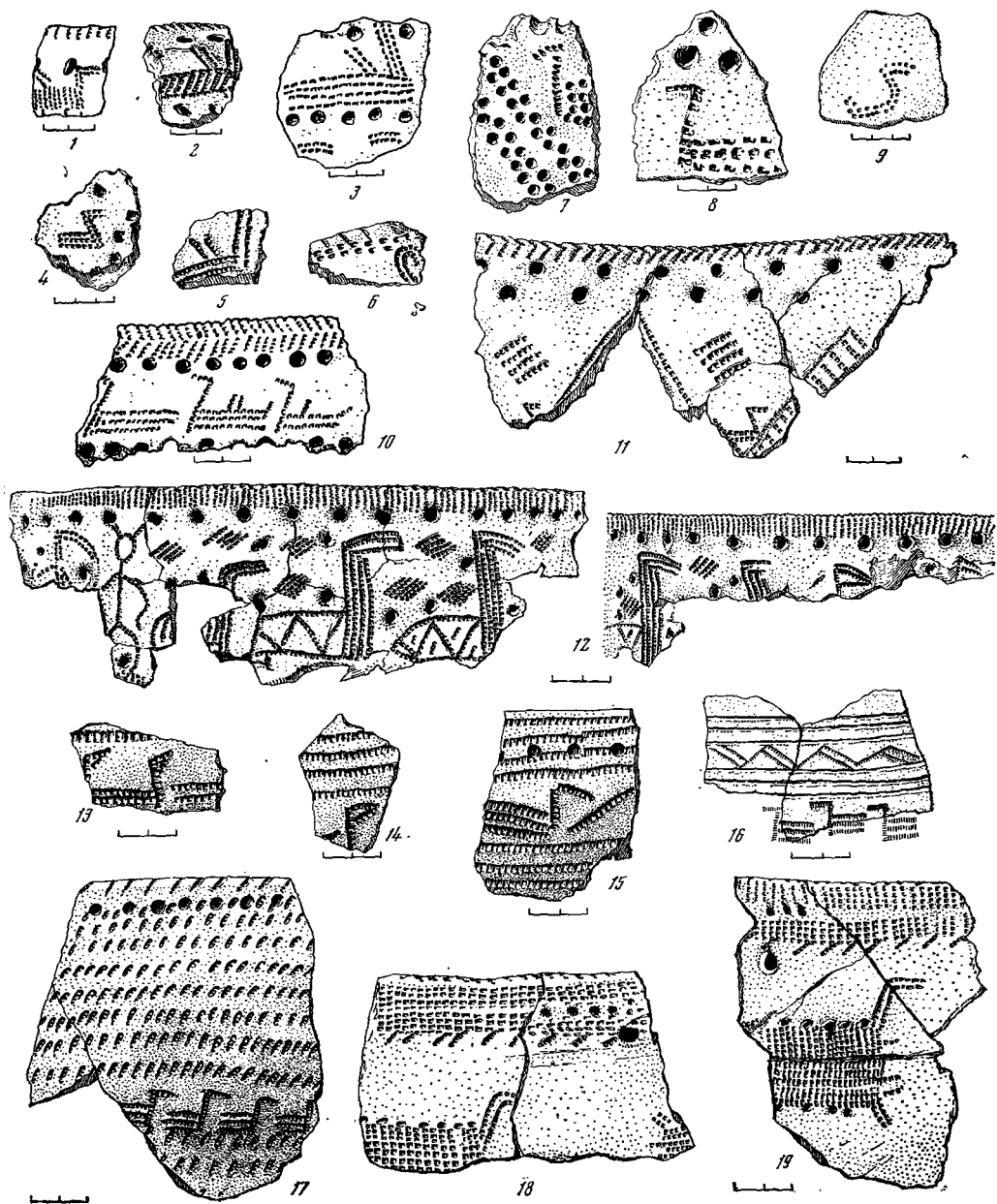


Рис. 10. Изображения водоплавающей птицы на глиняных сосудах эпохи неолита

1, 3 — Ленинградская обл.; 1 — Ломми; 3 — Негежа; 2, 4—6, 11 — Финляндия; 2, 5, 6 — coll. Хельсинского музея; 4 — Lavataki; 11 — Naukasalmi; 7, 8 — Карелия (Вой-Наволоок 9); 9 — Белоруссия (Кривина I); 10 — Вологодская обл. (Кубенино); 12 — Новгородская обл. (Коломцы); 13—19 — Урал; 13—15 — Береговя; 16 — Горбуновский торфяник; 17 — Шигирское городище; 18—19 — Чебаркуль

друг за другом птиц (Кубенино, Коломцы), при общем сходстве изображениям, однако, приданы индивидуальные черты, отраженные в деталях. Так, например, на сосуде из стоянки Кубенино три утки, плывущие друг за другом, отличаются следующими деталями: первая без хвоста и крыльев, плывущая непосредственно за ней птица показана с хвостом и двумя крыльями, а третья имеет хвост и одно поднятое крыло. При этом, как чаще всего и бывает, два крыла утки слиты художником в одно. На фризе же сосуда из Коломцов две плывущие друг за другом утки, хотя и очень похожи, отличаются тем, что треугольники, размещенные на теле птицы, в одном случае пустые, в другом имеют заполнение в виде удлиненных вдавлений (рис. 10, 12).

Основной массе изображений свойственна и еще одна общая деталь — неразрывная связь фигур птиц с горизонтальными или волнистыми линиями, выполненными чаще всего тем же штампом, что и сами птицы, т. е. гребенкой. Там же, где птица сделана с помощью ямок или ямчатых вдавлений, ими показаны и горизонтальные или волнистые линии; например, на сосуде из Вой-Наволока 9 (рис. 10, 7, 8) и Финляндии (рис. 10, 11). Как мы уже указывали ранее¹⁹, по-видимому, они должны символизировать спокойную или волнующуюся водную стихию.

В несколько иной манере выполнены рисунки птиц на трех сосудах: с Коломцов (Новгородская обл.), Литвин I (Белоруссия) и Чебаркуль (Урал), при этом они различаются и между собой. В целом, несмотря на то, что рисунки крупнее и более сложны, они менее выразительны и реалистичны. На уральском сосуде сохранились две фигуры. Тело одной птицы имеет сплошное заполнение оттисками близко поставленной гребенки, точно такой же, какой украшена и остальная поверхность сосуда (рис. 10, 18, 19). Оно подчетырехугольных очертаний, но не вполне пропорционально по отношению к остальным частям тела (в особенности на одном изображении). Спина и нижняя часть корпуса закончены маленькими ямками. На груди одной из фигур несколько необычно размещены два двойных и один одинарный оттиск короткой гребенки. Судя по сохранившейся задней части третьего изображения, двумя короткими косыми гребенчатыми линиями обозначен хвост птицы. Отсутствие цельного сосуда или хотя бы значительного по величине фрагмента не позволяет проследить всю композицию. Очевидно лишь, что это был целый ряд плывущих друг за другом птиц.

К этой же группе следует отнести и достаточно известный сосуд из Коломцов, украшенный сложным узором из комбинации изображений птиц и рогатого человечка (рис. 10, 12). Здесь контуры фигуры внутри заполнены оттисками тонкой гребенки, образующей треугольники. Шея птицы широкая, выполненная четырьмя рядами гребенки, голова — тремя рядами. Тело некоторых птиц в задней части округло скошено.

Столь же надуманно и изображение птицы на сосуде из стоянки Литвин I. Фрагментарность его не дает возможности составить сколько-нибудь цельного представления. Очевидно, что в фигурах не соблюдены пропорции — ширина шеи почти равна ширине корпуса. Так же, как и на сосуде из Коломцов, фигура птицы дополняется каким-то антропоморфным изображением.

Количество рисунков птиц на сосудах эпохи раннего металла значительно меньше, характер иной. Наиболее близка к неолитическим уточка из стоянки Вис 2 (Вычегодский край) (рис. 11, 1).

Фрагментарность ее лишает возможности восстановить полностью фигуру птицы. Отчетливо видна лишь голова и шея, выполненные одинарными гребенчатыми отпечатками. Судя по передней части, корпус нанесен тройными отпечатками. Соотношение тела, шеи и головы птицы совер-

¹⁹ Н. Н. Гурина, Неолитические поселения на северо-восточном берегу Онежского озера. КСИИМК, вып. VII, 1940.

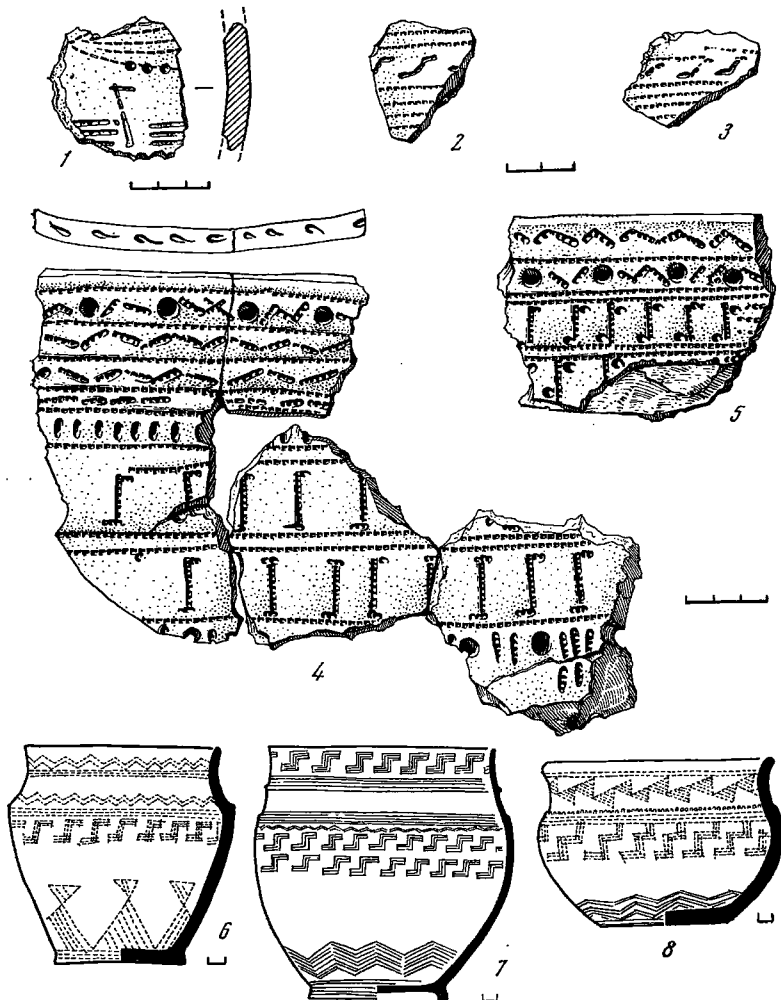


Рис. 11. Схематическое изображение водоплавающей птицы на сосудах эпохи бронзы
 1 — Вычегодский край (Вис. 2); 2—3 — Урал (Латочка); 4, 5 — Ленинградская обл. (Усть-Рыбежна II);
 6 — 8 — Урал и Зауралье близ г. Челябинска

шенно такое же, как на сосудах эпохи неолита. Наличие рядом с этим изображением тройного горизонтального гребенчатого отпечатка, а также имеющийся второй фрагмент сосуда (где осталась только небольшая часть изображения) позволяют предполагать, что фигуры птиц и здесь были вытянуты в одну цепь и дополнялись горизонтальными, параллельными им линиями из небольших ямочных вдавлений.

Остальные изображения на сосудах эпохи бронзы чрезвычайно близки между собой (рис. 11). Во всех случаях они крайне схематичны и образованы, как правило, тремя одинарными короткими линиями, поставленными под углом, чаще всего почти прямым, друг к другу. Ими показаны: голова, шея и туловище. Как видно, в отличие от неолитических, благодаря этой манере изображения, тело птицы остается невыделенным, имея одинаковую толщину с шеей и головой. Пока известно только одно изображение — на сосуде из Федоровской стоянки, где голова птицы шире ее корпуса (голова и шея показаны двумя, а тело одной чертой)²⁰.

²⁰ См. заметку И. В. Гавриловой в настоящем выпуске. Она связывает сосуд с галичской культурой и датирует его поздним неолитом.

Помимо указанных, изображения водоплавающей птицы на сосудах в посленеолитическое время известны также в Ленинградской обл. (Усть-Рыбежна II)²¹, в Костромском Поволжье — Галичская стоянка, на Урале — Иткуль I, Латочка²², Одоевское городище²³ и др. При этом очень примечательно, что на большинстве из них сохранен существенный признак изображений — сочетание плывущих друг за другом фигур с одной или несколькими горизонтальными или волнистыми линиями, помещенными ниже или ниже и выше их. Область распространения сосудов этого типа более узкая по сравнению с областью распространения неолитических сосудов. Они встречаются преимущественно восточнее — на территории, для которой характерна раннетекстильная и поздняя гребенчатая керамика. Пока в Прибалтике и Карелии они неизвестны.

В дополнение к перечню изображений водоплавающей птицы следует прибавить также рисунки их лапок на сосудах позднего неолита — раннего металла: в Вычегодском крае — Вис I²⁴ и Костромском Поволжье — Умиление²⁵ и Федоровская стоянка.

Наконец, следует указать на очень схематические изображения утки на андроновских сосудах лесостепь и степей Западной Сибири, Южного Приуралья и примыкающего к нему Западного Зауралья, Казахстана, а также встречающиеся изредка и за этими пределами. Не имея возможности останавливаться в данной статье на этой проблеме, заметим лишь, что в основу нередко весьма сложных узоров положены элементы, чрезвычайно сходные с только что рассмотренными схематическими изображениями уток на сосудах раннего металла. Они встречаются в виде фигур, вытянутых в один ряд, нанесенных гребенчатым штампом или прочерченными трехрядными, четырех- или, изредка, шестирядными линиями и размещенными под ними или над ними горизонтальными поясами из той же гребенки или прочерченных линий (рис. 3, 6—8). На других сосудах изображения птиц помещены в два яруса непосредственно один под другим без разделительной линии, на третьих они слиты друг с другом и утки превращены, вследствие этого, в вертикальный меандр. Наконец, из фигуры «уток» как основы создается другой рисунок — сложные меандры, расположенные на сосуде горизонтально или по диагонали.

Как можно видеть, неолитические изображения водоплавающей птицы характерны для лесной зоны, в более же поздний период они встречаются и в степных пространствах.

Неолитические сосуды с изображением птиц, так же как и ее скульптура, выполненная из кости, камня и дерева, встречаются весьма редко, что указывает на особое значение этих материалов. Распространение их на строго определенной, весьма целостной территории, при этом на протяжении сравнительно длительного времени (неолит — ранний металл) свидетельствует об устойчивости традиции. Образ утки в искусстве неолитических лесных племен, по всей вероятности, является отражением характера их верований, порожденных, в свою очередь, охотничье-рыболовческим укладом. Важная в экономическом отношении для обитателей озер, которыми изобилует очерченная нами территория, утка заняла прочное место в их мировоззрении и, по-видимому, в мифологии. Мы имели уже возможность указать на карело-финский эпос — Калевалу, повествующий о происхождении Вселенной из яйца утки²⁶. Несомненно, разрыв

²¹ Однако они отличаются от типичных неолитических ямочно-гребенчатых или гребенчатых сосудов и синхронны с раннетекстильными.

²² Л. Я. Крижевская. Указ. соч.

²³ М. В. Воеводский. Краткая характеристика керамики городищ Ветлуги и Унжи. МИА, № 22, 1951, рис. 7, 1.

²⁴ Г. М. Буров. Древний Синдор. М., 1967, табл. XI, 1.

²⁵ М. Е. Фосс. Древняя история севера Европейской части СССР. МИА, № 29, 1952, рис. 30, 2, 3.

²⁶ Н. Н. Гурина. Древняя история... стр. 149—150.

во времени между существованием создателей Калевалы и неолитическим населением огромен, однако велика и устойчивость традиций. Неолитические сосуды полуяйцевидной формы с изображением вереницы плывущих по воде уток могли бы послужить великолепной иллюстрацией к первой руне Калевалы. Позднее, в эпоху металла, с изменением формы хозяйства и общей стилизации искусства — изображение этой птицы утратило былые реалистические черты, превратясь лишь в ее символ, а у народа, возможно, не имевшего в прошлом такой устойчивой традиции, — в простой меандровый орнамент.

Широкое распространение и стилистическая близость изображений утки, прослеживаемые на относительно целостной территории, выдвигает вопрос о причине этого явления. Однако в настоящее время, опираясь на приведенные материалы, невозможно дать однозначного ответа. Налицо несомненная близость населения указанной зоны. Однако степень этой близости не до конца ясна. По всей вероятности, здесь, помимо общности хозяйственно-экономической, отразились и культурно-исторические связи древнего населения, обитавшего на смежных территориях. По-видимому, следует предположить здесь и большую степень близости — этническую.

Однако окончательное решение этого вопроса не может быть вынесено лишь на основании одного элемента культуры, как бы существен он ни был. Проблема этнической близости населения каменного века восточных и западных областей лесной зоны до сих пор не была еще подвергнута специальному всестороннему и глубокому исследованию. Различные авторы, касающиеся этих вопросов, оперируют чаще всего гипотезами, нередко выдавая их за истину. Поэтому в настоящее время можно лишь констатировать, что территория распространения изображения уток на неолитических сосудах и основной части сосудов эпохи раннего металла совпадает в большой мере с областью, занятой впоследствии народами финно-угорской языковой группы. Именно в их мифологии и искусстве отразилось и удержалось вплоть до этнографической современности традиционное почитание этой птицы.

В. П. ТРЕТЬЯКОВ

РАННЕНЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

Благодаря многолетним исследованиям А. Х. Халикова в Среднем Поволжье выявлен целый ряд неолитических стоянок¹ с материалами, близкими древностям Прикамья, известным по раскопкам А. В. Шмидта, Н. А. Прокошева, О. Н. Бадера, В. П. Денисова². Здесь были открыты остатки неукрепленных поселений с очагами, углубленными в землю четырехугольными жилищами и собран большой вещественный материал — каменные орудия и керамика.

А. Х. Халиковым была создана хронологическая шкала, согласно которой средневожский неолит делится на пять этапов, первый из которых характеризуется бескерамическими стоянками (эти материалы мы в статье не рассматриваем), второй — поселениями с накольчатой керамикой. А. Х. Халиков выдвинул тезис, что постепенно накольчатая керамика видоизменилась в гребенчатую, в силу чего к третьему этапу им были отнесены поселения с накольчатой и гребенчатой керамикой, а к четвертому и пятому — стоянки только с гребенчатой керамикой. Как писал А. Х. Халиков, эти соображения были подкреплены данными стратиграфии.

Гипотеза А. Х. Халикова представляется очень интересной. По существу это первое обобщение всех неолитических материалов камского типа на территории Европейской части СССР. В данной статье мы затронем лишь один из поставленных им вопросов — попытаемся рассмотреть материалы раннекерамических поселений и выяснить взаимоотношения волго-камских и днепро-донецких элементов культуры.

Выделяя поселения с накольчатой керамикой, А. Х. Халиков совершенно справедливо отмечал сходство последней с днепро-донецкой. Но можно ли эти памятники рассматривать в качестве наиболее ранних керамических стоянок Среднего Поволжья, на базе которых возникли памятники с гребенчатой керамикой?

Как писал А. Х. Халиков, хронология средневожского неолита основана на материалах нескольких «многослойных стоянок, детальные раскопки которых позволяют проследить определенные закономерности в развитии всей волго-камской неолитической культуры, начиная от ее возникновения вплоть до перехода в энеолитические культуры. К их числу следует отнести такие стоянки, как II Щербетская, II Русско-Луговская, Кабы-Копрынская, III Обсерватория, Ново-Мордовская, Лебединская II, II Старо-Мазиковская и III Старо-Мазиковская»³. Однако про-

¹ А. Х. Халиков. Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969, стр. 40—92.

² О. Н. Бадер. Древнейшая история Прикамья. М., 1963, стр. 18—25.

³ А. Х. Халиков. Указ. соч., стр. 40.

верка архивных и литературных данных, а также непосредственное знакомство с коллекциями находок показывают, что такие памятники, как II и III Старо-Мазиковские, Лебединская II, II Щербетьская и др., были однослойными поселениями. Так, на III Старо-Мазиковской стоянке культурные остатки залежали в коричневато-желтом, слабо гумусированном песке и в отдельных случаях в вышележащем распаханном подзоле. Никакого стратиграфического членения материала произведено не было⁴. Такая же картина наблюдалась и на II Старо-Мазиковской стоянке, расположенной на дюне с «сильно разрушенной поверхностью»⁵. Как в свое время отмечал А. Х. Халиков, на каждом из этих поселений были собраны однородные материалы⁶. То же самое можно сказать о II Щербетьской стоянке, о каменном инвентаре которой указанный автор писал, что он «характеризует основные черты... второго этапа [и только! — В. Т.] волго-камского неолита»⁷. На II Лебединской стоянке также был вскрыт один культурный слой с материалами, «определяющими» лишь третий этап средневожского неолита⁸. Не находим мы в книге А. Х. Халикова каких-либо данных о многослойности и Ново-Мордовской стоянки. Не являются опорными при создании хронологии средневожского керамического неолита камского типа и известные здесь многослойные поселения (II Русско-Луговская стоянка, Кабы-Копрынская и III Обсерваторская). Так, на Кабы-Копрынской исследовано два слоя, один из которых был мезолитическим⁹, на II Русско-Луговской стоянке открыты два культурных горизонта, не содержащих керамику¹⁰, а на поселении Обсерваторская III — три слоя. В нижнем залежали древности камского типа, в среднем — культуры ямочно-гребенчатой керамики, в верхнем — волосовские материалы¹¹.

Несколько больше сведений для выяснения хронологического соотношения неолитических памятников Среднего Поволжья дают наблюдения над их топографией. Выделяются две группы стоянок — расположенные в пойме и на краю надлуговых террас. К первой относятся поселения второго этапа неолита¹² (Кабы-Копрынская, II Щербетьская, «Вороний Куст» и др.), которые располагались на дюнах поймы на высоте в 2—3 м от уровня воды в ближайшем водоеме¹³. Памятники остальных этапов средневожского неолита находились в одинаковых условиях на краю надлуговых террас. Таковы поселения III Обсерваторская (3 этап)¹⁴, Займище За (4 этап)¹⁵, III Старо-Мазиковская (5 этап)¹⁶.

О раннеолитическом возрасте поселений первой группы свидетельствует состав найденных на них изделий из камня. Здесь наряду с типично неолитическими формами присутствуют и орудия, чрезвычайно

⁴ А. Х. Халиков. Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы. «Труды Марийской археологической экспедиции», том I. Йошкар-Ола, 1960, стр. 36—37.

⁵ Там же, стр. 46—47.

⁶ В статье «Старо-Мазиковская III стоянка и вопрос о происхождении волосовской культуры» (СА, 1969, № 2, стр. 35—43) мы сделали попытку разделить материалы этого памятника на две группы — камского типа и средневожского варианта культуры ямочно-гребенчатой керамики. Но в этой статье речь шла лишь о типологическом членении находок. Вопрос об их хронологическом соотношении не ставился.

⁷ А. Х. Халиков. Древняя история Среднего Поволжья, стр. 54.

⁸ Там же, стр. 60, 64.

⁹ Там же, стр. 27.

¹⁰ А. Х. Халиков. Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья..., стр. 11—24.

¹¹ А. Х. Халиков. Неолитические памятники в Казанском Поволжье. МИА, № 61, 1958, стр. 11—21.

¹² Ко второму этапу относятся раннекерамические стоянки.

¹³ А. Х. Халиков. Древняя история Среднего Поволжья, стр. 49.

¹⁴ А. Х. Халиков. Неолитические памятники в Казанском Поволжье, стр. 11.

¹⁵ Там же, стр. 30.

¹⁶ А. Х. Халиков. Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья..., стр. 36.

близкие мезолитическим. Среди них можно назвать карандашевидные нуклеусы, наконечники стрел из ножевидных пластин, разнообразные резцы, небольшие скребки, пластины с ретушью, тесла и т. п. Ближайшие аналогии этим изделиям можно найти в таких позднемезолитических комплексах, как Яндашевская¹⁷ и II Русско-Луговская¹⁸ стоянки. О неолитическом же времени Кабы-Копрынского, II Щербетьского и др. поселений говорит присутствие здесь резчиков, скребел из широких массивных отщепов, скребков подчетыреугольных форм, двустороннеобработанных наконечников стрел и т. д. (рис. 12), а, кроме того, керамики. Площадь этих поселений также увеличивается по сравнению с мезолитическими, достигая 1000 кв. м¹⁹.

На территории Европейской части СССР в настоящее время известна целая серия раннеолитических стоянок, материалы которых содержат как неолитические, так и мезолитические черты. К ним относятся поселения Кая-арасы в Крыму²⁰, Бондариха 2, Никольская Слободка, Устье Оскола 1, Устье Оскола 2 (нижний горизонт) — в степях Украины²¹, стоянки Сушево²² и Золоторучье²³ — в Верхнем Поволжье.

Мы видим, что сочетание мезолитических и неолитических черт в кремневом инвентаре раннекерамических стоянок уже многократно фиксировалось исследователями. При этом отмечалось, что делить изделия мезолитического и неолитического облика на этих памятниках на две хронологически одновременные группы вряд ли правильно, поскольку они изготовлялись из однородного кремня и залежали в одном культурном слое. Наличие памятников с материалами, совмещающими мезолитические и неолитические черты, представляется вполне закономерным, поскольку техника изготовления орудий видоизменялась постепенно и трудно представить себе какой-либо «взрыв», который привел бы к мгновенному исчезновению изделий мезолитических форм и быстрой замене их типично неолитическими орудиями. По-видимому, именно к такой группе раннеолитических памятников, характеризующихся и мезолитическими, и неолитическими чертами, относятся и средневожские стоянки — Кабы-Копрынская, II Щербетьская и др.

По замечанию А. Х. Халикова, здесь была найдена лишь керамика, украшенная «разреженным орнаментом из мелких клиновидных и ячеистых оттисков так называемой отступающей лопаточки (до 70—80%) или прочерченными короткими линиями, иногда имеющими тонкий «ногтевидный» характер. Оттисков зубчатого или гребенчатого штампа здесь практически еще нет, за исключением редких случаев»²⁴. Однако знакомство с материалами этих поселений в фондах отдела археологии Института языка, литературы и истории и Гос. музея ТАССР в Казани показало, что вышеприведенная характеристика керамики раннеолитических стоянок Среднего Поволжья неполна. Так, на II Щербетьской стоянке в одном слое был найден не один, а два керамических комплекса. Кроме накольчатой керамики, описанной А. Х. Халиковым, здесь присутствует серия фрагментов, украшенных отпечатками гребенки. Среди

¹⁷ П. П. Ефименко, П. Н. Третьяков. Яндашевская стоянка. СА, 1968, № 2, стр. 126—135.

¹⁸ А. Х. Халиков. Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья..., стр. 11 и сл.

¹⁹ А. Х. Халиков. Древняя история Среднего Поволжья, стр. 50 и сл.

²⁰ А. А. Формозов. Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке. М., 1959, стр. 88.

²¹ Д. Я. Телегин. Дніпро-донецька культура. Київ, 1968, стр. 35; он же. Раскопки неолитических стоянок в устье р. Оскол. МИА, № 79, 1960.

²² В. М. Раушенбах. Древнейшая стоянка льяловской культуры. СА, 1964, № 2, стр. 188—191.

²³ Д. А. Крайнов. Некоторые спорные вопросы древнейшей истории Волго-Окского междуречья. КСИА, вып. 97, 1964, стр. 3—19.

²⁴ А. Х. Халиков. Древняя история Среднего Поволжья, стр. 52.

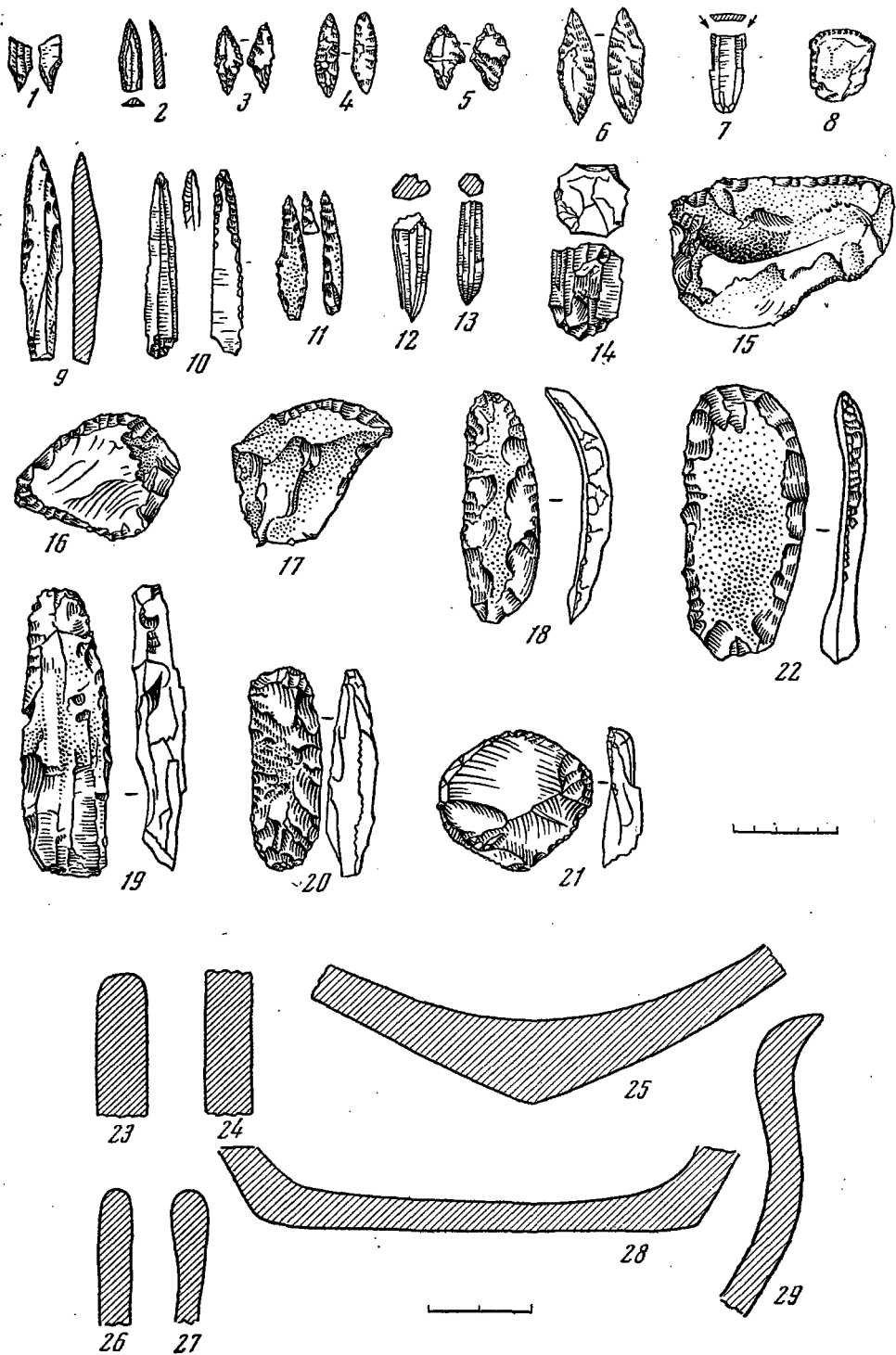


Рис. 12. Кремневые орудия и типы сосудов с неолитических стоянок Среднего Поволжья

Орудия: 1—8, 10—19, 22 — II Щербетская; 9, 20—21 — Кабы-Копрынская; керамика: 7а) гребенчатая; 23—24 — II Щербетская; 25 — II Лебединокая; 6) — накольчатая; 26—27 — II Щербетская; 28 — Обсерватория III; 29 — IV Матюшинская

мотивов горизонтальные или наклонные полосы, ряды коротких, наклонно или вертикально нанесенных оттисков штампа, всевозможные зигзаги (рис. 13, 7, 9—12, 15—19).

Еще большее разнообразие гребенчатых узоров мы видим на керамике Кабы-Копрынской стоянки, где из 132 фрагментов 130 украшено оттисками штампа и лишь 2 — наколами. Среди гребенчатых мотивов можно наблюдать сочетания вертикальных и наклонных линий, горизонтальные ряды гребенки, «елочку», ромбы, ряды наклонных оттисков штампа. В отдельных случаях гребенчатые узоры сочетаются с коническими ямками (рис. 13, 1—6, 8, 13, 14). Таким образом, памятники, которые отнесены к числу «определяющих» для раннекерамического этапа средневожского неолита камского типа²⁵, содержат не только накольчатую, но и гребенчатую керамику, причем на Кабы-Копрынской стоянке все фрагменты (за исключением только двух) украшены оттисками штампа. Следовательно, уже в период начального неолита на поселениях Среднего Поволжья изготовлялась гребенчатая керамика. Но если это так, то тезис о более молодом возрасте гребенчатой керамики по сравнению с накольчатой и о перерастании накольчатой керамики в гребенчатую в данной области оказывается недостаточно обоснованным. Против генетической связи этих комплексов говорит и большое различие между ними. Действительно, гребенчатая керамика представлена фрагментами толщиной до 1 см с примесью крупнозернистого песка или дресвы. Форма сосудов котлообразная, высотой они 50—60 см и меньших размеров. Найдены и миниатюрные чашечки. Форма венчика прямая или загнута внутрь, днище острое (рис. 12, 23—25). Стенки покрыты гребенчатым орнаментом из оттисков прямо поставленного штампа. Среди мотивов «елочка» — всевозможные зигзаги, полосы, горизонтальные ряды отпечатков гребенки, сетка из пересекающихся линий, узор в виде «шагающей гребенки». Нередко эти мотивы сочетались на сосуде и дополнялись ямками или нарезками (рис. 13, 1—14).

В противоположность этому второй комплекс керамики изготовлялся из глины с чрезвычайно мелкой неорганической примесью. Сосуды имеют тонкие стенки (не более 0,8 см) и плоские днища. Кроме прямых или загнутых внутрь здесь известны и отогнутые наружу венчики (рис. 12, 26—29). Но наиболее ярким отличием второго керамического комплекса является его орнаментация, выполненная техникой «отступающей лопаточки» (накольчатые мотивы). Среди узоров различные сочетания горизонтальных, вертикальных и наклонных линий, которыми украшались не только стенки сосуда, но и его днище (рис. 13, 15—19).

Таким образом, перед нами два совершенно различных керамических комплекса, причем, если первый из них относится к кругу памятников с гребенчатой керамикой, занимающей в европейской части СССР лесные просторы Поволжья, Прикамья, Вычегодского края, то второй комплекс явно тяготеет к очень близким ему керамическим материалам степной зоны — памятникам днепро-донецкого типа. Для последних также характерно наличие плоскодонных сосудов, украшенных накольчатым орнаментом, на что указывалось многими исследователями (Д. Я. Телегин, А. Х. Халиков и др.). Особенно интересны в этом отношении керамические комплексы Никольского²⁶ и Лысогорского²⁷ могильников — на территории Украины, стоянки Подзорово²⁸ — в пределах современной Там-

²⁵ А. Х. Халиков. Древняя история Среднего Поволжья, стр. 49.

²⁶ Д. Я. Телегин. Никольский могильник эпохи неолита—меди в Надпорожье. КСИА АН УССР, вып. 11, 1961, стр. 22, рис. 2, 1—2.

²⁷ А. В. Бодянский. Лысогорский неолитический могильник. КСИА АН УССР, вып. 11, стр. 36, рис. 4.

²⁸ М. Е. Фосс. Исследование неолитических стоянок в Мичуринском районе Тамбовской области в 1953 г. КСИИМК, вып. 75, 1959, стр. 21, рис. 8, 7.

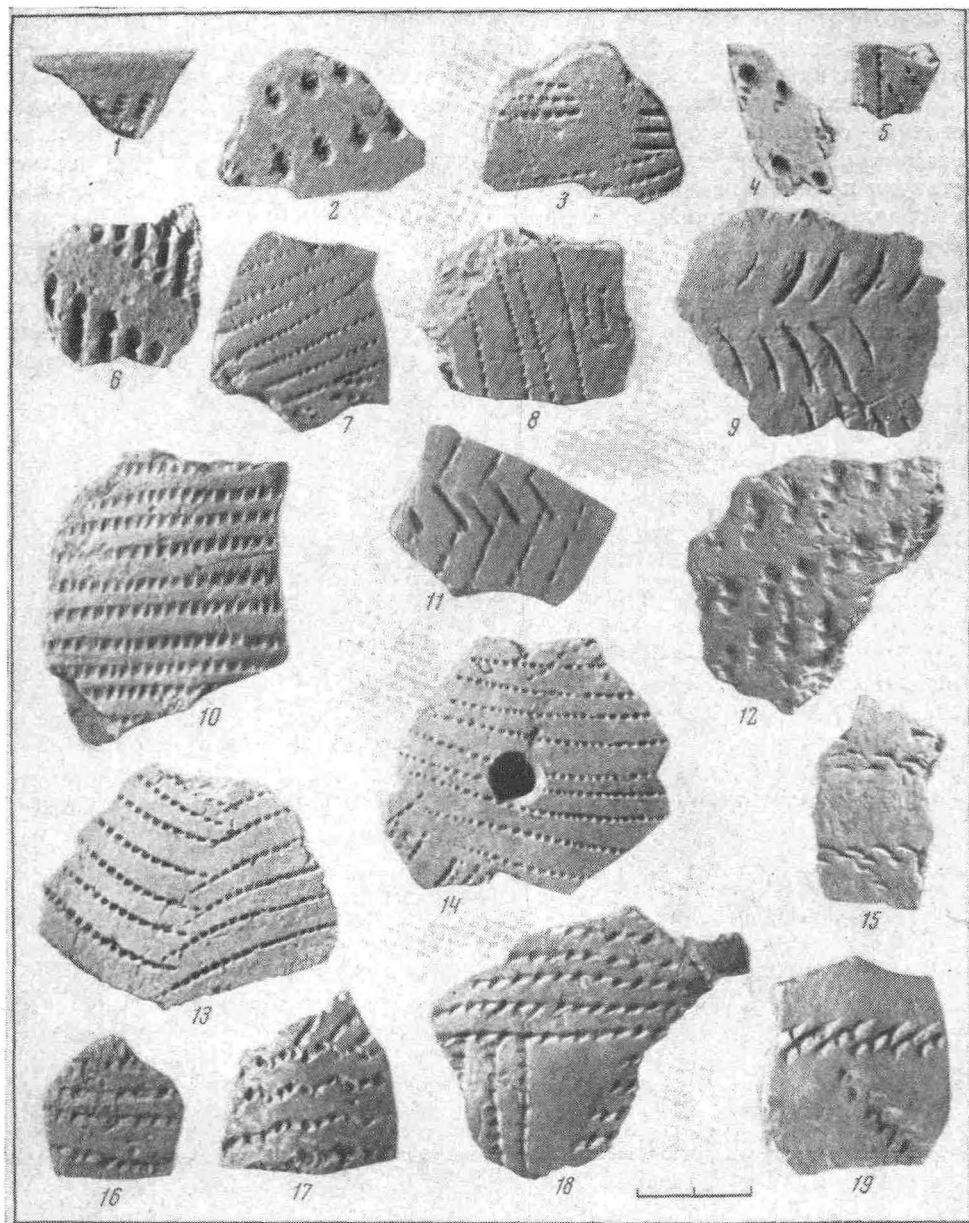


Рис. 13. Керамика ранненеолитических стоянок Среднего Поволжья
 1—6, 8, 13—14 — Кабы-Копрынская; 7, 9—12, 15—19 — Щербетская

бовской обл., поселения «Отрожки»²⁹ — близ г. Воронежа и многие другие днепро-донецкие памятники Украины и южнорусских степей (Козинцы, Пищики и т. д.)³⁰. И вряд ли правы те исследователи, которые, сопоставляя средневожские и днепро-донецкие керамические комплексы

²⁹ А. Т. Синюк. Поселения эпохи неолита у станции Отрожка. Сб. «Из истории Воронежского края». Воронеж, 1966, стр. 112, рис. 2, 6—8, 11.

³⁰ В. П. Левенко. Неолит верхнего Дона и его место среди неолитических культур лесостепной зоны европейской части СССР. Автореф. канд. дисс. Л., 1969, стр. 10 и сл.; Д. Я. Телегин. Днепро-донецкая культура. Київ, 1968, стр. 85 и сл.

с накольчатым орнаментом, делают упор не на сходстве их, а на различии, особенно, если учесть, что сама днепро-донецкая культура не однотипна, а делится на целый ряд локальных и хронологических вариантов³¹.

Учитывая сказанное, по-видимому, следует признать, что появление стоянок с накольчатой керамикой в Среднем Поволжье целесообразнее рассматривать не как результат развития местного мезолита, а как отзвуки проникновения в южную часть лесной зоны степных культур, что наблюдается и в поречье Клязьмы³², и на Оке³³, и в Верхнем Поднепровье³⁴, и на Десне³⁵, и в Белоруссии³⁶. Подтверждением этому служит и тот факт, что до сих пор в Среднем Поволжье не найдены материалы, показывающие перерастание накольчатой керамики в гребенчатую, т. е. отсутствуют связующие звенья между двумя керамическими комплексами, различными по технологии изготовления, форме сосудов и орнаментации.

³¹ Д. Я. Телегин. Указ. соч.; он же. К вопросу о днепро-донецкой неолитической культуре. СА, 1961, № 4, стр. 26—40.

³² М. Е. Фосс. Неолитическая стоянка Бисерово Озеро. КСИИМК, вып. 75, 1959, стр. 29, 31—34.

³³ В. П. Третьяков. О юго-западных связях рязанского неолита. СА, 1964, № 4, стр. 18—24.

³⁴ А. Н. Лявданский. Городище, курганы и стоянка близ дер. Дербуж Рославльского уезда. ТСА РАНИОН, т. IV. М., 1928, стр. 300—305.

³⁵ Поселение Пионерское, раскопки М. Е. Фосс. Материалы хранятся в ГИМ.

³⁶ Д. Я. Телегин. Днепро-донецкая культура, стр. 220, рис. 64.

II. ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Б. Г. ЕРИЦЯН

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ НАМЕРЕННОГО РАССЕЧЕНИЯ ОРУДИЙ МУСТЬЕРСКОЙ ЭПОХИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЕРЕВАНСКОЙ ПЕЩЕРНОЙ СТОЯНКИ)

Разнообразие технических приемов обработки каменных изделий в эпоху палеолита увеличивается с течением времени по мере развития техники и усложнения социально-хозяйственной жизни древнепалеолитического коллектива. В мустьерскую эпоху, особенно на ее более поздних этапах, намечаются совершенно новые приемы вторичной обработки изделий, усовершенствование которых приводит к появлению классических типов верхнепалеолитических орудий.

При изучении каменного инвентаря Ереванской стоянки¹ выявлены многочисленные рассеченные и раздробленные изделия, число которых составляет 57,5% всего инвентаря стоянки².

Приводим таблицу, отражающую соотношение фрагментированных изделий по слоям:

Изделия \ Слой	Слой						Общее количество	%%
	2	3	4	5	6 и 7			
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Целые	1263	851	517	764	1473	213	5081	42,43
Половина (продольная)	112	203	106	21	71	12	525	4,39
Верхняя часть	391	449	219	63	208	91	1421	11,87
Средняя часть	139	346	147	79	133	34	936	7,81
Нижняя часть	583	678	276	254	391	144	2329	19,45
Разные фрагменты	328	405	150	211	511	78	1683	14,05
Всего . . .	2877	2932	1415	1392	2787	572	11.975	100

Среди фрагментированных изделий выделено огромное количество сколов и орудий, которые намеренно рассечены различными приемами.

¹ Б. Г. Ерицян, С. А. Семенов. Новая нижнепалеолитическая пещера «Ереван». КСИА, вып. 126, 1971.

² Материалы, раскопанные в 1967—1968 гг.

В настоящей работе мы ограничились предварительным изучением намеренно рассеченных орудий, которые составляют преобладающую часть комплекса фрагментированных изделий. Результатам исследования фрагментированных изделий в целом и описанию других новых приемов вторичной обработки будут посвящены дальнейшие работы.

При определении намеренного рассечения орудий были учтены следующие особенности:

1. Наличие на торцах ударной точки, ударного бугорка с отходящей от него волнистой фаской, либо конусообразного углубления с раковистым изломом на плоскости рассечения, свидетельствующих о намеренности рассечения³.

2. При намеренном разломе удар наносится в устойчивых направлениях не с рабочих краев, а с плоскости спинки, брюшка или основания орудий, причем в наиболее массивной их части. При случайном же обламывании орудия следы излома, обычно, исходят с рабочего края.

3. Наибольшую вероятность точного определения представляют дважды, трижды раздробленные орудия (в продольном и поперечном направлениях), так как они имеют несколько сечений, причем иногда некоторые приемы рассечения орудий повторяются и на фрагментах.

4. Рассечению подвергались определенные группы орудий (остроконечники, скребла, ножи с обушком), имевшие наиболее скошенные и затупленные рабочие края, независимо от породы, из которой они сделаны. Необходимо подчеркнуть, что рассечению подвергались орудия всех размеров, массивностей и форм.

5. Серийность полученных при рассечении форм орудий, их правильные геометрические очертания, вторичная уплощающая поправка более массивных граней со спинки и ряд других деталей также являются признаками намеренного расчленения орудий.

6. Критериями определения того факта, что рассечение произведено не на заготовке, а на самом орудии, являются следующие черты: а) характерные особенности вторичной отделки определенного типа орудий (остроконечник, скребло, нож) сохраняются на рассеченных фрагментах; б) фасетки вторичной отделки орудия в большинстве случаев срезаны при фрагментации сечением; в) полученные фрагменты по форме точно совпадают с определенными участками орудия, так что при совмещении отдельных фрагментов легко восстанавливается первоначальная форма орудия.

Тщательный анализ поверхностей сечений фрагментов орудий показал, что подавляющее большинство их является преднамеренно рассеченными, а не обломками случайного происхождения. Незначительная часть фрагментированных изделий, намеренность которых сомнительна, отнесена пока к группе случайных обломков. Наличие в коллекции небольшого процента этих обломков вполне естественно.

Как правило, такой процент случайных обломков имеется во многих мустьерских комплексах, что объясняется, по-видимому, разнообразной трудовой деятельностью мустьерского человека на площади стоянки, в процессе которой неизбежно происходило разламывание такого хрупкого материала, как обсидиан.

Таблица дает представление о количестве и %-ое соотношение фрагментированного инвентаря стоянки в целом.

Статистические подсчеты и сопоставления орудий, намеренная фрагментация которых бесспорна, были сделаны на материалах из различных слоев (из 6 культурных слоев взяты по 100 экземпляров) и выявили следующую картину.

³ Анализ плоскостей сечений произведен с помощью бинокля типа МБ-6 и МИН с мощностью увеличения до тысячи раз.

№	Характер слома	Количество изделий	%
1	Намеренно рассеченные орудия	3946	57,23
2	Орудия, намеренность сечения которых сомнительна, и случайные обломки орудий	641	9,3
3	Намеренно расчлененные сколы без вторичной обработки	1924	27,9
4	Сколы, характер сечения которых сомнителен или случаен	383	5,57
Всего		6894	100

1. Процент рассечения орудий в различных слоях почти одинаков, за исключением слоя 5, где этот процент несколько повышен. 2. Дифференциация приемов сечения орудий по продольному и поперечному направлениям легко прослеживается. 3. Фрагменты орудий в большинстве случаев подверглись вторичной обработке, приобретая, таким образом, новые рабочие элементы. 4. Рабочий край фрагментированных орудий после дополнительной подправки занимает различную позицию на фрагменте и не предопределен его формой. Для расчленения орудий, по всей вероятности, употреблялись отбойники, судя по характеру ясно выраженных следов, оставленных на торцах орудий, а иногда и наковальня, о чем свидетельствуют сечения с двумя противоположными ударными точками — со стороны брюшка и спинки. У некоторых фрагментов на торце прослеживаются раковистые изломы, идущие навстречу друг другу, образуя интерференционную картину (рис. 15, 34).

Способ рассечения и близкие к нему своеобразные приемы вторичной отделки орудий настолько специфичны и разнообразны, что их невозможно охарактеризовать в небольшой статье. Рассмотрим только некоторые, наиболее характерные приемы рассечения орудий.

В основном, фрагментация различных орудий (остроконечников, скребел, ножей) производилась в двух направлениях: продольном и поперечном и в близких к таковым.

I. Поперечные рассечения орудий.

1. Прямолинейное членение орудий в поперечном направлении производилось путем нанесения удара по спинке или, реже, по бугоркам поверхности орудий. Нередки случаи двойного или тройного деления орудия таким способом. В результате получают разные его фрагменты, каждый из которых мог быть использован в хозяйстве первобытных людей в качестве самостоятельного орудия (рис. 15, 33а, 36, 37).

2. Профильное сечение орудий в поперечном направлении. Специфичность этого приема фрагментации заключается в том, что здесь удар наносился сбоку орудия на верхнюю часть рабочего края и таким образом снималась его верхняя треть (рис. 14, 5, 16). Серийность таких фрагментов наводит на мысль, что орудия, особенно остроконечники, при длительном употреблении снашивались и их рабочие края (острый конец) затуплялись. Примененный способ рассечения, вероятно, имел целью удалить притупленную часть орудия (рис. 14, 11). Как нижняя, так и верхняя расчлененные части дополнительно подправлялись вторичной отделкой и использовались в качестве самостоятельных, но уже различных по типу орудий (рис. 14, 12, 16). Аналогичный прием рассечения встречается и на фрагментах с той лишь разницей, что удар, нанесенный в верхнюю часть фрагмента, снимает рабочий край со стороны брюшка (освежение рабочего края; рис. 15, 39).

II. Сечение орудий в продольном направлении.

Фрагментация упомянутых орудий, рассеченных в продольном направ-

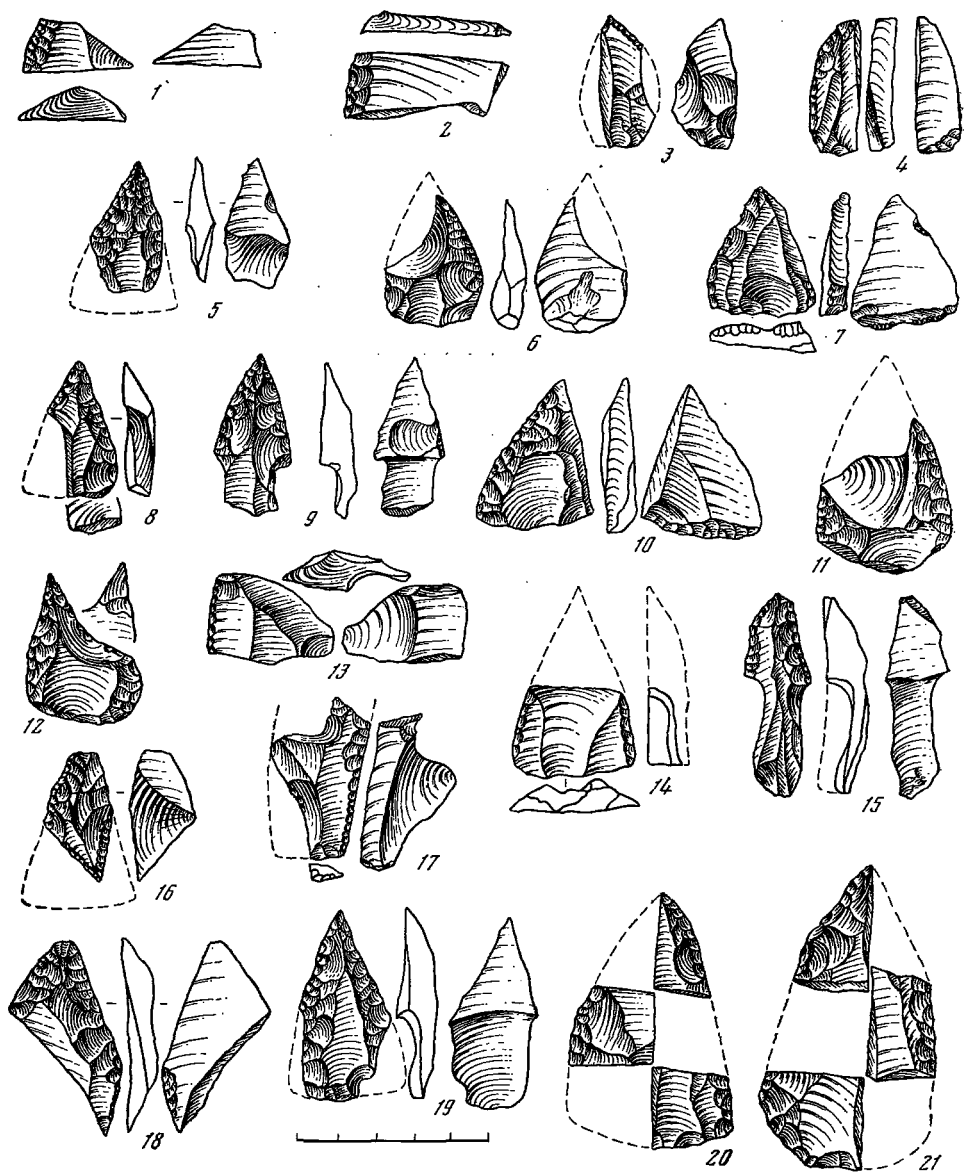


Рис. 14. Намеренно рассеченные орудия

1—2, 20—21 — фрагменты различных частей орудий с несколькими торцами сечений; 3—4, 7—8, 10, 18 — различные орудия, рассеченные в продольном направлении; 5—6, 11—12, 16 — орудия, фрагментированные в поперечно-профильном направлении; 13, 17 — фрагменты орудий, подвергавшиеся вторичному рассечению; 9, 14—15, 19 — орудия, рассеченные в продольно-профильном направлении

лении, отличается от поперечного разнообразием приемов и ее конечной целью.

1. В случае применения более простых приемов удар наносился по середине основания орудия в направлении продольной оси с тем, чтобы разделить орудие на две равные части (рис. 14, 4, 10). Целью такого рода деления было, видимо, получение из остроконечников, скребел множества орудий с обушком-гранью. Этим обусловлен и необычайно высокий процент обушковых орудий в коллекции. Ориентация направления нанесенного удара варьирует. Часты случаи, когда удар нанесен, кроме

основания, со спинки (рис. 14, 3), с брюшка, а иногда ударной точкой является острый конец орудия (рис. 14, 7).

2. Характерен еще способ неполной продольной фрагментации орудий. Искусным ударом по основанию обитателям стоянки удавалось снимать больше $\frac{1}{4}$ части орудия (рис. 14, 8) без повреждения его верхнего острого конца. При изучении этих фрагментов мы нашли составные части одного из этих орудий (рис. 15, 25), совмещение которых восстановило первоначальную форму остроконечника. На торцах обоих фрагментов имеются выщербины, древность которых не вызывает сомнения. Интересно еще то, что они найдены в различных квадратах, в трехметровом удалении друг от друга, в одном и том же слое на одинаковой глубине. В связи с этим нужно отметить, что при сопоставлении отдельных фрагментов можно восстановить первоначальную форму многих орудий, но практически это пока невыполнимо, так как для имеющихся фрагментов число таких комбинаций очень велико.

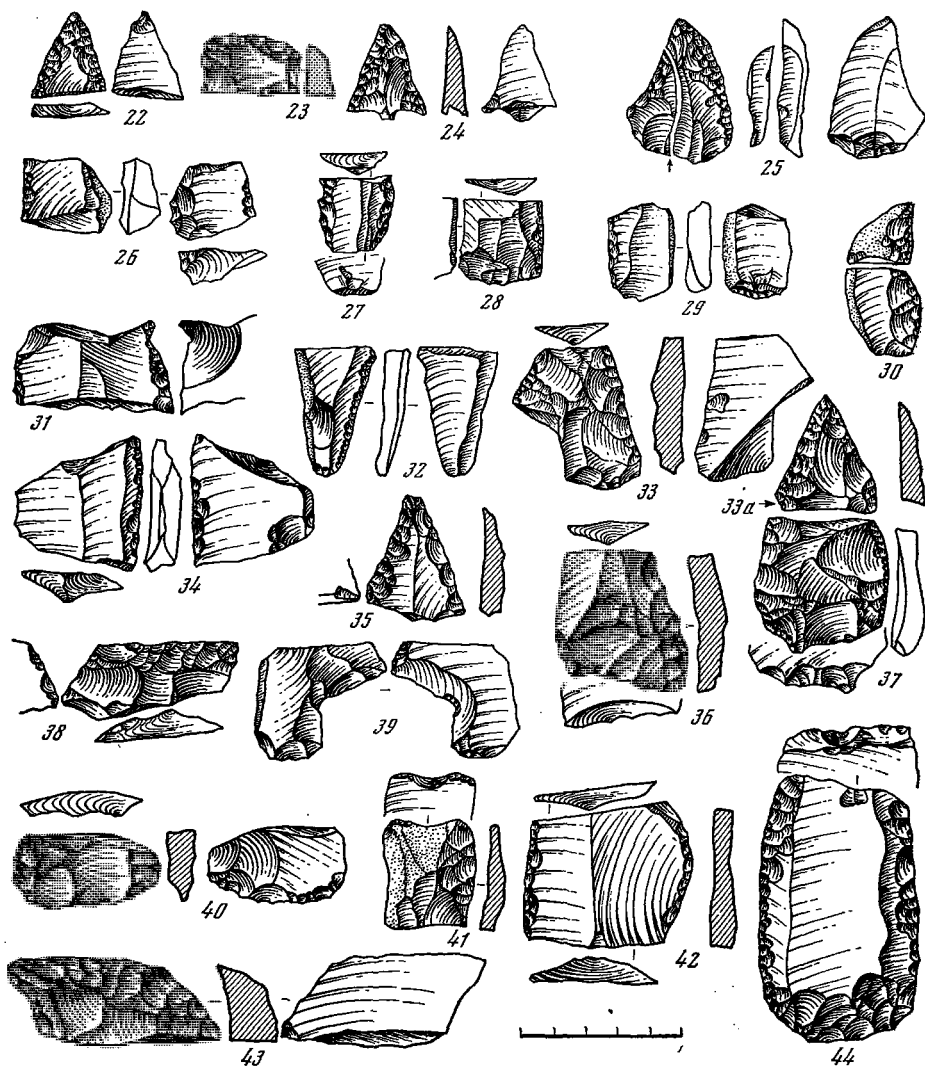


Рис. 15. Намеренно рассеченные орудия

22—24 — орудия, рассеченные в поперечном направлении; 25, 32 — орудия, рассеченные в продольном направлении; 33, 39 — фрагменты с поперечно-профильным рассечением; 26—31, 33а—38, 40—44 — орудия, рассеченные в поперечном направлении

3. Совершенно уникальна техника расщепления орудий путем нанесения удара в плоскости основной симметрии предмета (частичное плитчатое расщепление), по оси (рис. 14, 9, 15, 19). Судя по расколотым фрагментам, полученным продольно-профильным расщеплением, первобытный мастер преследовал цель получить орудие с утонченным нижним концом (с «черешком»). Примечательно, что такого рода расщеплению подвергались не только целые орудия, но и их фрагменты (рис. 14, 13, 17).

4. К продольно-поперечной фрагментации можно отнести еще способ расщепления орудий, при котором удар наносится не по центру, а по углу основания. Сечение в этом случае идет не по оси орудия, а под определенным углом к ней, с некоторым уклоном в сторону брюшка (рис. 14, 18). Такой прием фрагментации фактически является разновидностью описанного выше способа получения «черенка».

При двойном, тройном расщеплении орудий (в продольном и поперечном направлениях) получалось большое число фрагментов строго определенных форм с несколькими прямолинейными торцами. В таблице даны рисунки различных фрагментов, которые представляют $\frac{3}{4}$ (рис. 14, 20) или $\frac{1}{6}$ (рис. 14, 21), а иногда и более мелкие части орудия (рис. 14, 1, 2). Типологически их можно отнести к выемчатым орудиям, скребкам, резцам, проколкам и т. д.

Опишем некоторые орудия, полученные при намеренном расщеплении остроконечников, скребел, ножей.

а) Верхние части (при расщеплении остроконечников) в общем морфологически мало изменяются (рис. 15, 22, 33а), типологически же в зависимости от вторичной обработки дополнительного характера они могут быть рассматриваемы как проколки (рис. 15, 24), острия (рис. 15, 22), резцы (рис. 15, 35) и т. д. Обычно вторичная отделка на фрагментах приурочивается к углам сечения или верхнему концу (рис. 15, 22). Иногда орудие получает многофункциональное назначение, благодаря наличию на нем нескольких рабочих элементов (рис. 15, 35). Фрагменты средней части орудий (рис. 15, 33) сверху и снизу обрамлены торцами сечений. Примечательно, что при расщеплении полученные неровности на торцах (на гранях) подправлялись вторичной отделкой. Нередки также случаи утончения более массивных граней этих фрагментов.

Характер обработки боковых рабочих краев этих фрагментов, полученных при отделке как до, так и после расщепления орудий, в наибольшей степени приближает орудия к двойным скреблам. Часты случаи комбинации 2—3 рабочих элементов на одном фрагменте.

Нижние, площадочно-бугорковые части фрагментов представлены самыми разнообразными орудиями (рис. 15, 37). Как правило, нижняя часть этих фрагментов снята обработкой «типа уточнения» (остроконечник ереванского типа, рис. 15, 40).

При расщеплении основания (пяточной части) орудия (рис. 15, 40) фрагменты по форме и характеру укороченных рабочих краев представляют орудия, типологическая классификация которых затруднена. Во всех остальных случаях (рис. 15, 44) они относятся к группе различных скребел (с прямыми, прямо-выпуклыми, выпуклыми краями).

При профильном сечении остроконечников получают различные орудия: острия (рис. 14, 5), проколки (рис. 14, 12), скребки (рис. 14, 14), анкоши (рис. 14, 6) особых форм. В других случаях расщепление остроконечников приводит к получению различных орудий с черенком (рис. 14, 15, 17, 19).

б) В коллекции необычайно высок процент серии фрагментов различных скребел, расщепленных вышеуказанными способами. На рисунке (15, 23, 31, 34) изображены различные фрагменты скребел, изготовленных из обсидиана (рис. 15, 41), кремня (рис. 15, 28), андезита (рис. 15, 27), базальта (рис. 15, 42). В этой серии представлены уникальные формы фрагментов верхней части скребел (рис. 15, 23, 38, 43), изготовленных,

по всей вероятности, из укороченных массивных отщепов. Нам не удалось найти соответствия между половинами, тем не менее, исходя из форм этих фрагментов, можно установить первоначальный облик орудий. Эти скребла, так же как и их фрагменты, относятся к подпрямоугольной разновидности скребел с тремя рабочими краями (рис. 15, 23, 43; два узкие продольные и одно широкое поперечное). Однако не исключена возможность, что узкие боковые края подверглись вторичной обработке после рассечения орудия. Характерно, что эти фрагменты не подверглись утончению с усеченной стороны, лишь намечаются следы утончения крупными фасетками, идущими от края к центру. Эти орудия отличаются от других подобных скребел своими высокими формами (рис. 15, 43).

в) Многочисленны также фрагменты ножей и скребел с естественными обушками, сечения которых проходят в прямолинейно-поперечном направлении. В технике рассечения этой группы орудий имеются некоторые особенности. Здесь удар наносился, за исключением некоторых случаев, по естественному массивному обушку орудия (рис. 15, 26, 29, 30). Нужно подчеркнуть еще, что, как ни странно, не прослежены продольные сечения обушковых орудий, хотя для этого все условия были налицо. Как правило, отсутствует и дополнительная подправка фрагментов. Видимо, здесь древние обитатели стоянки преследовали цель умножить количество орудий различных категорий. Фрагменты с более укороченными рабочими краями (верхняя и средняя части орудий) являются скребками особой формы — с обушком (рис. 15, 26, 30). На общем фоне сечений обушковых орудий выделяется один экземпляр (рис. 15, 32). Скол, типа резцового, снятый с основания предмета, привел к рассечению орудия в поперечном направлении.

Ограничиваясь этим, необходимо отметить, что фрагментация орудий имела самые разнообразные направления и очертания. Овладев в совершенстве многочисленными техническими приемами рассечения камня, обитатели стоянки в течение длительного времени дробили уже утилизированные орудия для получения новых самых разнообразных форм, типологию которых еще предстоит разработать.

Применение новых, своеобразных технических приемов вторичной обработки, видимо, обусловлено теми производственными и хозяйственными нуждами, с которыми сталкивались первобытные обитатели стоянки.

В заключение отметим, что как комплекс стоянки в целом, так и намеренно рассеченные орудия не имеют пока аналогий. В известных нам мустьерских комплексах (на Кавказе⁴, Переднем Востоке⁵, Средней Азии⁶, во Франции⁷) обнаружено сравнительно ограниченное количество изделий (отщепов, пластин), которые ничего общего не имеют с фрагментацией орудий изучаемой стоянки. Вопрос о сравнении намеренно рассеченных изделий Ереванской стоянки с изделиями вышеупомянутых стоянок будет освещен в дальнейшем.

Исходные причины фрагментации орудий пока не совсем ясны. Тем не менее можно предварительное сделать некоторые предположения.

⁴ В. П. Любин. Палеолит Северной Осетии, мустьерское местонахождение Лысая Гора. «Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии», том II. Орджоникидзе, 1969, стр. 25; К. И. Карапетян, Б. Г. Ерицян. Новое Ераблурское мустьерское местонахождение в Армении. «Историко-филологический журнал АН Арм.ССР», № 2. Ереван, 1969, стр. 171.

⁵ H. Watanabe. Les «éclats et lames à Chanfrein» et la technique de fracturation transversale dans un horizon paléolithique en Palestine. BSPF, t. LXI, № 4, 1964, p. LXXXIV—LXXXVIII.

⁶ Р. Х. Сулейманов. Об одном техническом приеме изготовления палеолитических орудий. «Общественные науки в Узбекистане», вып. II. Ташкент, 1966.

⁷ F. Bordes. Notules de typologie paleolitique, I. «Outils moustériens à fracture volutaire». BSPF, t. LIII, № 4, 1956, p. 224—226; L. Pradel. Eclats fractures en cours de fabrication. BSPF, t. LXIII, f. 1—4. P., 1956, стр. 181—184; он же. Pièces moustériennes à bord fracture et amici. BSPF, t. LXII, f. 3. P., 1966, p. CXII—CXVI.

1. К рассечению орудий жители стоянки прибегали по мере необходимости, что было связано с недостаточностью исходного сырья. Видимо, по этой причине процент фрагментированных орудий в различных слоях несколько варьирует. Отметим, что основное сырье—обсидиан—извлекался из реки в виде гальки. Ближайшие залежи этой породы находятся в 20—30 км от стоянки.

2. Помимо этого, обсидиан, из которого сделаны 80% орудий, является чувствительным материалом ко всякого рода воздействиям на него в процессе обработки и использования. При исследовании под биноклем прослежена различная степень утилизации (изношенность и затупленность рабочих краев) орудий. Иногда на отдельных частях орудий наблюдается различная затупленность. Это наводит на мысль, что обитатели стоянки искусно удаляли изношенную часть орудий, продлевая, таким образом, его работоспособность.

3. Ко всему сказанному добавим, что к такой интенсификации техники вторичной обработки орудий обитатели стоянки могли прийти лишь на определенной стадии развития своей трудовой деятельности. Об этом говорят приемы фрагментации и многообразные формы новых орудий, которые развиваются и дифференцируются по слоям снизу вверх, свидетельствуя тем самым о совершенствовании этой техники в эпоху существования Ереванского поселения.

Роль намеренного рассечения орудий, таким образом, в производственной и хозяйственной жизни первобытных людей трудно переоценить. Фрагментация привела к экономии сырья, длительному интенсивному использованию орудий, умножению и серийному производству различных типов (микроорудий, орудий с «черенком») при минимальной затрате сил и времени.

Е. А. ВЕКИЛОВА, А. А. ЗУБОВ

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСТАТКИ
ИЗ МУСТЬЕРСКИХ СЛОЕВ АХШТЫРСКОЙ ПЕЩЕРЫ

В последние годы в литературе все чаще появляются сведения об единичных костных остатках человека, обнаруженных в мустьерских и ранних верхнепалеолитических стоянках Западной Европы и Ближнего Востока. Особенно часты находки зубов. Несколько находок происходят с территории Франции. Так, нижний коренной зуб ребенка 5—7 лет найден в мустьерском слое грота Фестон¹. Девять зубов человека обнаружены в верхнепалеолитических слоях гротов Арси-сюр-Кюр². Челюсть человека из грота Регурду описал Ж. Пивето³. П. Чеснола и П. Мессари⁴ опубликовали четыре зуба (три молочных и один зуб взрослого) из мустьерских слоев гротов Южной Италии. Единичные антропологические находки сделаны в пещере Ля Адам в Румынии⁵. А. Валлуа⁶ в специальной статье, содержащей детальное описание зуба (первый верхний премоляр) человека из леваллуа-мустьерского слоя грота Ра-эль-кеלב в Ливане, привел сравнительную таблицу диагностических признаков указанной находки и еще десяти аналогичных зубов из ряда стоянок Европы и Азии. Количество этих фактов можно значительно умножить.

На территории СССР в последнее десятилетие также обнаружены единичные костные остатки человека. Второй верхний левый моляр человека в возрасте 25 лет обнаружен Н. Д. Прасловым⁷ в IV горизонте мустьерской стоянке Рожок I, расположенной на берегу Таганрогского залива.

В мустьерской пещерной стоянке Джрочула⁸ (Грузия) во II культурном слое вблизи очага, на глубине 3,35 м также обнаружен коренной зуб человека.

¹ E. Pittard, S. Saint-Perier. Festons-gisement paléolithique à Brantome (Dordogne). *Archives Suisses d'Anthropologie générale*, t. XX, № 1—2, 1955, p. 130—132.

² A. Leroi-Gourhan. Etude des restes humains provenant des grottes d'Arcy-sur-Cure. *«Annales de Paléontologie»*, t. XLIV, Paris, 1958, p. 25—26.

³ J. I. Piveteau. Les restes humains de la grotte de Regourdou (Dordogne). *«Comptes rendus de l'Académie des Sciences»*, t. 248, Paris, 1959, p. 40—44.

⁴ A. P. Cesnola et P. Messeric. Quatre dents humaines paléolithiques trouvées dans des cavernes de l'Italie méridionale. *«L'Anthropologie»*, t. 71, № 3—4, 1967, 249—261.

⁵ O. Necrasov. Sur les particularités morphologiques d'un bourgeon dentaire appartenant à l'homme fossile (*Homo sapiens fossilis*) découvert dans la grotte «La Adam» (Dobrogea). *«Annale stiint Universitati»*, v. 8, № 2, 1962, p. 187—192.

⁶ H. Vallois. Le dent humaine levallois-mousterienne de Ras-el-Kelb. Liban, *Biblioteca primatologica*, f. I. Basel—New-York, 1962, p. 155—162.

⁷ Н. Д. Праслов. Ранний палеолит Северо-Восточного Приазовья и Нижнего Дона. *МИА*, № 157, 1968, стр. 83—84.

⁸ Д. М. Гушабрамишвили. Итоги раскопок Джрочульской пещеры за 1960—1961 гг. Сб. «Пещеры Грузии», т. 2. Тбилиси, 1963, стр. 97—108; Л. К. Габуния, Д. М. Гушабрамишвили, А. К. Векуа. Первая находка остатков мустьерского человека на Кавказе. *«Вопросы антропологии»*, 1961, № 8, стр. 156—162.

В настоящей заметке мы остановимся на характеристике антропологических остатков из Ахштырской пещеры, расположенной в 15 км от г. Адлера, вблизи шоссе Адлер—Красная Поляна. Коренной зуб и три косточки стопы найдены не *in situ*, а были выделены и определены Н. М. Ермоловой в процессе обработки фауны из раскопок 1961 г. Напомним, что в составе фауны Ахштырской пещеры преобладают остатки пещерного медведя, длинные кости и коренные зубы которого обнаруживают близкое сходство с костями человека. Упомянутые находки были встречены в двух верхних мустьерских слоях (слой 3а и 3) в противоположных сторонах раскопа. Зуб человека был найден на прискальном участке 726 в южной половине раскопа, в верхнем мустьерском слое 3а, возраст которого определен в $35\ 000 \pm 2000$ до н. э. В том же слое на соседнем квадрате 76а найдена и одна из плюсневых косточек (рис. 16, 3). Две другие кости стопы обнаружены в северной половине раскопа, на кв. 79, во втором (3) мустьерском слое.

Второй верхний левый моляр (рис. 16, 1), найденный в Ахштырской пещере, имеет исключительно хорошую сохранность, что позволило произвести достаточно полный одонтологический анализ его. Характерной особенностью ахштырского зуба является сочетание архаичных и прогрессивных признаков, что, впрочем, характерно для ряда единичных находок подобного рода.

Абсолютные размеры ахштырского моляра могут быть охарактеризованы в масштабе размеров зубов современного человека как «очень большие» или «большие». Корни очень массивные, округлые. На протоконусе четко выражена задняя поперечная бороздка, характерная для древних и древнейших гоминид. Наряду с этим небольшая общая морщинистость жевательной поверхности, относительно небольшой мезио-дистальный диаметр коронки, редуцированный гипоконус сближает ахштырский зуб с зубами современного человека.

Четко выраженное сочетание прогрессивных и архаичных черт в морфологии моляра позволяет предположить, что зуб из Ахштырской пещеры принадлежит ископаемому человеку современного типа (*Homo sapiens fossilis*). Для этой стадии эволюции человека весьма характерно подобное строение моляра, сохраняющее ряд примитивных особенностей⁹ (в большей степени, чем их сохраняют остальные части черепа), что мы видим, например, по находкам в гроте Ля Адам (Румыния), в верхнем гроте Чжоу-Коу-Дянь (Китай и др.).

Конечно, делать определенные выводы, имея всего лишь один зуб, весьма трудно, но в данном случае картина одонтологических особенностей находки столь ясна, что мы считаем все же возможным допустить высказанное выше предположение. Такого рода факты показывают, что антропологическая одонтология, вероятно, может иногда дать некоторые дополнительные сведения при решении вопросов о физическом типе людей прошлого в тех случаях, когда костный материал представлен лишь зубами.

Из трех костей стопы одна целая (рис. 16, 2), две другие представляют собой нижнюю и верхнюю части различных плюсневых костей, отличающихся и по сохранности. По заключению Б. В. Фирштейн, первая из них принадлежит взрослому индивиду в возрасте старше 30 лет.

Так как остатки человека из Ахштырской пещеры были обнаружены на прискальных участках, где наблюдалось некоторое нарушение стратиграфии, и то обстоятельство, что они были найдены не *in situ*, затрудняет интерпретацию нашей и подобных ей находок. Мы не знаем, являются ли

⁹ Необходимо при этом оговориться, что некоторые архаичные черты в строении коренных зубов удерживаются не только в позднем палеолите, но и в мезолите (Я. Я. Рогинский. Происхождение человека и стратиграфия плейстоцена. В сб. «Новейшая тектоника, новейшие отложения и человек». М., 1965, стр. 217).

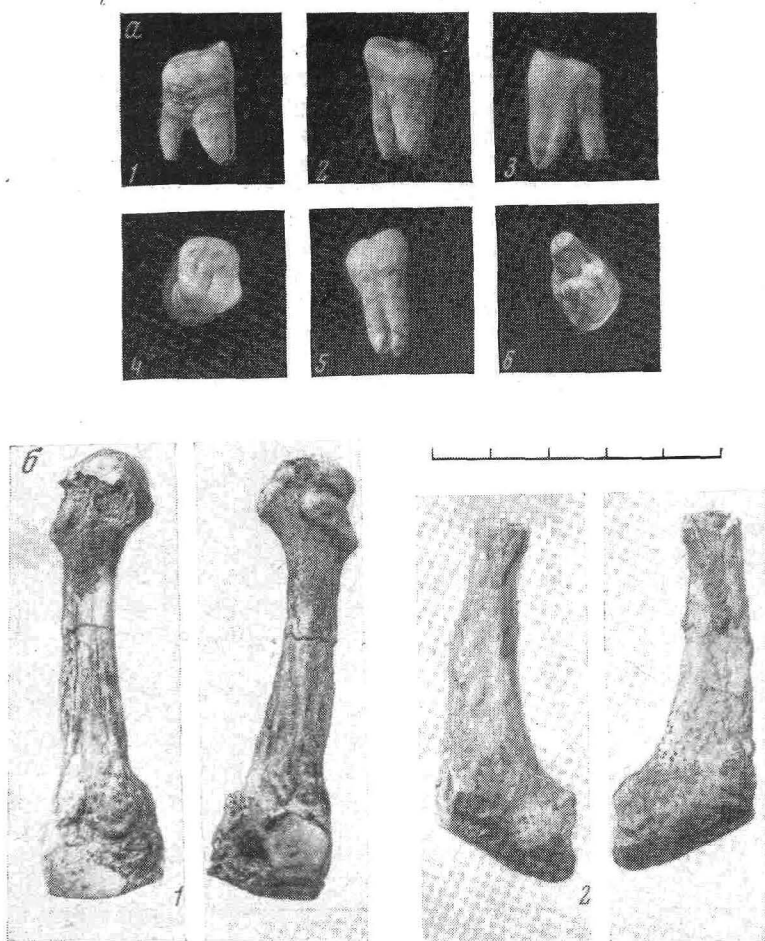


Рис. 16. Ахштырская пещера. Остатки человека
 а, 1—6 — зубы человека; б, 1—2 — кости стопы

они остатками разрушенного погребения, вещественным доказательством кровавых столкновений между пещерным медведем и первобытным человеком или подтверждают случаи каннибализма. Впрочем, последнему предположению противорочит обилие расколотых костей животных в двух верхних мустьерских слоях пещеры, являющихся остатками пищи первобытного человека.

Антропологические находки последних лет, обнаруженные за рубежом и в нашей стране, еще раз подтверждают заключение о несовпадении этапов развития материальной культуры и ступеней эволюции физического типа человека. Одни факты: скелет ребенка с ярко выраженными сапиентными чертами из мустьерской стоянки Староселье в Крыму, последняя находка Вандермерша¹⁰ в пещере Кафсех (Израиль) и, в частности, зуб из мустьерского слоя Ахштырской пещеры, принадлежащий ископаемому человеку типа *Homo sapiens fossilis*, — свидетельствуют о появлении человека типа *Homo sapiens* уже в эпоху мустье. Другие находки, наиболее ярким примером которых являются зубы из верх-

¹⁰ В. Vandermeersch. Nouvelles decouvertes des restes humains dans les couches levallois-mousteriennes du gisement de Gafzeh (Israel). «Comptes rendus de l'Académie des Sciences», t. 262. Paris, 1966, p. 1434—1436.

непалеолитических слоев гротов Арси-Сюр-Кюр, напоминающие зубы палеантропов, говорят о случаях значительного отставания развития физического типа человека от уровня развития его культуры.

Единичные антропологические находки в мустьерских стоянках Рожок I, Джручула и Ахштырская пещера, а также уникальная находка нижней челюсти с двумя коренными зубами палеантропа из ашельского слоя Азыхской пещеры¹¹ в Азербайджане дают основание надеяться на открытие новых более полных остатков ископаемого человека на юге СССР и, в частности, на Кавказском перешейке.

¹¹ С. Д. Алиев. Фауна Азыхской палеолитической стоянки. Автореф. канд. дисс. Баку, 1969, стр. 18—19.

Н. Б. ГЛУХОВСКАЯ и О. Н. БАДЕР

НОВЫЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ ДРЕВНЕГО ПАЛЕОЛИТА
В СЕВЕРНОМ ПРИБАЛХАШЬЕ

Летом 1967 г. в бассейне р. Токрау (Северное Прибалхашье) сотрудницей Московского геологоразведочного института Н. Б. Глуховской были найдены каменные изделия древнейшего человека.

Одно из них обнаружено в сухом русле р. Эспе, в 45 км к северу от г. Балхаш (рис. 17, пункт 1). Долина реки в этом месте представлена двумя голоценовыми поймами, верхнеплейстоценовой 1-й и среднеплейстоценовой 2-й надпойменными террасами (рис. 18, А). Возраст отложений, слагающих эти поверхности, определяется на основании общих закономерностей, выведенных для района¹. Руслом реки в нескольких местах вскрыты среднеолигоценовые белые глины с редкими кремнистыми желваками. Именно на этих глинах и найдено каменное орудие. Материалом для его изготовления послужило одно из кремнистых стяжений. Орудие попало в русло, вероятнее всего, из среднеплейстоценовых отложений 2-й надпойменной террасы, 5-метровый уступ которой в 350 м выше по течению реки подвергается в настоящее время разрушению. Выходов раннеплейстоценовых отложений здесь не наблюдается. Орудие представляет собой ручное рубило из желто-белого кремня, с коркой с уплощенной стороны и кавернами — с более выпуклой стороны, имеющей налет голубоватой патины, форма близка к широкому овалу. Боковая грань довольно извилиста. С выпуклой стороны орудие обработано грубыми, не систематическими ударами; с уплощенной — тщательной, ровной оббивкой по краям (рис. 19, 1); размеры его 11,2 × 8,4 × 4,6 см. Орудие является ашельским рубилом.

Второе орудие найдено на берегу, в 57 км к востоку от г. Балхаш. В этом месте вдоль побережья прослеживаются три современных береговых вала (рис. 18, Б). С поверхности внутреннего склона самого низкого из них, обращенного к мысу, сложенному палеозойскими лавами и туфами, и поднято это орудие. Оно изготовлено из местного лилового порфирита дацитового состава и слабо окатано. Степень его окатанности та же, что и у обломочного материала берегового вала. Скорее всего, орудие вместе с плитами и щебнем туфов смыто озером с поверхности палеозойских пород, образующих мыс. Это ручное ашельское рубило, имеющее округло-овальную форму, сохранившее с обеих сторон небольшие участки корки. Размеры его 9,0 × 7,3 × 3,5 см. С обеих сторон оно обработано грубыми сколами, направленными от краев к центру. С одной стороны на более узком конце имеются следы более тщательной оббивки

¹ Решение II республиканского межведомственного совещания по вопросам антропогена (четвертичного периода) и геоморфологии Казахстана. Изв. АН Каз. ССР, серия геол., вып. 5 (50). Алма-Ата, 1962.

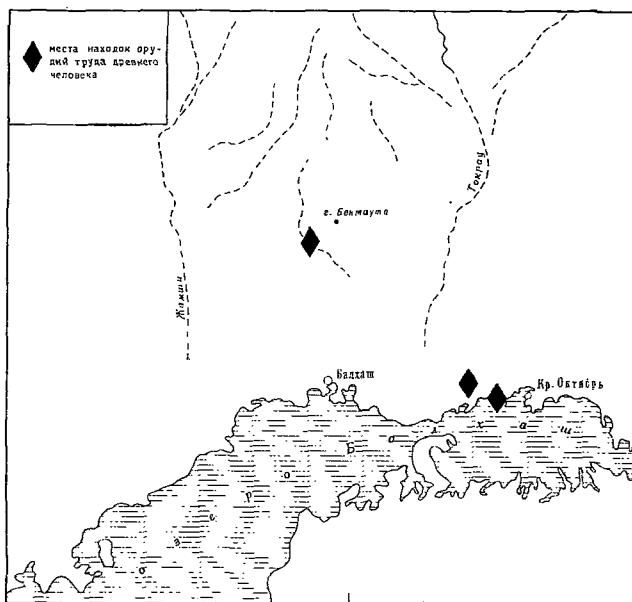


Рис. 17. Схема расположения палеолитических находок

(рис. 19, 2). Одна сторона орудия более плоская, другая более выпуклая; боковая грань довольно прямая. Поверхность покрыта блестящим глянцем, выступающие грани и боковые ребра сглажены.

Третий предмет найден в 48 км к востоку от г. Балхаш, поднят с поверхности денудационной равнины нижнеплейстоценового (?) возраста, сформированной на палеозойских алевритах, туфах, песчаниках (рис. 18, В). Он представляет собой отщеп темно-серой, почти черной кремнистой породы с синеватым оттенком, которая вместе с яшмами встречается в редких гальках на поверхности равнины, имсет корку на спинке, окатан и по всей поверхности покрыт пустынным загаром. На брюшке его хорошо выражен широкий ударный бугорок. Тупой угол между неретушированной ударной площадкой и брюшком равен 113° . Бессистемные, мелкие фасетки по краю имеют случайный характер (рис. 19, 3). Наиболее вероятен также среднепалеолитический ашель-мустьерский возраст и этой находки.

Описанные выше находки дополняют картину расселения древнейшего человека на территории Средней Азии и Казахстана, общие контуры которой уже нарисованы археологическими исследованиями последних 10—15 лет. Как известно, в Средней Азии обнаружены уже многочисленные памятники, свидетельствующие о заселении практически всей ее территории в мустьерское время². Но в отдельных пунктах указанной территории были найдены каменные изделия ашельского и даже шельского времени. Так, в Туркменистане известно местонахождение ручных рубил ашельского типа в 40 км на восток от Красноводска; и еще более примитивных грубо оббитых галечных орудий-чопперов (вроде чоппера из Он-Арча на Тянь-Шане), имеющих ближайшие аналогии в древнем палеолите Юго-Восточной Азии. В Казахстане к шель-ашельскому времени относятся прежде всего крупные местонахождения Борыказган и Та-

² А. П. Окладников. Палеолит и мезолит Средней Азии. Часть I в книге «Средняя Азия в эпоху камня и бронзы», М.—Л., 1966; В. Ранов. Каменный век Таджикистана. Душанбе, 1965; А. В. Виноградов, Э. Мамедов. Кызылнур I — первый мустьерский памятник в Кызылкумах. СА, 1969, № 1 и др.

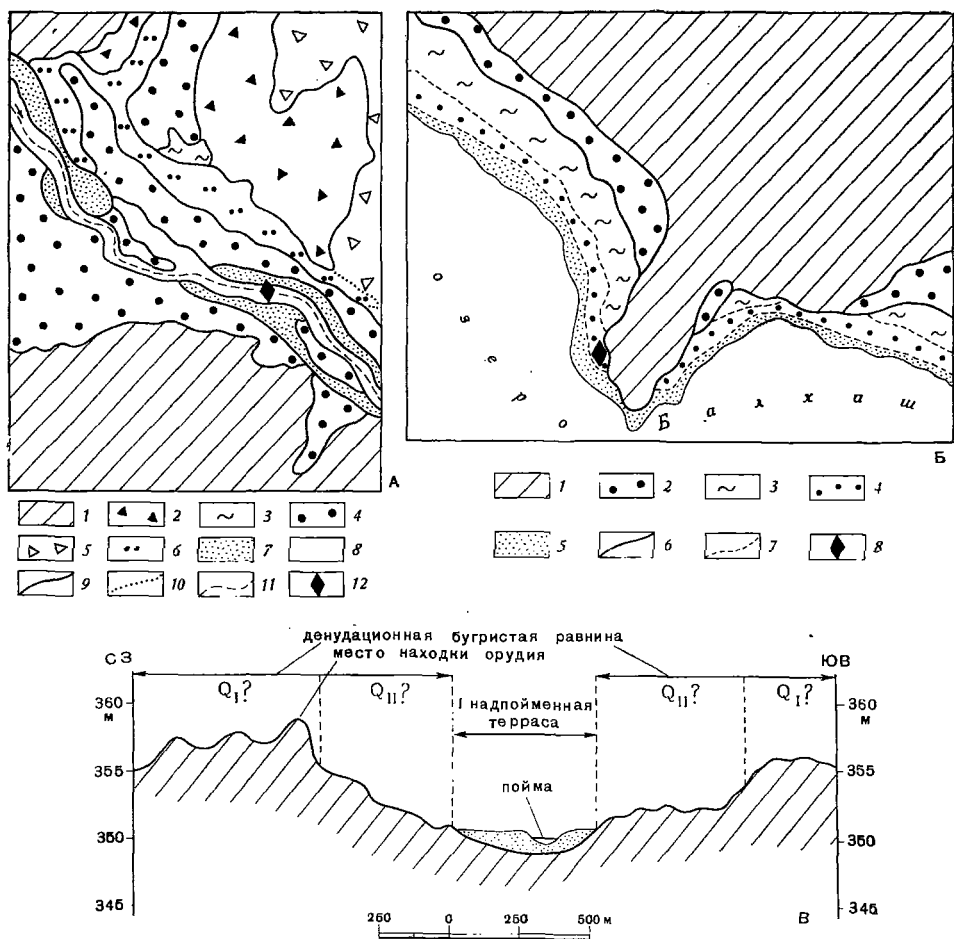


Рис. 18. Геологические карты и профиль участка

А — геологическая карта участка долины р. Эспе: 1 — палеозойские породы (Pz); 2 — верхнеолигоценые глины с кварцевой дресвой (Pg_3^3); 3 — неогеновые красноцветные глины ($N_1^{2-3}N_2^{1-2}pv$); 4 — отложения второй надпойменной террасы (aIQ_{II}); 5 — отложения конуса выноса (plQ_{III}); 6 — отложения первой надпойменной террасы (aIQ_{III}); 7 — отложения высокой поймы (aIQ_{IV}^1); 8 — отложения низкой поймы (aIQ_{IV}^2); 9 — стратиграфическая граница; 10 — граница генетических типов отложений; 11 — сухое русло р. Эспе; 12 — место находки каменного орудия; Б — геологическая карта участка побережья оз. Балхаш: 1 — палеозойские породы (Pz); 2 — гравийно-песчаные отложения верхнеплейстоценовых береговых валов (IQ_{III}); 3 — песчано-глинистые отложения современных лагуна (IQ_{IV}); 4 — грубообломочные несортированные отложения современных береговых валов (IQ_{IV}); 5 — песчаные отложения современного пляжа (IQ_{IV}); 6 — стратиграфическая граница; 7 — фациальная граница; 8 — место находки каменного орудия труда; В — схематический профиль участка денудационной бугристой равнины в районе обнаружения третьего орудия труда

ниркаган на склонах хребта Малый Каратау к западу от Джамбула (Южный Казахстан). Найденные здесь многочисленные каменные изделия относятся в целом также к древнепалеолитической культуре юго-восточноазиатского типа и наиболее близки изделиям соанского типа в Северо-Западной Индии³.

В более северных районах, в Центральном Казахстане в последние годы весьма интересный палеолитический материал собрал геолог

³ Х. А. Аллысбаев. Открытие памятников древнего и позднего палеолита в Южном Казахстане. СА, 1961, № 1.

М. Н. Клапчук, уже не раз демонстрировавший его в своих сообщениях на пленумах Института археологии АН СССР. Этот материал по большей части относится к ашель-мустьерскому времени, т. е. в наших представлениях уже к эпохе среднего палеолита. Но некоторые из открытых М. Н. Клапчуком местонахождений имеют более архаичный характер. Такова часть изделий с местонахождений Обалысан I и Музбель I близ совхоза «Жетыкконурский» в Джаздинском районе Карагандинской обл., галечные орудия которых, по его мнению, близки аналогичным изделиям каратауских местонахождений Южного Казахстана⁴.

Территориально наиболее близки нашим изделиям находки, сделанные в последние годы А. Г. Медоевым. По его словам, палеолитические остатки на поверхности «особенно полно и широко... представлены на стоянках-мастерских в горах Семизбугу (Северное Прибалхашье), где «плащом» залегают сотни и тысячи палеолитических кремней различных культур. Некоторую часть среди них составляют шельско-ашельские образцы. Это в основном отщепы клетонского типа, а также единичные чопперы, чоппинги, колуны, бифасы. Эта индустрия является здесь (и вообще в древнем палеолите Сары-Арка) протечей ашеля развитого, представленного ассоциацией с архаичным леваллуа»⁵.

На отдельных палеолитических местонахождениях Центрального Казахстана приблизительно устанавливается их геологический возраст. Так,

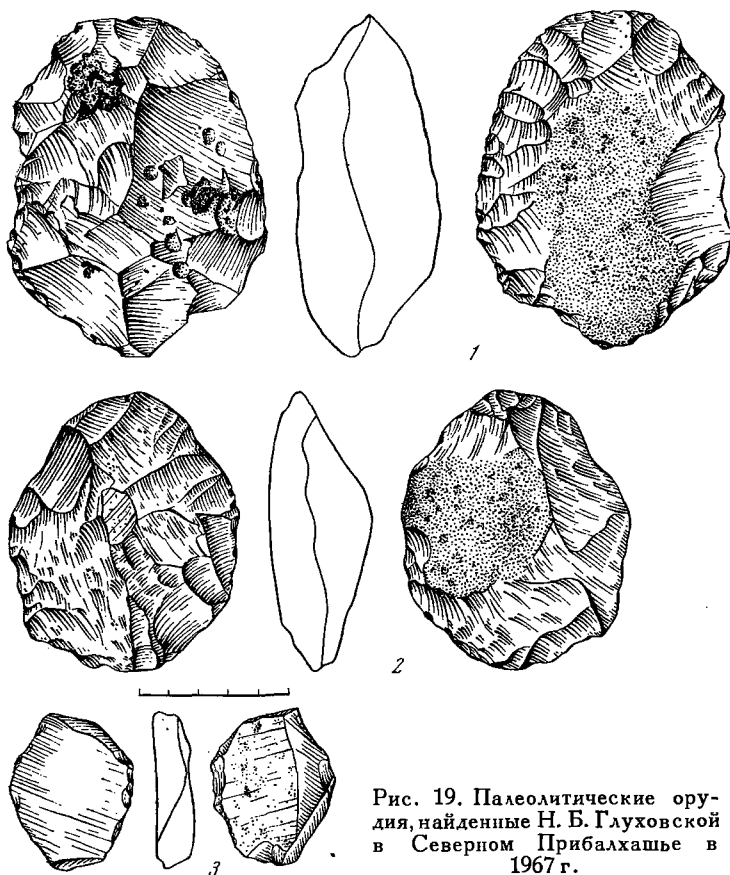


Рис. 19. Палеолитические орудия, найденные Н. Б. Глуховской в Северном Прибалхашье в 1967 г.

⁴ М. Н. Клапчук. Местонахождения галечных орудий в бассейне р. Сарысу (Центральный Казахстан). Доклад в секции палеолита пленума Института археологии АН СССР в марте 1968 г

⁵ А. Г. Медоев. Об истоках древнего палеолита Сары-Арка. Изв. АН Каз. ССР, серия обществ. наук, 1965, вып. 4, стр. 77.

комплекс каменных изделий из пункта Обалысан I, по М. Н. Клапчуку, приурочен к древней речной долине, прекратившей свое функционирование в среднем плейстоцене, и может быть предварительно датирован концом нижнего — началом среднего плейстоцена⁶.

В Северном Прибалхашье, по А. Г. Медоеву, топография палеолитических местонахождений не отличается большим разнообразием и подразделяется на два основных типа. «К первому типу относятся открытые... стоянки на террасах и днищах мертвых долин. Наиболее наглядно они представлены в северо-восточной части региона в бассейнах рек Туранга и Кызыл-Кайнар. Ко второму типу относятся открытые... стоянки-мастерские на вершинах и склонах скалистых сопков, а также на шлейфах конусов выноса. Эти стоянки-мастерские, как правило, связаны с положительными формами рельефа, в строении которых участвуют осадочные породы палеозоя, содержащие плотные кремнистые разности. Наиболее густо они сосредоточены в центральной части Северного Прибалхашья на территории гор Семизбугу, где хорошо обнажены кремнистые алевриты девона, составившие практически неисчерпаемые ресурсы для каменной индустрии палеолитического населения страны»⁷. Условия нахождения описанных в данной статье орудий не противоречат этим выводам. Подтверждается и наблюдение А. Г. Медоева о редком использовании порфиринов и других эффузивных пород для изготовления палеолитических орудий.

Приведенный здесь материал новых местонахождений из Прибалхашья вносит поправку в положение, высказанное А. П. Окладниковым, об известном сходстве путей развития древнейшей культуры человечества в Средней и Восточной Азии и о культурно-исторической связи населения этих стран в нижнем и среднем плейстоцене. «Влияние нижнепалеолитической культуры ручного рубила прослеживается, таким образом, лишь на крайнем юго-западе Средней Азии, в Туркмении. На востоке же и на севере Средней Азии как будто обнаруживается известное влияние культуры чопперов. Очень вероятно, что первобытные люди, впервые заселившие восточные области Средней Азии, в своем большинстве были скорее в родстве с синантропами — первобытным населением Юго-Восточной и Восточной Азии, чем с шельскими и ашельскими людьми — жителями Европы, Африки и Передней Азии»⁸. Но среди сборов 1967 г. в районе озера Балхаш имеются два хорошо выраженных ручных рубила ашельского типа (рис. 19, 1 и 2), а они найдены на 2000 км восточнее Красноводска на берегу Каспийского моря в Туркмении. Более справедливым представляется утверждение М. Н. Клапчука, что в Центральном Казахстане, «как и в Средней Азии, отмечается сосуществование культуры ручных рубил и галечных орудий на протяжении нижнего и среднего палеолита»⁹.

Необходимо продолжить поиски памятников древнего и среднего палеолита дальше на север и восток.

⁶ М. Н. Клапчук. Указ. доклад.

⁷ А. Г. Медоев. Топография стоянок каменного века в Северном Прибалхашье. «Вестник АН Каз. ССР», 1965, № 5, стр. 85.

⁸ А. П. Окладников. Указ. соч., стр. 22.

⁹ М. Н. Клапчук. Указ. доклад.

Н. Д. ПРАСЛОВ

НЕКОТОРЫЕ СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ФОРМЫ КАМЕННЫХ ОРУДИЙ МУРАЛОВСКОЙ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ

В 1964, 1967 гг. палеолитическим отрядом ЛОИА АН СССР под руководством автора была раскопана позднепалеолитическая стоянка на окраине небольшого степного хут. Мураловка на правом берегу Миусского лимана. На небольшой вскрытой площади (около 140 кв. м) здесь выявлены остатки жилого комплекса, обрамленного каменной вымосткой из щебня сарматского известняка, и собрана небольшая, но выразительная коллекция каменных и костяных изделий. В материалах Мураловской стоянки многое оказалось своеобразным и не находит аналогий в позднем палеолите Восточной Европы. Это — каменная вымостка, стилизованные изображения на кости и, наконец, различные типы каменных орудий. О предметах искусства из Мураловской стоянки уже опубликовано предварительное сообщение¹. Но о характере каменного инвентаря этого необычного памятника были высказаны лишь самые общие впечатления². В настоящей статье частично восполняется этот пробел: характеризуются главным образом те специфические формы каменных орудий, которые составляют основную особенность инвентаря Мураловской стоянки.

Всего в Мураловской стоянке собрано около 6260 экземпляров расщепленного и обработанного кремня. Из этого количества около 350 изделий имеют вторичную обработку и могут быть отнесены к категории намеренно изготовленных орудий. В процентном отношении (5,6%) это количество примерно соответствует тому, что обычно фиксируется для позднепалеолитических поселений, удаленных от источников сырья. При подсчетах в число орудий включены некоторые отщепы и пластинчатые отщепы с нерегулярной ретушью. В отдельных случаях здесь, возможно, мы имеем дело не с регулярной ретушью, а со следами изношенности. Изучение этой группы инвентаря под микроскопом, вероятно, внесет некоторые изменения в определение данных типов. Однако они не составляют значительного процента в общем количестве орудий и существенно не повлияют на общую оценку соотношения различных групп инвентаря.

¹ Н. Д. Праслов, А. К. Филиппов. Первая находка палеолитического искусства в южнорусских степях. КСИА, вып. 111, 1967, стр. 24—30.

² Там же, стр. 28—30; а также: М. Д. Гвоздовер. О культурной принадлежности позднепалеолитических памятников нижнего Дона. «Вопросы антропологии», вып. 27, 1967, стр. 95—96; Г. В. Григорьева. Позднепалеолитические памятники Северо-Западного Причерноморья и Северного Приазовья. Автореф. канд. дисс. Л., 1968, стр. 9—10.

Среди отходов производства более половины представлено миниатюрными чешуйками и пластиночками. Остальное — отщепы. Правильных призматических пластин нет. Лишь несколько экземпляров можно рассматривать как призматические пластины. Но и они, как правило, производят впечатление сломанных. Лучшими заготовками по своим морфометрическим данным являлись пластинчатые отщепы. Именно из них в большинстве случаев изготовлены орудия. Такому облику отбросов производства вполне соответствуют формы нуклеусов. Среди 20 экземпляров, найденных на стоянке, только один имеет пирамидальную форму и несет на себе негативы скалывания узких микропластиночек небольшой длины. Края таких пластиночек неровные, несимметричные, и по своему облику они, скорее, также относятся к пластинчатым отщепам маленьких размеров; пластиночками их можно назвать только условно. Остальные нуклеусы сильно сработаны. Их величина иногда не более 2—3 см. Обычно они имеют по несколько ударных площадок разной ориентировки. Некоторые из них по принципам снятия заготовок близки к сильно сработанным дисковидным мустьерским нуклеусам.

Подобная техника необычна для позднего палеолита. Поздний палеолит в Европе развивается преимущественно на основе использования в качестве заготовок для орудий призматической пластины. Правда, имеются и линии развития каменного инвентаря, где основой для орудий являются отщепы, например, 2-й слой Маркиной Горы в Костенках³. Однако последние не получили широкого распространения.

Большое своеобразие каменному инвентарю Мураловской стоянки придают миниатюрные пластиночки с ретушью по краям и миниатюрные ретушированные остря. Вместе взятые они составляют почти половину всех орудий — 158 экз., т. е. 44, 24%. Из них 31 экз. (8,68%) имеет четко выраженные признаки острий, остальные 127 экз. (35,56%) не составляют единой морфологической группы орудий, хотя все должны быть отнесены к категории миниатюрных пластиночек с ретушированными краями.

По своим морфологическим признакам миниатюрные изделия Мураловской стоянки лишь условно могут называться пластиночками. Они очень малы, аморфны, края у них не параллельны, спинка не имеет четкого ограничения. Все это сближает их с той категорией изделий, которые принято называть чешуйками. Чешуйки — это производственный отход при вторичной обработке изделий, т. е. при изготовлении орудий, в основном при ретушировании заготовок. Обычно они не использовались первобытным человеком. В Мураловской же стоянке они сами подвергались вторичной обработке, которая несомненно указывает на то, что они использовались в качестве орудий, или, как постараемся показать ниже, в качестве деталей сложных составных орудий.

Размеры этих миниатюрных изделий лежат в пределах от минимальной длины 8 мм при ширине 3,5 мм и до максимальной длины 16 мм при ширине 5 мм. Имеются незначительные отклонения от этих показателей. Но они касаются в основном ширины изделий.

Ретушь по краям этих изделий преобладает исключительно мелкая. В рисунке ее воспроизвести невозможно. Самые крупные фасетки ретуши по ширине едва-едва достигают 1 мм. В основном же ретушь чрезвычайно тонкая — всего лишь 0,2—0,3 мм. Рассмотреть ее и измерить величину можно только в бинокулярную лупу. Край изделий, срезанный такой мелкой ретушью, имеет максимальную толщину 0,75 мм, минимальную — 0,25 мм.

³ А. Н. Рогачев. Многослойные стоянки Костенковско-Боршевского района на Дону и проблема развития культуры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине. МИА, № 59, 1957, стр. 77—81.

Положив в основу расчленения данной группы миниатюрных изделий наличие ретуши по краям и морфологию заготовки, можно выделить следующие варианты изделий:

- 1) овальные, ретушированные по обоим краям и иногда по дистальному концу (рис. 20, 6—8, 28—31) 11 шт.;
- 2) удлинненно-овальные, со скошенным ретушью концом. Близки 1 варианту 5 шт.;
- 3) удлиненные, с одним ретушированным краем (рис. 20, 13—20) 82 шт.;
- 4) удлиненные, с двумя ретушированными краями (рис. 20, 4—5, 9) 21 шт.;
- 5) узкие, с противолежащей ретушью (рис. 20, 21) 5 шт.;
- 6) удлиненные, с зубчатым ретушированным краем (рис. 20, 25, 26) 2 шт.

Четких границ между выделенными вариантами нет. Все они связаны между собой отдельными переходными формами. Исключение, пожалуй, составляют только первые два варианта, близкие друг другу. По-видимому, их производственное назначение было несколько иным, чем у остальных изделий.

Точно так же трудно провести грань между различными вариантами миниатюрных острий (рис. 20, 32—41). Изготовлены они на более удлиненных и более правильных заготовках. Длина их достигает 2 см и даже в одном случае — 2,3 см. Условно их можно все же расчленить на следующие варианты:

- 1) короткие треугольные, с обоими ретушированными краями, сходящимися к острию (рис. 20, 32—36) 8 шт.;
- 2) удлиненные треугольные с обоими ретушированными краями, сходящимися к острию (рис. 20, 37—38) 8 шт.;
- 3) треугольные, с одним ретушированным краем (рис. 20, 39—41) 6 шт.;
- 4) клювовидные (рис. 20, 42—43) 7 шт.;
- 5) прямоугольные, с косой поперечной ретушью (рис. 20, 44) 2 шт.

Миниатюрные острия так же, как и миниатюрные пластиночки, расчленены нами по вариантам для максимальной полноты их характеристики. Вместе с тем следует отметить, что наличие ретуши по одному или по двум краям вряд ли включает в себе указание на их разное производственное назначение. По-видимому, это обусловлено пригодностью краев заготовки для использования в определенных целях. Некоторые орудья, например, изображенное на рис. 20, 34, имеют ретушь только по краям в наиболее широкой части. Острый конец оставлен неретушированным.

Какое же производственное назначение имели миниатюрные орудья Мураловской стоянки? Ответить на этот вопрос очень трудно ввиду того, что мы сейчас практически не знаем им аналогий и можем судить только по материалам одного памятника. На территории Восточной Европы близкую аналогию миниатюрным коротким треугольным остриям можно указать только в материалах недавно раскопанной В. Н. Станко и Г. В. Григорьевой позднелепелитической стоянки Сагайдак I на р. Ингул на Украине⁴. Но эти материалы пока не опубликованы. К тому же остальная инвентарь этого памятника совершенно отличен от Мураловского. Очень дальнюю аналогию треугольным миниатюрным остриям Мураловки с одним ретушированным краем можно увидеть в материалах второго культурного слоя Аносовки II в Костенках⁵. Но там они изготовлены на сравнительно массивных заготовках настоящей притупляющей ретушью и близки остриям типа гравет. Мураловские напоминают их только по общему контуру. Следовательно, искать в них аналогию вряд ли имеет смысл. Мы не смогли найти аналогичных изделий и в указанных Г. В. Григорьевой материалах Костенок II. Для группы

⁴ Г. В. Григорьева. Указ. соч., стр. 6—7, 10.

⁵ А. Н. Рогачев. Аносовка II — новая многослойная стоянка в Костенках. КСИЛ, вып. 82, 1961, стр. 89—92.

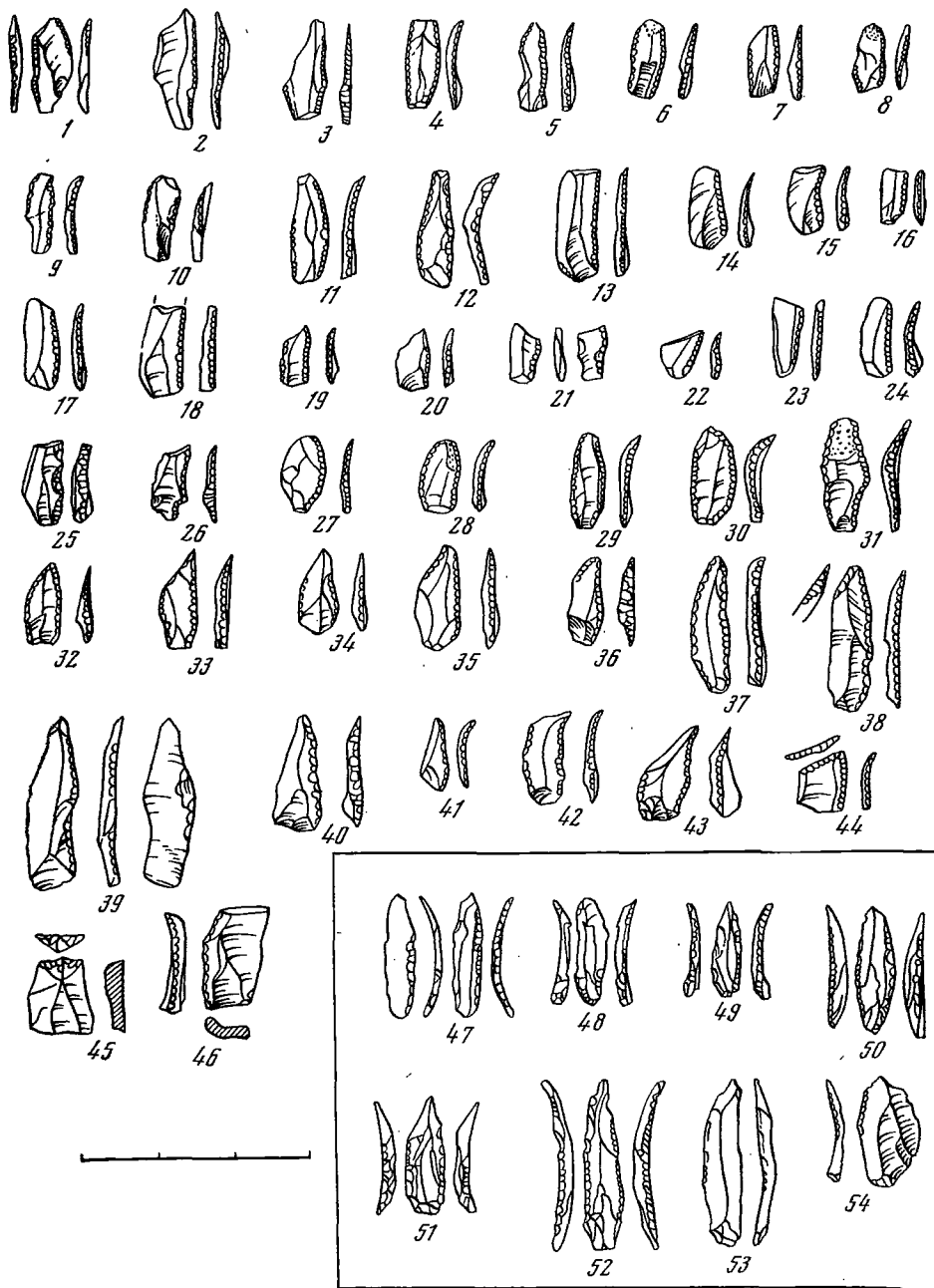


Рис. 20. Миниатюрные кремневые изделия (1—46 — Мураловка; 47—54 — Гура Пулавска)

миниатюрных ретушированных пластиночек аналогий в Восточной Европе пока неизвестно. Единственную аналогию можно указать только для удлиненно-овальных пластиночек с обоими ретушированными краями из «ориньякского» памятника Гура Пулавска в Польше⁶. На это обратил наше внимание изучавший Мураловку в Ленинграде Я. К. Козловский. В Гуре Пулавской, по указаниям Я. К. Козловского, такие пластиночки,

⁶ S. Krukowski. *Paleolit Polski*. Kraków, 1939, str. 65—70, tabl. 17.

ретушированные по обоим краям, иногда приостренные на конце или имеющие противоположающую ретушь, составляют около 40% всего инвентаря⁷.

К сожалению, материалы Гурь Пулавской остаются до сих пор монографически неопубликованными и сравнивать с ними можно только по тем экземплярам, которые изданы С. Круковским и переизданы Я. К. Козловским. Указание Я. К. Козловского на то, что микропластиночки Гурь Пулавской находят аналогии в материалах Кремса⁸, заставляет более осторожно сравнивать мураловские миниатюрные изделия с пулавскими ввиду того, что в кремских остриях совершенно нет подобных мураловским. В Кремсе преобладают острия «кремского типа», изготовленные на правильных удлиненных микропластинах, и пластиночки типа дюфур⁹. В Мураловской стоянке подобных типов нет. Следовательно, попытка установить функции миниатюрных изделий Мураловской стоянки при помощи широких аналогий исключена. Не увенчался успехом и просмотр этих изделий под микроскопом. Следы изношенности выявлены В. Е. Щелинским только на правом краю кончика одного из острий (рис. 20, 37). На остальных предметах следов износа нет.

Однако трудно допустить, что данные миниатюрные изделия случайны и не имели производственного назначения. Против этого свидетельствует тщательная обработка сравнительно большого количества экземпляров. Анализ всех без исключения форм позволяет предположить, что функционально все миниатюрные изделия распадаются на две группы. Первая, самая большая количественно — ретушированные микропластиночки, представляет собою отдельные вкладыши из каких-то составных костяных или деревянных орудий. Самостоятельно без закрепления в рукоятках они не могли использоваться из-за своих размеров. Тонкая подправка ретушью краев, сознательное выпрямление и укрепление края, а также уменьшение ширины ретушированием обоих краев указывает на то, что эти орудья закреплялись в боковых пазах таких орудий, как наконечники копий или ножи. Хорошим примером тому являются находки наконечников копий в стоянке Талицкого¹⁰ и в Кокорево I на Енисее¹¹. В стоянке Талицкого костяной наконечник был оснащен по боковым пазам удлиненными пластинками с притупленным краем. В Кокорево I у наконечника был только один паз. И он оснащен сознательно расчлененной на дольки правильной микропластинкой без дополнительной обработки. Приведенные примеры, хотя и не являются прямой аналогией для Мураловки, именно они все же, как нам кажется, помогают понять смысл мураловских изделий. Тем более, что вкладыши у наконечника из стоянки Талицкого не все представляют собою микропластинки с притупленным краем. У основания наконечника были закреплены в пазу две мелкие чешуйки, напоминающие мураловские.

Вторая группа миниатюрных мураловских изделий состоит из острий и, по-видимому, овальных микропластинок с подправленным ретушью концом. Для изделий этой группы характерна большая кривизна их про-

⁶ S. Krukowski. Paleolit Polski. Kraków, 1939, str. 65—70, tabl. 17.

⁷ J. K. Kozłowski. Uwagi o przemysłach orniackich w Polsce. «Folia Quaternaria», № 24. Kraków, 1966, s. 26—29.

⁸ J. Strobl, H. Obermaier. Die Aurignacienstation von Krems (N.—O). «Jahrbuch für Altertumskunde», t. 3. H. 3—4. Wien, 1909, s. 139—142; J. K. Kozłowski. Comments in «Current Anthropology», vol. 9, № 5, 1968, p. 377—378.

⁹ J. Hahn. Recherches sur l'aurignacien en Europe centrale et orientale. «L'Anthropologie», t. 74, № 3—4, p. 211—215. Пользуюсь случаем выразить искреннюю признательность доктору Иоахиму Хану за присланные мне копии рисунков материалов Кремса и др. памятников.

¹⁰ М. Д. Гвоздовер. Вкладышевый наконечник с палеолитической стоянки Талицкого. «Ученые записки МГУ», № 158, 1952, стр. 207—210.

¹¹ Э. А. Абрамова. О вкладышевых орудиях в палеолите Енисея. КСИА, вып. 111, 1967, стр. 12—18.

филя (рис. 20, 28—30), что, вероятно, мешало использованию их в качестве вкладышей. К тому же для вкладышей совершенно не нужно выделывать ретушью заостренного конца. У этих же орудий выделены острые концы. Иногда они расположены по центральной оси изделий (рис. 20, 32), иногда скошены в правую или левую сторону. Искривление профиля чаще всего проходит у заостренного конца. Использовать такие острия для прокалывания трудно. Нам представляется наиболее вероятным предположение о том, что в большинстве своем они применялись для резьбы по кости, и, возможно, по дереву. Изучение следов гравировки на костях, собранных в Мураловке, показывает, что значительная часть линий, образующих изображение, нанесена очень тонким инструментом. Резцами такие линии провести невозможно, а микроостриями можно. Для гравировки очень удобны и имеющиеся в коллекции клювовидные острия (рис. 20, 42—43). Острия со скошенным концом употреблялись не только как режущие инструменты при гравировке. Контуры изображения, по-видимому, слегка ими подскабливались, создавая более глубокий и широкий врез в исходный материал. Линейные следы изношенности, обнаруженные В. Е. Щелинским на кончике одного острия (рис. 20, 37), образовались скорее всего именно при таком способе работы.

Для резьбы по кости в Мураловке употреблялись, по-видимому, и другие, более крупные формы каменных орудий. В частности, трудно представить какую-либо иную функцию для клювовидного резчика со слегка изогнутым обухом, приспособленным для упора большим пальцем (рис. 21, 1).

С миниатюрными изделиями Мураловской стоянки непосредственную связь имеет и вторая, наиболее значительная категория орудий — скребки. Их в коллекции 48 экз. (13, 44%). Преобладающее большинство из них являются скребками высокой формы — около 20 экз. Изготовлены они на толстых коротких отщепах. Лезвия их оформлены на самых массивных участках. У большинства таких скребков кромка лезвия неровная, зубчатая. Негативы фасеток глубоко заходят на поверхность орудий и соответствуют облику пластиночек и чешуек, из которых изготовлены мураловские миниатюрные ретушированные пластиночки и острия (рис. 21, 4, 7—9). Отсутствие подобных негативов фасеток на нуклеусах указывает на то, что основная масса полуфабрикатов для миниатюрных изделий получена при обработке именно таких скребков. На подобное явление обратил внимание еще Г. Обермайер при изучении материалов из Кремса. Миниатюрные пластиночки и острия находят свое соответствие в негативах оформления лезвий массивных килевидных и округлых скребков в таких ориньякоидных памятниках, как Гур Пулавска, во 2-м и 3-м слоях Костенок I, в Сюрени I и др. Мураловские отличаются от перечисленных памятников тем, что и скребки, и миниатюрные пластиночки здесь значительно меньше по размерам и имеют большую кривизну профиля. Они приближаются к указанным только по общему принципу изготовления.

Среди других форм скребков необходимо особо выделить скребки со специально оформленными плечиками. Всего их 4 экз. Но наиболее выразительны — два (рис. 21, 5—6). Лезвия их сознательно сужены, ограничены и, по наблюдениям В. Е. Щелинского, имеют отчетливые следы изношенности. По-видимому, они употреблялись для выскабливания нешироких полостей или ложбинок при обработке жесткого материала — дерева или кости. Аналогичные орудия нам пока неизвестны в других памятниках.

Остальные скребки в Мураловке представлены обычными формами, которые широко распространены в позднепалеолитических памятниках: с тонким дугообразным лезвием на краю сломанных отщепов, с крутым

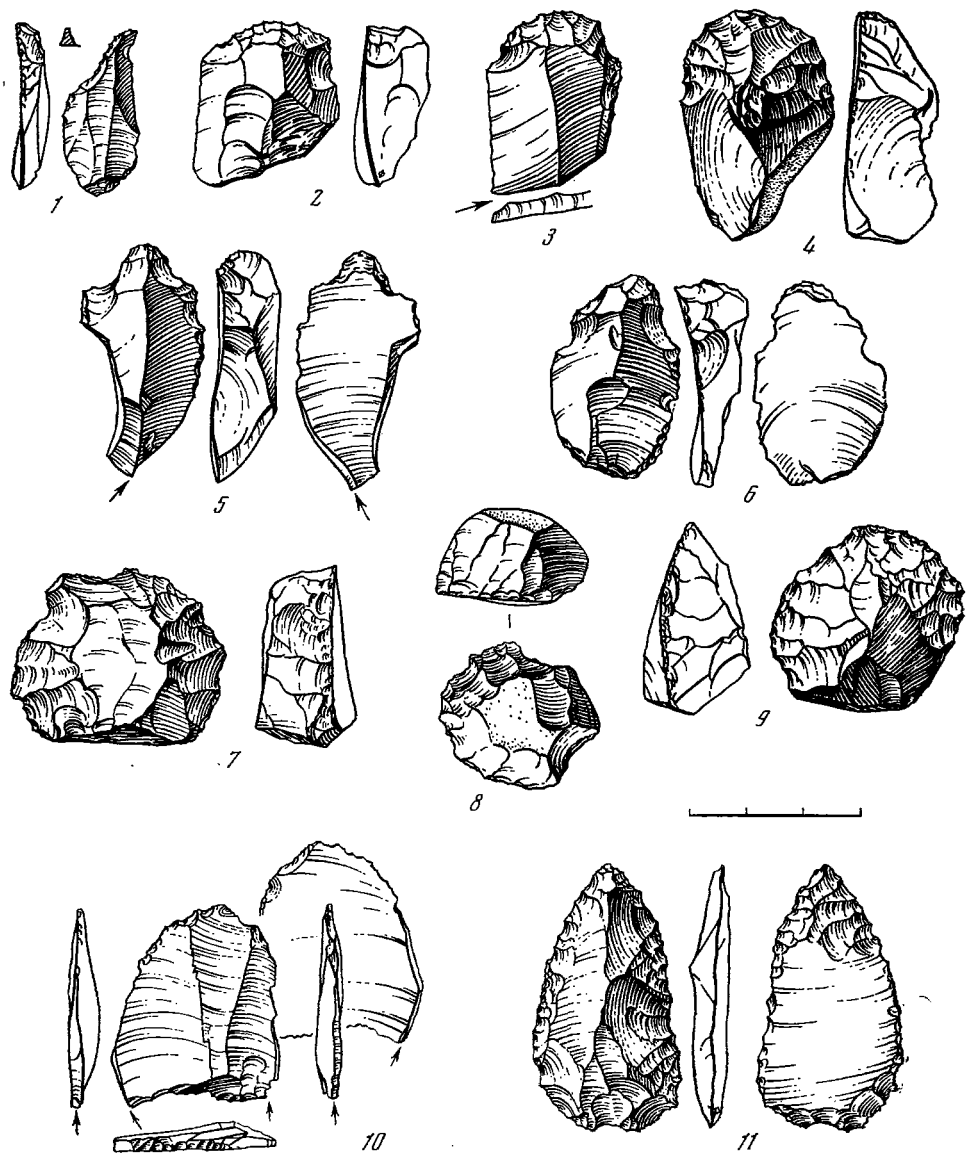


Рис. 21. Мураловская стоянка. Кремневые изделия

лезвием на отщепах, два скребка на ретушированных пластинчатых отщепах и один — двойной.

Из остальных орудий особого внимания заслуживают подтреугольный листовидный наконечник с тщательной плоской подправкой основания и острого конца по отбивной поверхности (рис. 21, 11) и два треугольной формы орудия с выемкой в основании. Последние интересны тем, что их края были укреплены не ретушью, а узкими резцовыми сколами. Вершина одного из них (рис. 21, 10) приострена тонкой противоположащей ретушью. Подобные изделия тоже пока неизвестны нам в других памятниках. Ввиду их малого количества судить об их назначении трудно. Может быть, это специфическая форма наконечников, а, может быть, основная их функция сводилась к использованию выемки для скребления. Решить

этот вопрос можно будет только при обнаружении дополнительных материалов.

Охарактеризованные материалы Мураловской стоянки показывают, что ее обитатели имели традиции в изготовлении орудий, не имеющие аналогий в позднем палеолите Восточной Европы. Опираясь на теоретические разработки А. Н. Рогачева о позднепалеолитических культурах и на анализ морфологии каменного инвентаря, можно с уверенностью говорить о том, что Мураловка представляет собой остатки новой, пока нам неизвестной культурной традиции. Имея некоторые общие черты в приемах расщепления и обработки кремня, а также в искусстве с памятниками ориньякоидного типа, Мураловская стоянка выделяется из них своими специфическими формами орудий. Она не может сопоставляться со средневропейской группой памятников типа Кремс-Дюфур. Единственную аналогию пока составляют только материалы Гуры Пулавской. Однако и эта аналогия нуждается в дополнительном изучении. Указание Я. К. Козловского на сходство Гуры Пулавской с Кремсом заставляет более осторожно подходить к сравнению Мураловки и Гуры Пулавской.

Г. В. ГРИГОРЬЕВА

ПОЗДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ НАКОНЕЧНИКИ
СРЕДНЕГО ДНЕСТРА

В 1968 и 1969 гг. в процессе исследований позднепалеолитических местонахождений Йоржница, Голошница и Раковец 9, расположенных в Сорокском районе МССР, между поселениями Кременчуг и Приднестровское, были найдены листовидные наконечники с двусторонней обработкой.

Палеолитические памятники с наконечниками встречаются на северо-востоке и северо-западе Молдавской ССР, на юге Украины, то есть в районах, примыкающих в основном к среднему Днестру, бассейну р. Реут и его притокам — Куболта и Кайнар.

Листовидные наконечники появились в Среднем Приднестровье еще в мустьерское время. Большая серия их найдена в двуслойной стоянке Стинка¹. Они имеют овальную форму, один заостренный конец и закругленное, прямое или скошенное основание. Преобладают массивные изделия. Обе поверхности у них обработаны чешуйчатой и ступенчатой ретушью. В Приднестровье было известно также более 20 наконечников с двусторонней обработкой, преимущественно овальной формы, датировемых поздним палеолитом, но только два из них обнаружены в культурном слое — Молодова V, 10 слой, Вороновица I, нижний слой². Так, они встречены в ряде местонахождений бассейна р. Реут: Багранешты I, Варваровка 7, Бобулешты 6, Капрешты 2, Гура Каменка I и Ченуша 2, относимых Н. А. Кетрару в основном к ранней поре позднего палеолита³. Здесь представлены два типа наконечников: овальные и в особенности треугольные. Овальные наконечники имеют закругленное основание, треугольные — прямое или скошенное; боковые стороны у них прямые, выпуклые или асимметричные. Обе поверхности изделий обработаны чешуйчатой ретушью, реже крупными сколами. Единичны экземпляры с мелкой противолежащей (Варваровка 7) и почти параллельной ретушью по краям (Багранешты I). Основания оформлены двухсторонней (Капрешты 2) и односторонней подтеской (Варваровка 7).

Йоржницко-раковецкие местонахождения локализуются по группам: 1) йоржницкая — 10—12 км северо-восточнее г. Сороки; 2) раковецкая — 12 км юго-восточнее г. Сороки. Наконечники представлены, к со-

¹ Н. К. Анисюткин. Мустьерская стоянка Стинка на Среднем Днестре. «Археологический сборник», 11, 1969, стр. 5—17.

² А. П. Черныш. Новые позднепалеолитические местонахождения на Днестре. «Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода», № 27. М., 1962, стр. 143—146; он же. Палеолит Среднего Приднестровья. «Труды комиссии по изучению четвертичного периода», т. 15. М., 1959, стр. 44, рис. 17, 13, стр. 70, рис. 33, 20.

³ Н. А. Кетрару. Палеолитические и мезолитические местонахождения бассейна р. Реут. «Антропоген Молдавии». Кишинев, 1969, стр. 24—88.

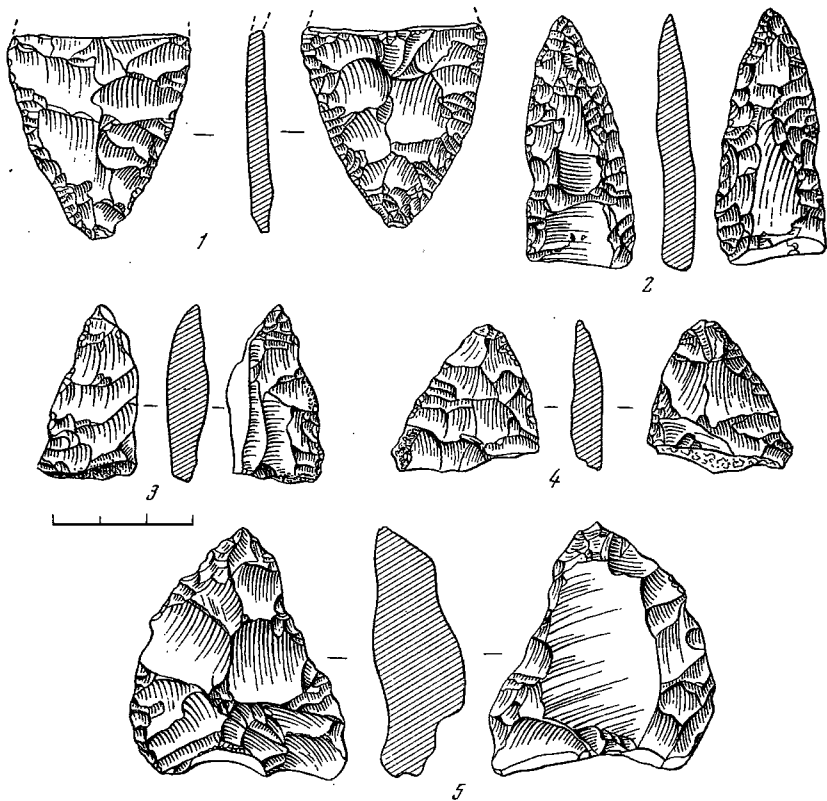


Рис. 22. Позднепалеолитические наконечники

1 — наконечник из Йоржницы; 2 — наконечник из Раковца 9; 3, 4 — наконечники из Голошницы; 5 — заготовка из Голошницы

жалению, лишь фрагментами. Они изготовлены из черного мелового (Голошница) или беловато-сероватого кремня (Йоржница, Раковец 9) и слегка патинизированы.

В Голошнице имеются два фрагмента наконечников. От одного из них сохранилась часть основания и боковой стороны (рис. 22, 3). Обе поверхности его оформлены почти параллельными сколами и ретушью. Боковой край прямой, острый. Прямое основание обработано с одной стороны подтеской, с другой — поперечным сколом, сохранился небольшой участок, покрытый коркой. Наконечник имел, по-видимому, треугольную форму и линзовидное сечение. Размеры его сохранившейся части: $3,9 \times 1,9 \times 0,8$ см. Второй наконечник, представленный верхней частью (рис. 22, 4), линзовидный в сечении, обработан с двух сторон плоской ретушью. Конец его у самого острия оформлен мелкими фасетками; края острые, слегка выпуклые. Размеры сохранившейся части: $3,3 \times 3 \times 0,8$ см. Оба наконечника из Голошницы массивнее и грубее обработаны, чем изделия из Йоржницы и Раковца 9. По характеру оформления они ближе стоят к наконечникам из Бобулешт 6⁴ и Капрешт 2⁵. Кроме фрагментов наконечников, в Голошнице имеется нож с двусторонней обработкой по боковому краю и основанию; заготовка треугольной формы (рис. 22, 5), с одним прямым, другим выпуклым краями, односторонне выпуклая в сечении, массивная в средней части.

⁴ Н. А. Керрару. Указ. соч., стр. 57, табл. 16, 12.

⁵ Там же, стр. 61, табл. 28, 3.

Одна поверхность заготовки оформлена крупными сколами, нанесенными от краев к центру, другая уплощена посередине сколом, а по краям мелкой ретушью. Основание не обработано. Размеры заготовки: $5,5 \times 4,2 \times 1,5$ см. Две другие заготовки характеризуют начальную стадию обработки орудий, плоской ретушью у них оформлены поверхности только на отдельных участках. Встречено также одно сломанное орудие, у которого край на месте слома частично ретуширован. Поверхности его обработаны уплощающей ретушью.

Наконечник из Раковца 9 (рис. 22, 2) имеет удлиненную листовидную форму, линзовидное сечение; конец его заострен, основание сломано. Первоначально поверхность наконечника была оформлена крупными тонкими продольными и поперечными сколами, негативы от которых сохранились на обеих сторонах изделия. Затем края были подправлены плоской, почти параллельной ретушью. Боковые края слегка выпуклые, острые. На боковой стороне, почти посередине имеется небольшая выемка. Размеры сохранившейся части: $5,6 \times 2,2 \times 0,6$ см.

Самым совершенным изделием является наконечник из Йоржницы, широкой листовидной формы, линзовидный в сечении (рис. 22, 1). Сохранившееся основание наконечника уплощено с боковых краев, а самый кончик оставлен без обработки. Обе поверхности его тщательно оформлены плоской ретушью, более мелкой у краев. Боковые стороны острые, выпуклые. Размеры сохранившейся части: $4,4 \times 3,9 \times 0,4$ см.

Таким образом, исходя из формы и характера обработки, можно заключить, что в Йоржнице, Голошнице и Раковце 9 представлены три типа наконечников: треугольный с прямым основанием (Голошница), листовидный широкий (Йоржница, Голошница), листовидный узкий (Раковец 9). Все эти памятники с наконечниками находятся на среднем Днестре в пределах одного района. Йоржница и Голошница, близкие по технике обработки и формам орудий, расположены на одной террасе, недалеко друг от друга. Раковец 9 удален от них на 20—24 км. Инвентарь Йоржницы и Голошницы включает следующие группы орудий: концевые скребки, резцы с преобладанием боковых и на углу сломанной пластинки, выемчатые орудия и ретушированные пластинки. В Йоржнице имеются, кроме того, орудия и нуклеусы, выделяющие этот памятник из остальных; к ним относится серия острий со встречной ретушью по краю, орудия с «носиком», единичные микропластинки с притупленным краем, скребло из массивного отщепы, пластинки с ретушью-подтеской с брющка, нуклеусы с боковым сколом типа «рабо» (хорошо представленные в нижнем слое Стинки в качестве нуклевидных скребков), напоминающие по форме клиновидные. В йоржницкой и раковецкой группах встречаются орудия и отщепы с тщательно ретушированными ударными площадками — технический прием, известный на памятниках более ранних эпох.

Из мустьерских и позднепалеолитических стоянок и местонахождений Среднего Приднестровья сейчас известно уже более 40 наконечников. Ряд памятников с наконечниками — Стинка, Молодова V (10 слой), Вороновица I (нижний слой) — датирован геологически. Однако большинство имеющихся наконечников Среднего Приднестровья являются подъемным материалом.

Несмотря на разнообразие форм, можно, в известной мере, проследить постепенное совершенствование техники обработки наконечников. В Стинке преобладают еще массивные листовидные острия, чаще односторонне выпуклые и реже линзовидные в сечении, с закругленным основанием, обе поверхности у них обработаны чешуйчатой и ступенчатой ретушью. Изделия, оформленные плоскими параллельными фасетками, отсутствуют⁶. В позднем палеолите преобладают уже относительно тон-

⁶ Н. К. Анисюткин, Указ. соч., стр. 13.

кие листовидные наконечники, линзовидные в сечении, наряду с закругленными основаниями встречаются обоюдоострые экземпляры, поверхность которых обработана плоской чешуйчатой, а края мелкой ретушью, боковые стороны их острые.

Памятники с наконечниками в Среднем Приднестровье относятся к разным эпохам и разным культурам. Есть основания предполагать, что наконечники имеют местное происхождение и дальнейшее развитие их в позднем палеолите продолжалось на местной основе. Доказательством этого могут служить материалы стоянки Стинка и инвентарь йоржницкой группы местонахождений, где прослеживается много черт сходства в технике обработки, постепенном изменении отдельных форм орудий и нуклеусов. Это можно проследить, например, на орудиях с «носиком», где одинаков принцип выделения рабочего края, на концевых скребках в оформлении рабочего лезвия, на нуклеусах и нуклевидных скребках. В Стинке имеется серия нуклевидных скребков с боковым сколом, в Йоржнице найдено четыре нуклеуса с боковым сколом и краем ударной площадки, напоминающей по оформлению рабочие края стинковских скребков; в первом случае это орудия, во втором — нуклеусы для получения мелких отщепов и пластинок. Установление черт сходства между изделиями Стинки и йоржницкой группы памятников важно для определения культурной принадлежности этих разновременных поселений.

Поражает малочисленность наконечников на позднепалеолитических памятниках Приднестровья; это можно объяснить недостаточной исследованностью местонахождений или уменьшением изготовления наконечников в связи с появлением заменителей, требующих меньших затрат на свое оформление. О том, что наконечники не были случайными формами на поселениях, подтверждает наличие орудий и заготовок с двусторонней обработкой.

При дальнейших исследованиях, возможно, будут найдены новые стратифицированные памятники с наконечниками, которые позволят систематизировать эти интересные и разнообразные изделия.

З. А. АБРАМОВА

НОВЫЙ ТИП ОРУДИЙ В ПАЛЕОЛИТЕ ЕНИСЕЯ

Одной из характерных черт каменного инвентаря палеолитической стоянки Кокорево I на Енисее является наличие крупных галечных призматических нуклеусов со следами сколов пластин и пластинчатых отщепов. Среди них особо выделяется группа сработанных нуклеусов с одним или двумя ретушированными краями, превращающими их в скребла и рубящие орудия.

Типичным является скребло из остаточного крупного нуклеуса, изготовленного из гальки грубой зелено-каменной породы. Уплощенная сторона его сохраняет галечную корку; на противоположной, выпуклой стороне видны следы сколов длинных пластин. Продольный край овальной формы создан широкими поперечными сколами и обработан ретушью. Следы ретуши видны и на конце, противоположном скошенной узкой ударной площадке. Размеры скребла $13,6 \times 6,7 \times 3,1$ см (рис. 23, 2).

Второе орудие изготовлено из остаточного нуклеуса грубой темно-серой кремнистой породы. Одна из сторон сохраняет галечную корку и имеет сильно скошенную хорошо выраженную ударную площадку. На противоположной стороне следы сколов из-за структуры камня невыразительны. Два сходящихся под прямым углом края обработаны ретушью, из них продольный — в виде скребла, поперечный — слегка вогнутый, в виде тесла. Размеры: $11,9 \times 7,6 \times 3,1$ см (рис. 23, 3).

Эти два орудия найдены во 2-ом слое стоянки Кокорево I. С ними сходно орудие с двумя прилежащими рабочими краями из стоянки Новоселово VI. Оно изготовлено из нуклеуса темно-серого кремнистого сланца с одной ударной площадкой. Продольное и поперечное лезвия — прямые, расположенные под острым углом друг к другу. Размеры: $11,4 \times 6,6 \times 3,3$ см (рис. 23, 1).

Имеются еще 2 орудия, изготовленные из остаточных двухплощадочных нуклеусов с одним продольным рабочим краем. Одно орудие из нуклеуса серой кремнистой породы найдено во 2-ом слое Кокорево I. Плоская галечная сторона его подправлена с двух концов сколами, образующими скошенные ударные площадки. Противоположная сторона сохраняет следы снятых удлиненных пластин, идущие в двух противоположных направлениях. Один из продольных краев обработан ретушью и представляет прямое лезвие. Размеры: $10,7 \times 5,9 \times 2,7$ см (рис. 23, 4). Второе аналогичное по форме и даже размерам скребло из двухплощадочного нуклеуса зеленого кремнистого сланца найдено на стоянке Новоселово VII.

Отличается от них орудие, найденное во 2-ом слое стоянки Кокорево I, изготовленное из нуклеуса укороченных пропорций темно-зеленой грубой кремнистой породы. Широкая ударная площадка его скошена,

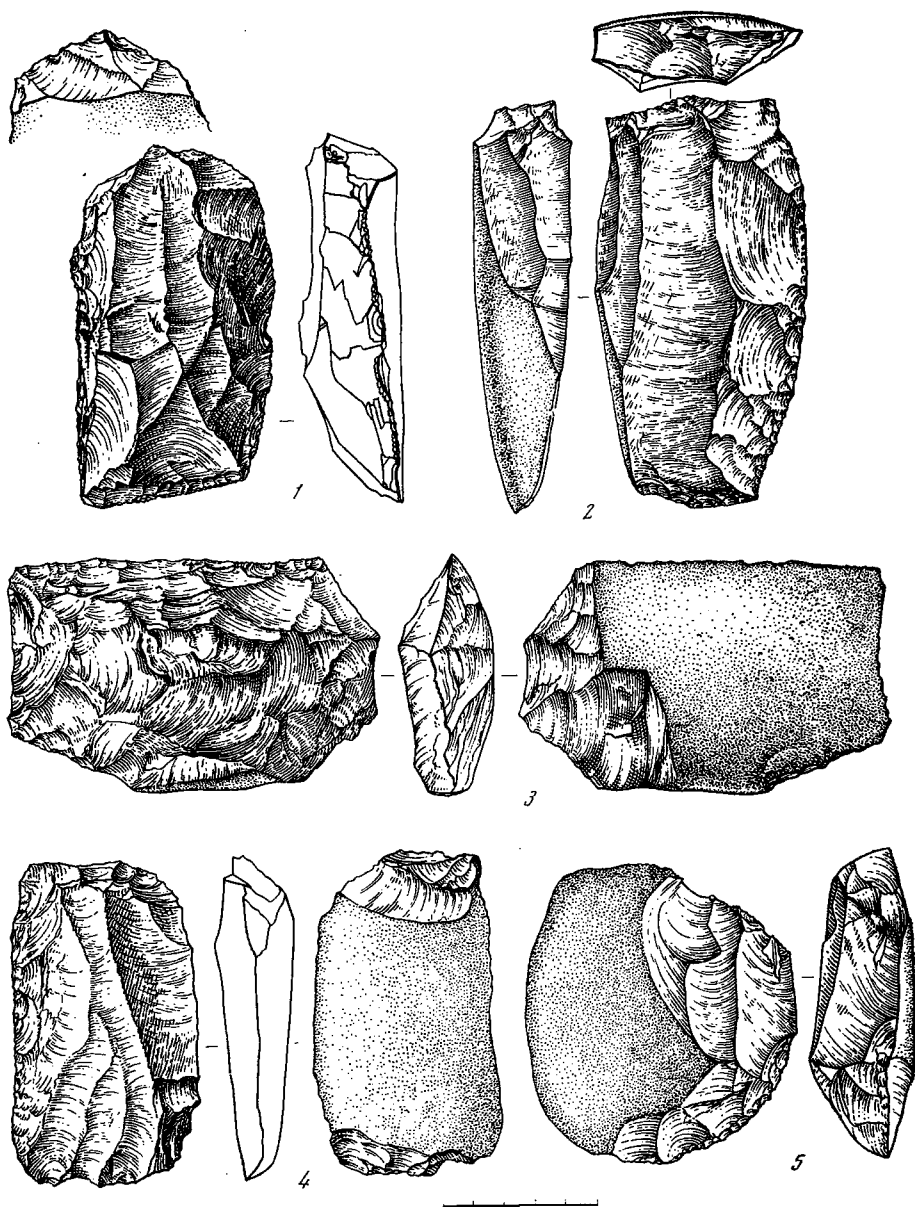


Рис. 23. Нуклеусы-орудия

1 — Новоселово VI; 2 5 — Кокорево I

рабочий край располагается на противоположном конце и имеет вид дугообразного слегка вогнутого лезвия. Размеры: $6,8 \times 8,8 \times 3,2$ см.

В 3-ем слое той же стоянки найдены два менее отчетливо выраженных нуклеуса (скорее их заготовки) с подготовленной ударной площадкой и овальным рабочим краем, обработанным поперечными сколами и подправленным ретушью.

На стоянке Кокорево I найдены еще 4 нуклеуса, превращенных в орудия (одно из 2-го слоя и три из 3-го), которые отличаются по форме от вышеописанных и вместе с тем имеют значительное сходство между собой. Одно из них представляет рубящее орудие, изготовленное из массивного двухплощадочного нуклеуса темно-синего кремнистого сланца. Двусторон-

необработанный неровный рабочий край его сильно забит. Размеры: $14,3 \times 10,2 \times 6,7$ см.

Три других экземпляра, меньших размеров, имеют скребловидный, но также сильно сработанный рабочий край. Одно орудие изготовлено из нуклеуса зеленого кремнистого сланца с двумя перпендикулярно расположенными ударными площадками. Плоская сторона сохраняет галечную корку; противоположная — сильно выпуклая — имеет следы многочисленных сколов. Боковой овальный край, подправленный ретушью, имеет следы сильной сработанности, заметные и на галечной поверхности. Размеры: $10,3 \times 7,6 \times 4,4$ см.

Второе орудие изготовлено из нуклеуса в начальной степени использования, основой для которого послужила округлая уплощенная галька зеленого кремнистого сланца. От скошенной ударной площадки произведены немногочисленные сколы. Конец, противоположный ударной площадке, вернее его часть, прилежащая к боковому краю, обработана в виде овального лезвия, подправленного широкими сколами и с другой стороны. Размеры: $9,7 \times 8,9 \times 3,1$ см (рис. 23, 5).

Третье орудие — из крупной гальки зеленого кремнистого сланца треугольной формы, одна сторона которой уплощена сколами, идущими в одном направлении, без подготовленной ударной площадки. На суженном конце неширокое округлое, слегка скошенное лезвие обработано ретушью. Размеры: $11,2 \times 10,6 \times 5,8$ см.

Таким образом, большая часть орудий, изготовленных из нуклеусов как сработанных, так и только начатых обработкой, представляет собой скребла и лишь немногие из них дополняются рубящим тесловидным или топоровидным лезвием. Типология скребел не только Енисея, но и всего верхнего палеолита Сибири требует еще разработки. В ней скребла, изготовленные из нуклеусов, должны составлять особый подтип.

Немногочисленные тесла, происходящие из старых раскопок палеолитических стоянок Енисея, описаны С. Н. Астаховым, широко осветившим вопрос о топорах и теслах в позднем палеолите. Не обнаружив четко выраженных топоров среди рассмотренных им орудий, С. Н. Астахов высказал предположение, что тесла возникли раньше топоров и в дальнейшем из одного вида тесел мог появиться топор¹.

В связи с этим наибольший интерес среди рассмотренных материалов из новых раскопок вызывают орудия с двумя прилежащими рабочими краями, один из которых является скреблом, второй — теслом или топором. Оригинальное орудие, обладающее этими признаками, найдено в 1961 г. в 3-ем слое стоянки Кокорево I. При классификации по форме продольного рабочего края это орудие попало в скребла, но после внимательного его осмотра П. П. Ефименко высказал твердую уверенность, что это топор.

В свете новой серии орудий определение П. П. Ефименко кажется правильным, хотя это изделие изготовлено в другой технике — из массивного поперечного отщепы с остатками ровной ударной площадки, расположенной под тупым углом к плоскости откола. На выпуклой спинке следы многочисленных сколов нанесены почти по всему периметру, причем ближе к обушку сохранился участок галечной корки. Один из продольных краев правильной овальной формы тщательно обработан в виде типичного лезвия скребла. Второй продольный край, на котором сохранились остатки ударной площадки, обработан ретушью лишь близ конца, противоположного обушку. Конец этот прирострен сколами с двух сторон, как лезвие топора. Орудие изготовлено из черного лидита. Размеры его: $13,2 \times 5,9 \times 3,5$ см (рис. 24, 2). Это орудие напоминает тесла первого типа из описанных С. Н. Астаховым², но отличается от

¹ С. Н. Астахов. Тесла в позднем палеолите Енисея. КСИА, вып. 111, 1967.

² Там же, стр. 20—21.

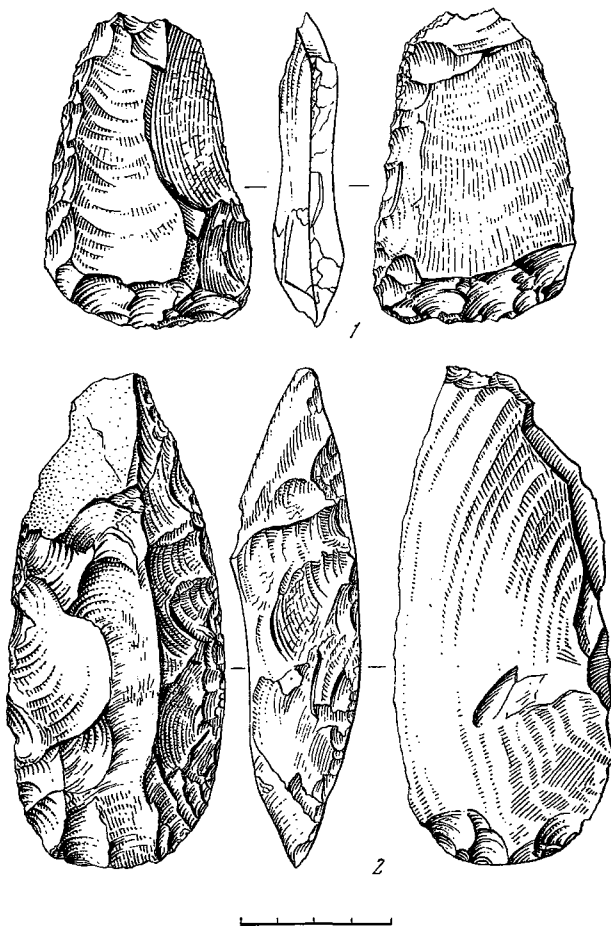


Рис. 24. Топоры
1—2 — Кокорево I

них наличием не прямого или слабо вогнутого, а выпуклого симметричного лезвия, столь характерного для топоров.

О том, что на поселении Кокорево I существовали топоры, свидетельствуют не только галечные орудия типа чопперов со следами рубки — затесывания (определение В. Е. Щелинского при консультации С. А. Семенова), но и находка во 2-ом слое настоящего топорика из крупного отщепа темно-зеленого кремнистого сланца, на спинке которого сохранились следы предварительных сколов длинных пластин на нуклеусе. Орудие имеет неправильно четырехугольную форму, один из концов его, более узкий, играл роль обушка, противоположный (расширенный и слегка закругленный) конец обработан с двух сторон в виде острого лезвия; один из продольных краев ретуширован с наружной стороны, второй — с внутренней. Размеры: $8,3 \times 5,4 \times 1,8$ см (рис. 24, 1).

Таким образом, если чопперы встречаются и в афонтовской, и в кокоревской культурах примерно в равных количествах, так же как и орудия, которые могут считаться теслами, то в отношении топоров дело обстоит сложнее.

Третий тип тесел, по С. Н. Астахову³, с выпуклым лезвием и сплошной двусторонней обработкой имеет очень выработанную форму. Орудие,

³ Там же, стр. 23.

на основании которого выделен этот тип, происходит, как отмечает С. Н. Астахов, из старого подъемного материала с Афонтовой Горы. Форма и следы пришлифовки близ лезвия несколько отличают его от двух других орудий этого типа, найденных в нижнем слое Афонтовой Горы II, и могут свидетельствовать о его более позднем возрасте (верхний горизонт Афонтовой Горы II?).

В свою очередь, эти два орудия по всем признакам (форме, симметричности продольного сечения, обработке лезвия) значительно ближе к топорам, чем к теслам. При сравнении их с топорами из Кокорево I видны существенные различия между двумя группами, что еще раз подчеркивает отличие каменного инвентаря афонтовской и кокоревской культур, подтверждаемое наличием в последней своеобразных орудий, изготовленных из нуклеусов, совершенно не встречающихся в памятниках афонтовской культуры.

Интересно отметить, что и топоры и орудия из нуклеусов обнаружены только в самых верхних (2-ом и 3-ем) слоях стоянки Кокорево I.⁴ Два орудия из нуклеусов встречены на стоянках Новоселово VI и VII, по инвентарю в целом совершенно сходных с Кокорево I, но по геологическим данным относящихся к более позднему времени. Одно грубое топоровидное орудие найдено на стоянке Аешка I, которая по всем признакам замыкает развитие кокоревской культуры. Таким образом, очевидно, что топоры и скребловидно-рубящие орудия из нуклеусов появились только в конце ее.

В связи с этим можно сделать еще один вывод, что многофункциональность одного орудия может свидетельствовать не о раннем этапе в развитии этого типа орудий, а о высокой степени овладения техникой, позволяющей использовать одно изделие в различных целях без большой затраты труда при его подготовке.

⁴ Напомним, что 1-ый слой Кокорево I содержал незначительное количество изделий.

Л. В. КОЛЬЦОВ

МЕЗОЛИТИЧЕСКИЙ СЛОЙ СТОЯНКИ АЛТЫНОВО

Мезолит до сих пор остается одной из наименее изученных эпох каменного века. Поэтому введение в научный оборот каждого нового мезолитического памятника представляется очень важным. Одним из них является верхний слой стоянки Алтыново. Стоянка находится на левом берегу Волги, в 1 км к северо-востоку от совхоза Алтыново Угличского района Ярославской обл., на краю второй надпойменной террасы Волги высотой 8 м над современным уровнем воды (уровень в связи с постройкой Рыбинской ГЭС поднялся на 10 м). Здесь в долину Волги спускается древний овраг; на мысу между оврагом и Волгой и расположено поселение. Обычно мезолитические стоянки в Верхнем Поволжье располагаются на первой надпойменной террасе, Алтыновская же стоянка лежит на второй надпойме; причиной этого, вероятно, является очень удобное расположение площадки.

Стоянка была открыта нами вместе с геоморфологом А. А. Величко в октябре 1962 г. Затем во время полевых сезонов 1963—1964 гг. отряд Верхневолжской экспедиции ИА АН СССР под руководством автора произвел ее раскопки (в работах принимали участие студенты Ярославского пединститута). За два полевых сезона верхний слой стоянки вскрыт на площади 80 м². Находки встречались в культурном слое довольно равномерно по всей площади раскопа; никаких бытовых деталей (остатков жилищ, очагов, хозяйственных ям) проследить не удалось.

Стратиграфия памятника была следующей: под тонким современным почвенным слоем (мощностью 0,10 м) лежит прослойка сероватой супеси (мощностью 0,30 м); с глубины 0,40 м начинается очень вязкий красноватый суглинок, в нижней части которого, на глубине 1,70—2 м, залегает позднепалеолитический слой (на нем в данной статье останавливаться не будем).

Верхний мезолитический слой залегает на глубине 0,30—0,40 м, в нижней части сероватой супеси; отдельные вещи, видимо, еще в древности попали (были затоптаны?) и в подстилающий красный суглинок. Между палеолитическим и мезолитическим слоями стерильный суглинок достигает мощности 1,25—1,60 м.

В мезолитическом слое Алтынова найдено 27 орудий из кремня, 6 нуклеусов, 122 ножевидные пластинки, 202 отщепа, 146 осколков кремня, а также костяная поделка и резцы бобра (по определению В. И. Цалкина). Материалом для изготовления каменных орудий послужил местный валунный кремень разных цветов и разного качества. Найденные нуклеусы служили для скалывания ножевидных пластин (5 экз., рис. 25, 23, 25) и отщепов (рис. 25, 24). 4 нуклеуса можно считать призматическими, один — конический, один — уплощенно-призматический. Площадки их слегка скошены, подправлены ретушью.

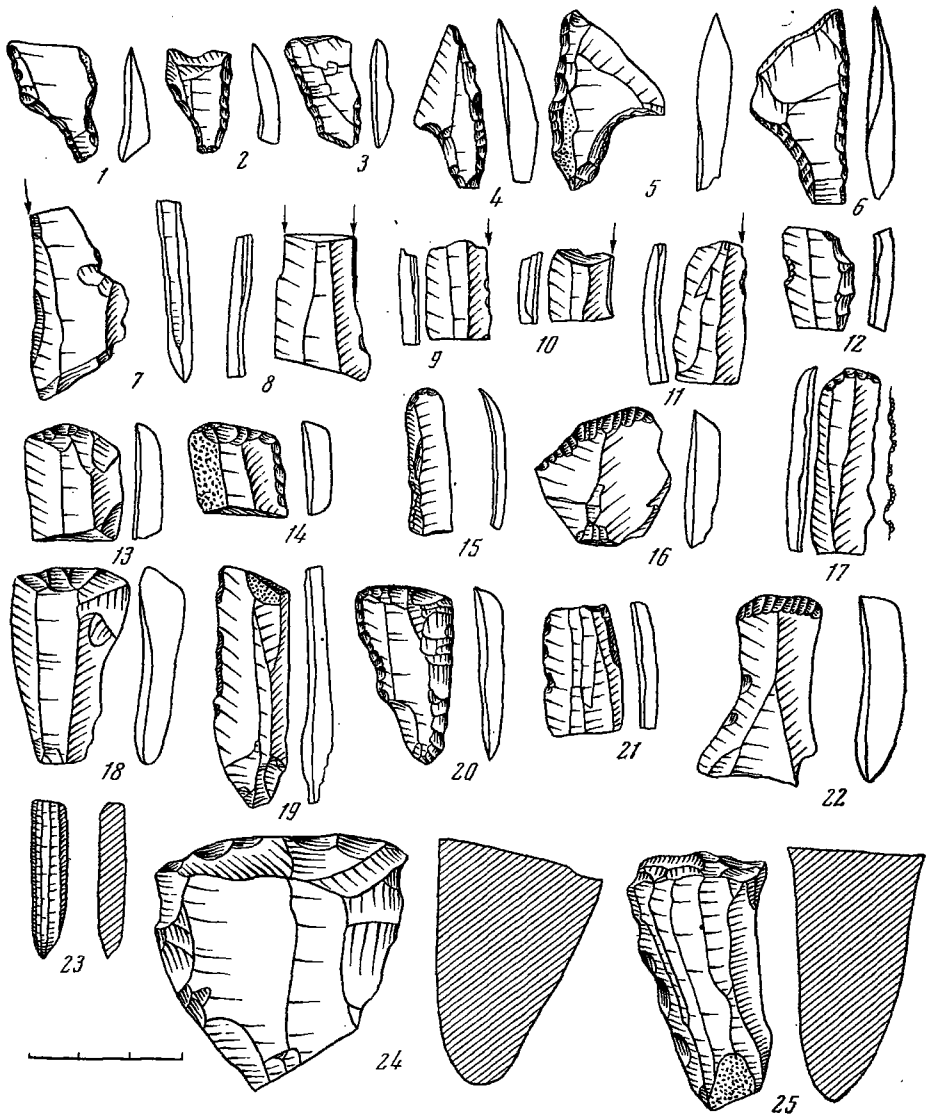


Рис. 25. Каменный инвентарь верхнего слоя стоянки Алтыново

1-4 — наконечники стрел; 5-6 — вкладыши; 7-11 — резцы; 12, 21 — скобели; 13-18, 20, 22 — скребки; 19 — пластинка с закругленным краем; 23-25 — нуклеусы

Все скребки (8 экз.) — концевые (рис. 25, 13-18, 20, 22). 7 из них изготовлены на ножевидных пластинах или их обломках, один — из отщепа. Рабочие края скребков выпуклые (у 3 экз.) или почти прямые (4 экз.). У скребка на отщепе рабочий край скошенный. Они обработаны крутой довольно крупной (у 4 экз.) или мелкой ретушью. У одного из скребков на обломке ножевидной пластины (рис. 25, 14) один из боковых краев обработан крутой ретушью; у второго скребка (рис. 25, 20) один край затуплен крутой ретушью, второй — обработан пологой отжимной. Два скребка служили, вероятно, и скобелями: их боковые края несут небольшие выемки, обработанные мелкой ретушью (рис. 25, 17, 22).

Резцы (5 экз.) изготовлены из ножевидных пластин (4) и пластинчатого отщепа (рис. 25, 7-11). Все они угловые; у трех (рис. 25, 8, 9, 11) резцовые сколы короткие и узкие, у остальных — длинные и

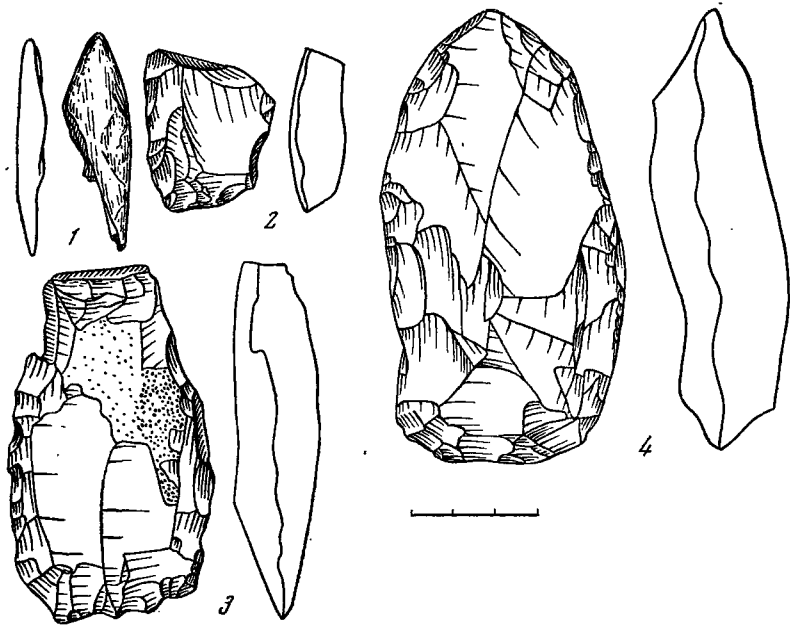


Рис. 26. Каменный и костяной инвентарь
верхнего слоя стоянки Алтыново

1 — костяная поделка; 2, 4 — тесла; 3 — топор

узкие. Один из резцов — двойной на одном конце пластины (рис. 25, 8). Найдено несколько наконечников стрел разного типа; один, сделанный из пластинчатого отщепка (рис. 25, 4), имеет один край, затупленный крутой ретушью, на втором — обработанным такой же ретушью — выемка. К этой же категории орудий относятся 4 наконечника стрел с поперечным лезвием на пластинчатых отщепках (рис. 25, 1—3). Три из них — симметричной формы с затупленными крутой ретушью краями, четвертый — асимметричный и тоже круто ретуширован по краям. В комплексе верхнего слоя стоянки Алтыново встречены два орудия на широких отщепках с одним (прямым) краем, затупленным крутой ретушью, и с выемкой на другом краю, оформленной такой же ретушью (рис. 25, 5, 6). По определению С. А. Семенова, такие орудия могли служить только вкладышами. Похожие на них формы встречены в материале позднемезолитической стоянки Песочный Ров на Десне¹ и в литовских стоянках². Кроме указанных орудий, найдена пластинка с частичной крутой ретушью по краю и два скребла на пластинках (рис. 25, 12, 21).

Особую группу составляют рубящие орудия: топор (рис. 26, 3) и два тесла (рис. 26, 2, 4), обработанные макролитической техникой по обеим сторонам. В этом же слое встречена костяная поделка — довольно плоский, удлиненный, заостренный на одном конце предмет, назначение которого не вполне ясно (может быть, наконечник стрелы? рис. 26, 1).

Итак, перед нами достаточно разнообразный комплекс кремневых орудий. Его характерными чертами являются: наконечники стрел на отщепках, а не на ножевидных пластинах, наличие наконечников с поперечным лезвием, особых вкладышей (которые мы условно называем «вкладышами алтыновского типа»), незначительное количество ножевидных пластин, используемых в качестве заготовок, сокращение количества и

¹ М. В. Воеводский и А. А. Формозов. Стоянка Песочный Ров на реке Десне. КСИИМК, вып. XXXV, 1959, стр. 48—49.

² R. K. Jablonskyte. Mezolitine stovykla Puvociuose. Kaunas, 1941, стр. 26, рис. 12, 1.

ухудшение качества резцов, минимальная доля и ограниченность форм комбинированных орудий, разнообразие и довольно высокая техника обработки рубящих орудий. Все эти признаки позволяют отнести верхний слой Алтыново к позднему мезолиту. О такой дате могут косвенно свидетельствовать и остатки лесной фауны (бобр). Разнообразие форм наконечников стрел указывает на значительную дифференциацию охоты в поздне мезолите. В самом деле, общеизвестно, что наконечники стрел с поперечным лезвием употреблялись для охоты на пушных животных. В то же время вкладыши алтыновского типа могли быть вложены только в очень толстый стержень и, следовательно, являются остатком какого-то очень массивного охотничьего оружия, применявшегося, вероятно, для охоты на крупных животных.

Верхний слой стоянки Алтыново — не единственный памятник такого типа. В последнее время в Верхнем Поволжье Верхневолжская экспедиция открыла и раскопала еще ряд стоянок, давших, наряду с многочисленными скребками, резцами, наконечниками стрел на пластинах, наконечники с поперечным лезвием, вкладыши алтыновского типа, разнообразные рубящие формы.

Таковы стоянки Черная Грязь I³, Дмитровская I⁴, ряд стоянок у Старой Константиновки в окрестностях Калинина, Журавец I у Старицы и другие. Мезолитический слой стоянки Дмитровское I датируется по пыльцевому анализу атлантическим периодом, что тоже говорит о поздне мезолитическом возрасте вышеназванных стоянок.

Наконечники стрел с поперечным лезвием и вкладыши алтыновского типа — новые формы для мезолита Верхнего Поволжья. Сейчас трудно решить вопрос об их появлении здесь. Возможно, возникновение этих форм в данном районе было явлением стадияльного порядка, так как они обычно характерны только для поздне мезолитических комплексов, однако нельзя отбрасывать и другую возможность — заимствование их у соседних мезолитических племен.

³ Д. А. Крайнов. Результаты работ Верхневолжской экспедиции. АО 1968 г. М., 1969, стр. 28—29.

⁴ Л. В. Кольцов. Работы в Калининской области. АО 1968 г. М., 1969, стр. 29—30.

Д. А. КРАЙНОВ

НОВАЯ МЕЗОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА ЧЕРНАЯ ГРЯЗЬ I

Верхневолжской экспедицией ИА АН СССР за последние годы были открыты и исследованы на территории Верхнего Поволжья новые мезолитические поселения, довольно резко отличающиеся от ранее известных стоянок типа Скнятинской¹: Золоторучье I², Золоторучье III³, стоянка у ручья Богоявление⁴, Алтыново — верхний слой⁵, Бутово⁶, Дмитровское I⁷, Черная Грязь I, III⁸ и др. Все они расположены по берегам р. Волги в Ярославской и Калининской обл.

Одной из вновь открытых стоянок является поселение в урочище «Черная Грязь», где отмечены три пункта находок — Черная Грязь I, II, III, расположенные недалеко друг от друга. В данной работе мы в основном остановимся на поселении Черная Грязь I, так как стоянки Черная Грязь II и III, расположенные рядом на разных берегах речки (рис. 27), исследованы пока лишь частично.

Стоянка Черная Грязь находится между с. Отмич и с. Дмитровское Калининского района и области на левом берегу речки «Черная Грязь» при ее выходе в долину р. Волги (рис. 27). Речка, берущая начало в Ширяевском болоте, течет по заторфованной пойме, ширина которой около 50 м, и впадает в Волгу в 0,5 км от стоянки. Возможно, поворот речки около места расположения стоянки и расширение ее поймы указывают на то, что здесь раньше было ее устье. Ширяевское же болото в то время было озером. Берега речки песчаные и вся местность между с. Отмич и с. Дмитровское представляет собой дюнные песчаные всхолмления, поросшие сосновым лесом.

Стоянка лежит на высоте 5—8 м и тянется вдоль берега речки, около ее поворота, примерно на 300 м, а вглубь от берега — на 50—100 м. Отдельные кремни встречаются и за этими пределами, но чем дальше от берега, тем их становится меньше. Руководствуясь находками кремней в выдувах и по краям окопов, оставшихся после войны, вдоль берега

¹ П. Н. Грегьяков. Эпипалеолитические поселения Скнятинских дюн. МИА, № 13, 1950.

² Д. А. Крайнов. Дюнная стоянка Золоторучье I. КСИИМК, вып. 75, 1959.

³ Д. А. Крайнов. Некоторые спорные вопросы древнейшей истории Волго-Окского междуречья. КСИА, вып. 97, 1964.

⁴ Д. А. Крайнов. Отчеты Верхневолжской экспедиции ИА АН СССР за 1959—1962 гг. Архив ИА АН СССР, ф. Р-1, д. 2008, 2215, 2335, 2522.

⁵ Л. В. Кольцов. Некоторые итоги изучения мезолита Волго-Окского междуречья. СА, 1965, № 4.

⁶ Л. В. Кольцов. Бутовская мезолитическая стоянка. КСИА, вып. 101, 1964.

⁷ Л. В. Кольцов. Отчет разведочного отряда Верхневолжской экспедиции за 1968 год. Архив ИА АН СССР, ф. Р-1, д. 3706.

⁸ Отчеты Верхневолжской экспедиции ИА АН СССР за 1968—1969 гг. Архив ИА АН СССР, ф. Р-1, д. 3706, 4008.

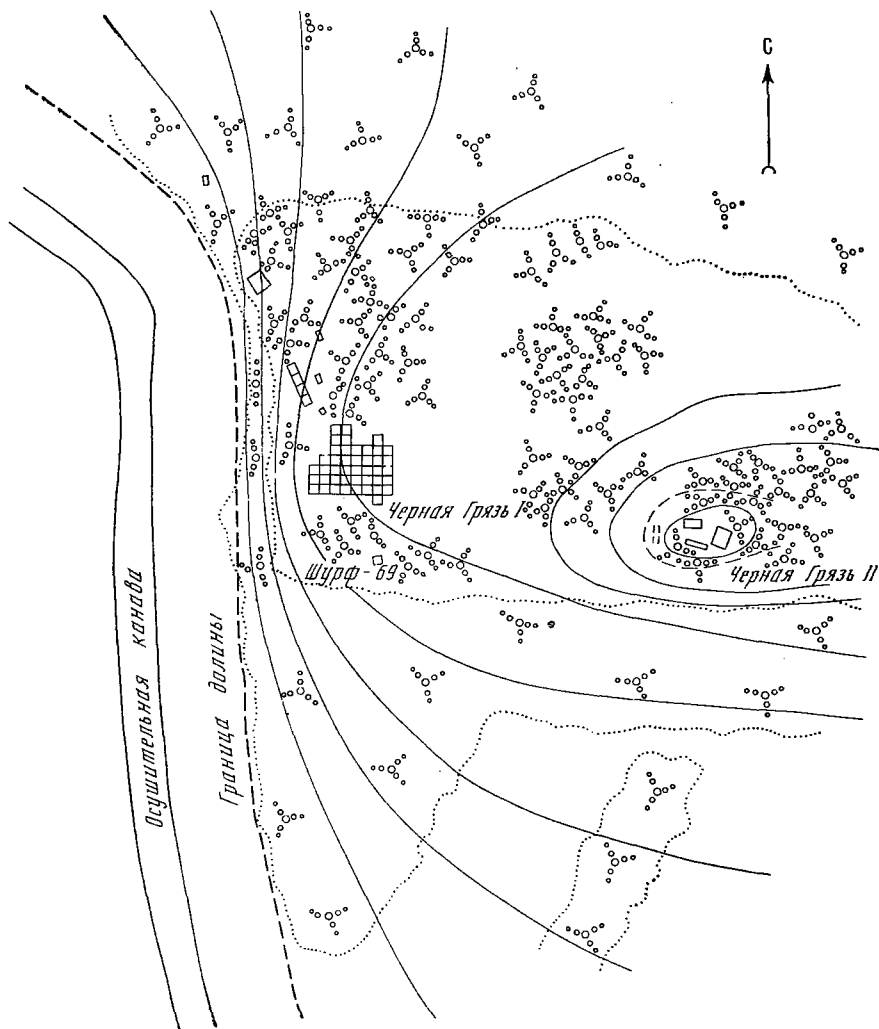


Рис. 27. План стоянки Черная Грязь I

были заложены шурфы и затем раскоп I (рис. 27). За два года работ была вскрыта площадь около 200 кв. м. На ней прослежена следующая стратиграфия: 1) дерн — 5 см; 2) сероватая почва — 10 см; 3) рыжеватый песок — 20—30 см; 4) более плотный серый песок до глубины 60—70 см; 5) песок с оршштейнами.

Но такая стратиграфия наблюдалась не везде. В квадратах, расположенных ближе к берегу, под слоем серого песка шли прослойки глинистой супеси с окатанной галькой. Здесь же встречались отдельные валуны и включения глины. Возможно, их следует рассматривать как остатки разрушенной морены.

Культурный слой располагается в слое рыжевато-рыхлого песка, залегающего под сероватой почвой. В рыжевато-культурном слое замечены отдельные темные пятна и угольки, вероятно, следы разрушенных костров и разложившихся органических остатков. Находки кремневых орудий и отщепов встречались и сразу же под дерном, но основная их масса залегает на глубине 30—50 см. Отдельные кремни встречаются до глубины 60—70 см. Разделить культурный слой на горизонты не представляется возможным. Вероятно, находки кремней под дерном следует

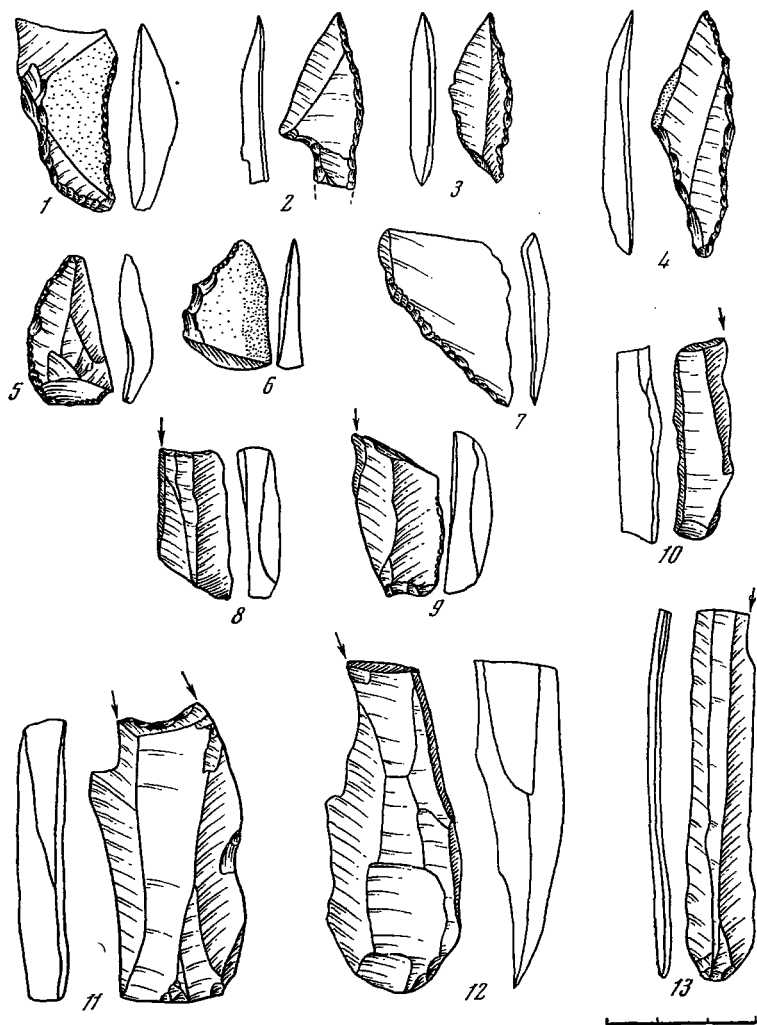


Рис. 28. Стоянка Черная Грязь I. Наконечники стрел и резцы
1—4 — наконечники стрел; 5, 6 — полусегменты-острия; 7 — острие; 8—13 — резцы

объяснить развеиванием песка на дюне. Этот процесс и сейчас происходит здесь на открытых местах. Культурные остатки состоят из кремневых орудий, отщепов, нуклеусов, каменных отбойников и плиток. Они располагались на площади стоянки неравномерно. На раскопанной площади прослежено четыре крупных скопления кремней.

Скопление I (167 предметов) обнаружено в квадратах 22 и 23. В нем, наряду с кремневыми орудиями и отщепами, найдены и крупные кремневые валуны (желваки), а также отбойники и нуклеусы. Рядом со скоплением было замечено темное пятно с угольками, размером 18×22 см, вероятно, являющееся остатками костра.

Скопление II в квадратах 1 и 10 представляет собой небольшую мастерскую. В ней на глубине 15—20 см найдено около 200 предметов. Среди них кремневые желваки, нуклеусы, отбойники, отщепы, осколки и значительное количество орудий: сегментовидный наконечник стрелы, резцы, скребки и другие орудия.

Скопление III — менее компактное, прослежено в квадратах: 11—14, 28 и 29. Здесь наряду с прекрасными орудиями (асимметричный черешковый наконечник стрелы (рис. 28, 1—4), резцы, скребки и пр.), най-

дены отщепы, нуклеусы, а в квадрате 14 — большой кремневый валун, принесенный сюда специально для изготовления орудий.

Скопление IV, обнаруженное в квадратах 28, 29 и 31, 32, интересно тем, что располагалось в ямке размерами 115 × 65 см, на глубине 40 см от современной поверхности (глубина ямки 20 см) в слое темноватого песка. Здесь найдено свыше 1000 кремней. Среди них есть нуклевидные куски, отщепы и очень много мелких осколков и чешуек от 1 до 2 см в диаметре. Таким образом, на стоянке в основном располагались мастерские по обработке кремня. Следует отметить, что большая часть орудий была найдена на периферии — вне мастерских. Много резцов обнаружено около скопления I. Присутствие на стоянке мастерских можно объяснить тем, что поблизости имеются выходы валунного кремня разного цвета, с преобладанием сероватого и лилового тонов. Встречается также кремь желтый, розовый, красноватый, коричневатый, белый и черный. Лучшим качеством отличается кремь лилового и розового оттенков. Очевидно, человек на этой дюне останавливался неоднократно и длительное время, но вряд ли жил здесь постоянно, так как нет следов жилищ.

Кремневый инвентарь отличается сравнительной бедностью форм. Всего орудий и отщепов найдено 2531. Из них: кремневых и каменных орудий 95, ножевидных пластинок и их обломков — 24, пластинчатых отщепов 25, нуклеусов и нуклевидных обломков — 74 и отщепов с осколками разных размеров — 2313 шт. Как видно из названных цифр, доминируют отходы производства и очень мало орудий. Среди них встречаются резцы, скребки, скребковидные орудия, наконечники стрел, ножи, обломки орудий, правильно огранные пластинки и отщепы с ретушью. Все орудия, за единичными исключениями, сделаны на отщепах и осколках, на правильно огранных пластинках — редко. Основную массу их составляют резцы в количестве 41 экземпляра. Все, за исключением одного, они сделаны на углу отщепов и осколков (рис. 28, 8—13), величина их различна. Есть боковые резцы на довольно массивных отщепах, все они однофасеточные. Резцовые сколы различны — короткие, удлиненные, широкие и узкие. Эти резцы обладают еще палеолитическими чертами. Особо следует отметить некоторые формы, близкие к палеолитическим: боковой одноуголчатый резец на нуклевидном отщепе с ретушью по чуть вогнутому концу (рис. 28, 8), резец на массивном четырехгранном отщепе с коротким сколом и ретушью по вогнутому концу (рис. 28, 11) и резец на отщепе, по скошенному краю которого нанесена ретушь. Также следует отметить резец-скребок на узком продолговатом пластинчатом отщепе (рис. 28, 9). Найден единственный резец на углу сломанной длинной пластинки с мелкой ретушью по одному краю ее спинки (рис. 28, 13). Характерно, что в этой стоянке не встречаются микрорезцы (найден только один небольшой резец с миниатюрным сколом на углу отщепа) (рис. 28, 10), что сближает данную стоянку с такими мезолитическими поселениями, как Золоторучье III, Богоявление и др. Присутствует резчик на углу обломанного пластинчатого отщепа, рабочая часть его оформлена не сколом, а тонкой ретушью с брющка около угла. Такие орудия впервые появляются в эпоху мезолита, они выделены нами в особую группу⁹. Подобные орудия, но на пластинках встречены и в других мезолитических стоянках Верхнего Поволжья¹⁰.

Вторую по количеству группу орудий составляют скребки и скребковидные орудия (18 штук). Среди них доминируют скребки на конце

⁹ Д. А. Крайнов. Пещерная стоянка Таш-Ано I как основа для периодизации послепалеолитических культур Крыма, МИА, № 91, 1960, стр. 19, 26, табл. XI, 1—7.

¹⁰ Л. В. Кольцов. Бутовская мезолитическая стоянка, стр. 82, 83; он же. Стоянка Коприно на верхней Волге. «Памятники каменного и бронзового веков Евразии». М., 1964, стр. 14—15.

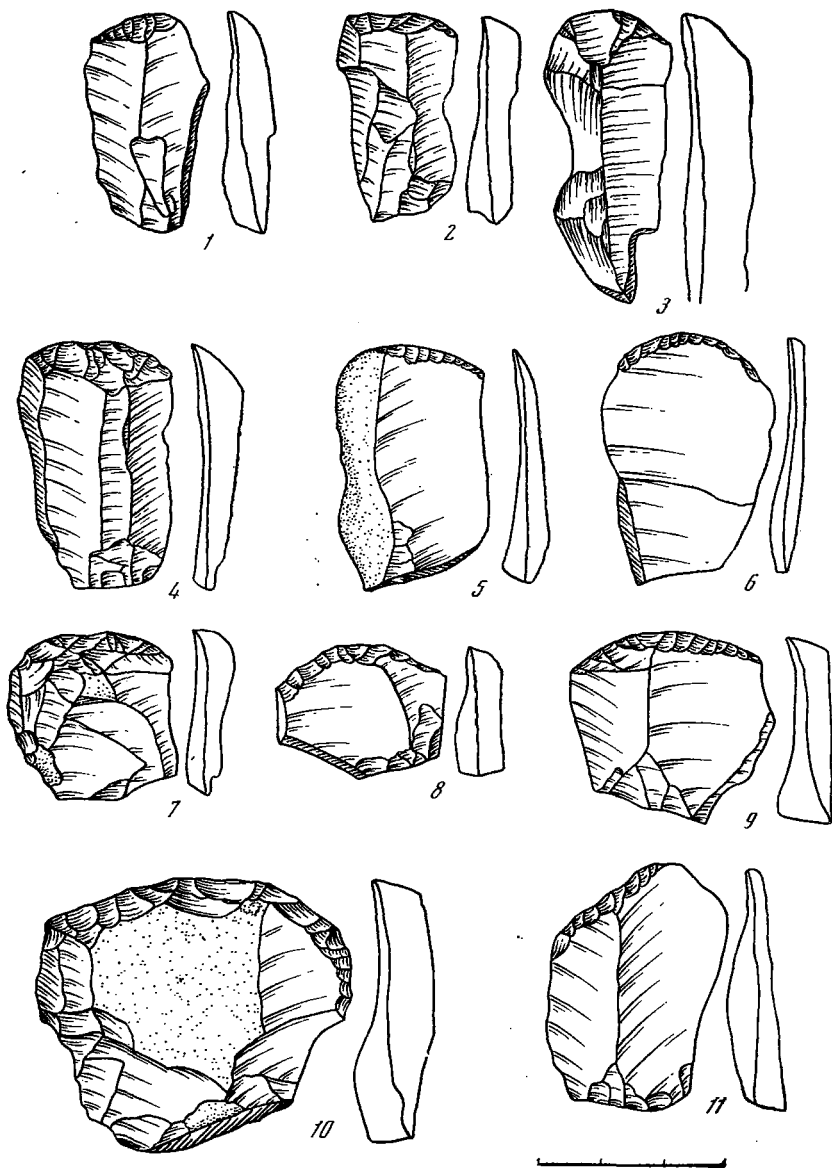


Рис. 29. Стоянка Черная Грязь I. Скребки

1-6 — скребки на пластинчатых отщепках; 7-9 — скребки на укороченных отщепках; 10 — скребок на крупном отщепе; 11 — скребок со скошенным краем

продолговатых пластинчатых отщепов, имеющие полукруглый или прямой рабочий край (рис. 29), а также довольно часты скребки на коротких широких отщепках с округлым рабочим краем (рис. 29, 7—9). Единичны другие формы скребков — на трехгранном продолговатом отщепе с ретушью по скошенному краю (рис. 29, 10), на крупном широком отщепе (рис. 29, 11), скребок на конце длинного нуклевидного отщепка и скребковидные орудия на массивных отщепках с ретушью по одному краю.

Особый интерес представляют четыре наконечника стрел. Все они асимметричны. Один с поперечным лезвием, сделан на подтреугольном отщепе длиной около 4 см; ретушь нанесена по краям со спинки. Один конец лезвия заострен (рис. 28, 1). Подобные формы наконечников стрел

встречены на многих стоянках Верхнего Поволжья, как, например: в Алтыновской¹¹, Богоявленской¹², Дмитровской¹³, Пентуровской¹⁴ и др., а также на деснинских¹⁵, мезолитических стоянках Литвы, Польши и других поселениях Северной Европы. Второй — асимметричный сегментовидный наконечник стрелы на пластинчатом отщепе с ретушью по краям со спинки (рис. 28, 3), третий — асимметричный черешковый на трехгранной пластинке с ретушью на продолговатом треугольном черешке со спинки и по одному краю пера с брюшка (рис. 28, 2), четвертый — асимметричный черешковый наконечник стрелы на трехгранной пластинке с ретушью на черешке и одному краю пера со спинки (рис. 28, 4). Последние два типа наконечников стрел встречаются на стоянках Богоявление¹⁶ и Алтыново¹⁷.

Подобные наконечники стрел (асимметричные черешковые) встречены Н. Н. Гуриной в верховьях Днепра близ д. Аносово¹⁸. Эти находки она датирует финальной порой позднего палеолита или ранним мезолитом. Следует отметить, что и здесь основную массу составляют резцы на сколах и отщепах. Асимметричные наконечники стрел на пластинках встречены также и на окской мезолитической стоянке Гремячее¹⁹, но они несколько отличаются от черногрозских и богоявленских. Асимметричные наконечники стрел встречаются также на деснинских стоянках,²⁰ в Белоруссии²¹, Литве²², Польше²³, в ГДР и ФРГ, в культурах позднего палеолита и мезолита²⁴.

Близко к наконечникам стрел острие на треугольном отщепе (рис. 28, 7). Значительную группу (20 шт.) составляют отщепы и сколы с частичной ретушью и следами вторичной обработки — по одному или двум краям. Очевидно, они служили ножами, скобелями, скребковидными орудиями и пр. Имеется два сегментовидных отщепа с зубцами по полудуге (рис. 28, 6) и с ретушью по полудуге и широкому краю (рис. 28, 5). Ножи на пластинах и отщепах, ретушированные по двум или одному краю, представлены всего лишь 4 экземплярами. Призматические ножевидные пластинки и обломки пластинок встречены в количестве 24 экземпляров. Только на двух обломках пластинок имеется ретушь по краям. Большинство пластинок не имеет правильных форм, которые присущи мезолитическим стоянкам с микролитическим инвентарем; они близки к пластин-

¹¹ Л. В. Кольцов. Отчет ростовско-угличского отряда Верхневолжской экспедиции за 1962 г. Архив ИА АН СССР, р. 1, д. 2326; он же. Некоторые итоги изучения мезолита Волго-Окского междуречья, стр. 19, 20.

¹² Д. А. Крайнов. Отчеты Верхневолжской экспедиции ИА АН СССР за 1959—1962 гг. Архив ИА АН СССР, ф. Р-1, д. 2008, 2215, 2335, 2522.

¹³ Л. В. Кольцов. Работы в Калининской области. «Археологические открытия 1968 г.» М., 1969, стр. 29.

¹⁴ Л. В. Кольцов. Отчет разведочного отряда Верхневолжской экспедиции за 1969 г. Архив ИА, ф. Р-1, д. 4008.

¹⁵ В. П. Левенок. Мезолит среднерусского Днепровско-Донского междуречья и его роль в сложении местной неолитической культуры. МИА, № 126, 1966, стр. 95, рис. 4.

¹⁶ Д. А. Крайнов. Отчеты Верхневолжской экспедиции ИА АН СССР за 1960—1962 гг. Архив ИА АН СССР, ф. Р-1, д. 2215, 2335, 2522.

¹⁷ Л. В. Кольцов. Отчет Верхневолжской экспедиции за 1963—1964 гг. Архив ИА АН СССР, ф. Р-1, д. 2704, 2918.

¹⁸ Н. Н. Гурина. Результаты полевых работ в 1968—1969 гг. Тезисы доклада на Львовской конференции в марте 1970 г. М., 1970.

¹⁹ М. В. Воеводский. Стоянка Гремячее. МИА, № 2, 1945.

²⁰ В. П. Левенок. Указ. соч., стр. 91, рис. 2, 4, 7, 15 и др.

²¹ В. Д. Будько. Памятники свидерско-грэнской культуры на территории Белоруссии. МИА, № 126, 1966, стр. 45; рис. 6, 3; 7, 7 и др.

²² Р. П. Яблонските-Римантене. Периодизация мезолитических стоянок Литвы. МИА, № 126, 1966, стр. 83, рис. 6, 2, 17, 26 и др., рис. 7, 3.

²³ S. K. Kozłowski. Iz problematiki polskiego mesolitu. Kultura komornicka na tle mesolitu Europy Srodkowej. «Swiatowit», t. 28, 1969, стр. 14—15, табл. IV, 1; V, 21.

²⁴ Л. Я. Крижевская. Новые данные о хронологии позднелитических и мезолитических памятников Севера ГДР и ФРГ. МИА, № 126, 1966, стр. 49—56, рис. 2, 15—18; 3, 12—18; 4, 1—3; 5, 16, 19, 20; 6, 11—15.

чатым отщепами, встреченным в количестве 25 экземпляров. Среди пластинок есть мелкие, приближающиеся к микропластинкам, а также прямоугольники из разрубленных пластинок (5 штук).

Остальную массу кремней составляют нуклеусы, нуклевидные обломки и отщепы разных размеров. Нуклеусы и их обломки, встреченные в количестве 74 штук, указывают на обработку кремня здесь на месте стоянки. Основную массу составляют призматические нуклеусы со скошенной ударной площадкой и с негативами отколотых отщепов и несколько конических нуклеусов с широкой горизонтальной ударной площадкой и острым концом, с негативами отколотых пластинок и пластинчатых отщепов. Найдено два уплощенных нуклеуса. Имеется большое количество нуклевидных кусков кремня, кремневые желваки и валуны со следами оббивки. Особенно много (2313 шт.) отщепов и осколков разной величины и формы — от крупных до мелких чешуек.

Условия залегания, характер орудий и техника расщепления кремня, а также сходство наконечников стрел с наконечниками мезолитических стоянок Богоявление, Алтыново — верхний слой, Дмитровское I, деснинских стоянок и пр. — свидетельствуют о мезолитическом возрасте стоянки Черная Грязь I. Однако нельзя обойти молчанием и факт находки в шурфе в тех же стратиграфических условиях обломка топорovidного орудия со следами шлифовки. Эта находка заставляет отнести стоянку к позднему мезолиту. Находки топоров и топорovidных орудий в поздне-мезолитических стоянках Верхнего Поволжья известны в Золоторучье III, Алтыново — верхний слой, Дмитровское I и др., а также в деснинских поздне-мезолитических стоянках и в Прибалтике.

Кроме перечисленных находок, в основном раскопе на глубине 12—13 см от современной поверхности в песке вместе с кремневыми отщепами были найдены три обломка толстостенного, лепного, глиняного сосуда. Сейчас трудно сказать, к какому времени они относятся, так как подобная керамика встречена нами впервые. Ни в ранних стоянках с ямочно-гребенчатой посудой, ни в поздних поселениях эпохи бронзы и раннего железа аналогий этой керамике нет. Фрагменты с наружной стороны имеют светло-коричневый, а внутри темный цвет. Толщина стенок 1,3—1,4 см, в тесте имеется примесь дресвы и крупные куски толченого кварца, на наружной стороне идут широкие прочерченные бороздки в виде перекрещивающихся линий, обжиг очень сильный. Имеется одно упоминание Ф. И. Иванова о находке на стоянке «У вилки дорог» в Калининской обл. 10 фрагментов керамики с «отпечатками прутьяной плетенки на наружной стенке»²⁵, обнаруженной им вместе с кремневыми орудиями и отщепами на глубине 0,5—1 м от поверхности в нижнем горизонте культурного слоя. Очень заманчиво сделать предположение об открытии в Калининской обл. ранне-неолитической культуры, предшествовавшей культуре с ямочно-гребенчатой керамикой. Однако мы пока оставляем этот вопрос открытым.

Выше мы упоминали об исследовании Верхневолжской экспедицией мезолитических стоянок, отличающихся своим более архаическим кремневым инвентарем от стоянок с микролитическим инвентарем типа Скнятино. Эти стоянки помещаются или на высоких береговых террасах, или на дюнных всхолмлениях под погребенной почвой. Они не занимают большой площади; это или временные стойбища охотников, или места мастерских по обработке кремня. На некоторых стоянках прослежены мезолитические жилища, имевшие прямоугольную форму с одним выходом²⁶. На стоянке Бутово в Калининской обл. открыты хо-

²⁵ Ф. И. Иванов. Итоги археологических исследований Калининского областного музея за 1956 г. Рукопись. Архив Калининского обл. музея.

²⁶ Д. А. Крайнов. Отчеты Верхневолжской экспедиции ИА АН СССР за 1961—1962 гг.

зайственные ямы и очаги, на других прослежены мастерские по обработке кремня, позволяющие проследить процесс производства орудий труда.

Вероятно, на территории Верхнего Поволжья (Ярославская и Калининская обл.) в долине р. Волги существовала особая мезолитическая культура иного характера, чем, например, культура с микролитическим инвентарем и наконечниками стрел так называемого свидерского типа. Уже сейчас намечается целая группа стоянок этой особой культуры (Золоторучье I, Золоторучье III, стоянка у ручья Богоявление, Алтыново, верхний слой, Черная Грязь I, III, Дмитровское I, Бутово, Лукино, Пентуровская, стоянки, исследованные Ф. И. Ивановым, и др.) в Калининской обл. Ранние из этих стоянок увязываются с позднепалеолитическими стоянками типа Золоторучье I и Алтыново — нижний слой. Вероятно, происхождение этой культуры надо связывать с Десной, верхним Днепром и с Западом, где прослеживается тот же характер культуры.

Что же касается стоянок с микролитическим инвентарем типа Скнятино, то они имеют более широкое распространение в Волго-Окском междуречье, датируются значительно позднее и, по-видимому, имеют иное происхождение. В Скнятинской стоянке под слоем с микролитическим инвентарем нами в 1957 г. был открыт нижний слой с кремневым инвентарем, близким стоянкам Золоторучье I, III²⁷. Теперь перед исследователями Верхнего Поволжья стоит сложная задача выяснить взаимоотношение двух мезолитических культур: типа Золоторучья, Богоявления и Скнятина — верхний слой, с одной стороны, и стоянок с мезолитическим инвентарем — с другой, а также решить вопрос о раннем неолите.

²⁷ Д. А. Крайнов. Некоторые спорные вопросы древнейшей истории Волго-Окского междуречья, стр. 10.

Л. П. ХЛОБЫСТИН

ПОСЕЛЕНИЕ РАЗВИТОГО НЕОЛИТА МАЙМЕЧЕ I
И ЕГО МЕСТО В НЕОЛИТЕ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

Самый северный участок Евразии — Таймырский полуостров — тесно связан с более восточными территориями. Наиболее пригодный для жизни юг полуострова составляет Северо-Сибирская низменность, простирающаяся от р. Енисея через бассейны рек Анабара и Оленека до р. Лены. С запада проникновение на Таймыр затрудняет Енисей, с юго-запада вздымается плато Путорана, оставляющее проход только по долине Енисея, и только на юго-востоке и востоке низменности открывается удобный путь для этнических проникновений. Исходя из характера рельефа, закономерно предполагать, что процессом заселения и развития древних культур Таймыр был в первую очередь связан с областями, расположенными к юго-востоку от него. Уже первые археологические находки, сделанные на берегах р. Хатанги, позволили А. П. Окладникову отметить их сходство с материалами неолитических памятников средней и нижней Лены и сделать вывод о вероятной этнической близости древнего населения восточного Таймыра и Якутии¹. Работы Заполярного отряда ЛОИА также установили вхождение археологических культур Таймыра в ленский ареал, но в то же время позволили отметить и некоторое их своеобразие. Это особенно ясно выявляется на памятниках развитого неолита, к которым относится стоянка Маймече I — первое поселение Таймыра, раскопанное почти полностью. Она была открыта автором в 1967 г. и доисследовалась в 1968 г.

Стоянка находится вблизи пос. Катырык на правом коренном берегу р. Хеты, в 3 км выше впадения в нее р. Маймече. Правый берег Хеты называют «каменным», а левый «тундренным». Последнее название подчеркивает тот факт, что долина Хеты и ее продолжения Хатанги является границей самых северных в мире лесов: к северу от нее начинается тундра. «Каменный» берег в районе стоянки густо зарос даурской лиственницей. Он возвышается над уровнем Хеты на 11—13 м и отделен от основного русла реки неширокой поймой, пересыхающей протокой и большим затопляемым в половодье островом Боро. Крутой коренной берег разрезается рядом глубоких, но узких ложбин овражного характера, по которым текут ручьи. Древние стоянки располагаются, как правило, на мысовидных выступах этого берега, образованных логами и хорошо дренируемых. Стоянка Маймече I занимает стрелку левого борта долины одного из ручьев. Мыс имеет небольшой участок ровной поверхности, пригодной для жилья, всего около 200 м². Первоначальный раскоп, заложенный в центре этого участка, дал очень малое число нахо-

¹ А. П. Окладников. Древние поселения в долине реки Хатанги. КСИИМК, вып. XVIII, 1947.

док; дальнейшие раскопки показали, что наиболее насыщенная часть стоянки протянулась по западному краю мыса, открытому к долине Хеты. Такое расположение поселения становится вполне понятным, если учесть, что весь мыс достаточно прогревается летним солнцем, а ветер, дующий чаще из речной долины, сносит комаров, которыми кишит воздух леса.

Раскоп площадью 49 м² исчерпал основную часть стоянки. Наблюдавшаяся стратиграфия обычна для неглубоко залегающих памятников этого района: дерново-почвенный слой — 7—12 см, желтоватый песок — 6—10 см, ниже — серый суглинок. Равномерность залегания слоев местами нарушена мелкими мерзлотными клиньями. Кроме того, большой клин пересекал раскоп с юго-запада на северо-восток; около него наблюдалось оползание культурного слоя и глубокое проникновение находок в материковый серый суглинок. Обычно же находки залегают под дерном и в супеси. Во время раскопок, проводившихся уже в самом конце жаркого лета 1967 г., мерзлота была встречена на глубине 0,5 м.

В восточной, прибрежной половине раскопа, где сосредоточено подавляющее количество находок, были выявлены и остатки жилых комплексов. Здесь был обнаружен гумусно-углистый слой толщиной 6—7 см, залегающий в основании песчаного слоя, а в некоторых местах и под прослойкой суглинка. Он состоял из чередования черных, коричневых и красноватых тончайших прослоек. По простиранью слой представлял собою пятно площадью 4—5 м². С юго-восточной стороны пятно имело округлые очертания и ограничивалось уступом, сделанным в суглинке. Наибольшая прослеженная высота уступа — 25 см. С юго-западной и северо-восточной сторон пятно было расплывчатым, и края его местами перекрывались суглинком; с северо-западной же стороны оно нарушалось упомянутым выше большим мерзлотным клином. Глубина залегания пятна у юго-восточного края — 30—35 см, к северо-западу она значительно меньше. В целом пятно оказалось заполнением округлого котлована диаметром 1,3—1,5 м, с крутыми невысокими стенками, который может быть интерпретирован как основание углубленного в землю жилища типа «голомо».

Голомо — это конусовидное сооружение из тонких древесных стволов, прикрытое кусками дерна, перевернутого землей наружу. Внутри сооружения имеется глубокий котлован меньшего диаметра, оставляющий вследствие этого вдоль боковых и противолежащей входу стен неширокий уступ для нар. В центре котлована сооружался очажок. Голомо делались разных размеров. На р. Тагенар и на р. Авам ниже пос. Усть-Авам мы наблюдали жилища, имеющие внешний диаметр в 2,5 и 3,5 м. Полуподземные голомо являются вариантом постоянного наземного чума и до появления оленеводства, позволившего перейти к созданию крупных передвижных чумов, по-видимому, были широко распространены у народов Восточной Сибири. Сохраняются предания, что легендарные обитатели Таймыра маяты сооружали подобные строения на расстоянии дневного перехода друг от друга², что позволяло сочетать им кочевой быт охотников за оленями с использованием постоянных жилищ. По-видимому, такой образ жизни был свойствен и неолитическому населению Таймыра.

У северного края жилищного пятна на поселении Маймече I на глубине 12 см найден камень-голыш с плоской поверхностью, на которой лежали крупные отщепы зеленоватого кремнистого сланца. Отщепами была насыщена и нижняя часть песчаного слоя на расстоянии 1,5—2 м к югу и западу от этого камня, служившего наковальней при расщеплении галек. На площади в 4 м² здесь было собрано свыше 2000 отщепов.

² Б. О. Долгих. Происхождение нганасанов. «Труды ИЭ», новая серия, т. XVIII, 1952.

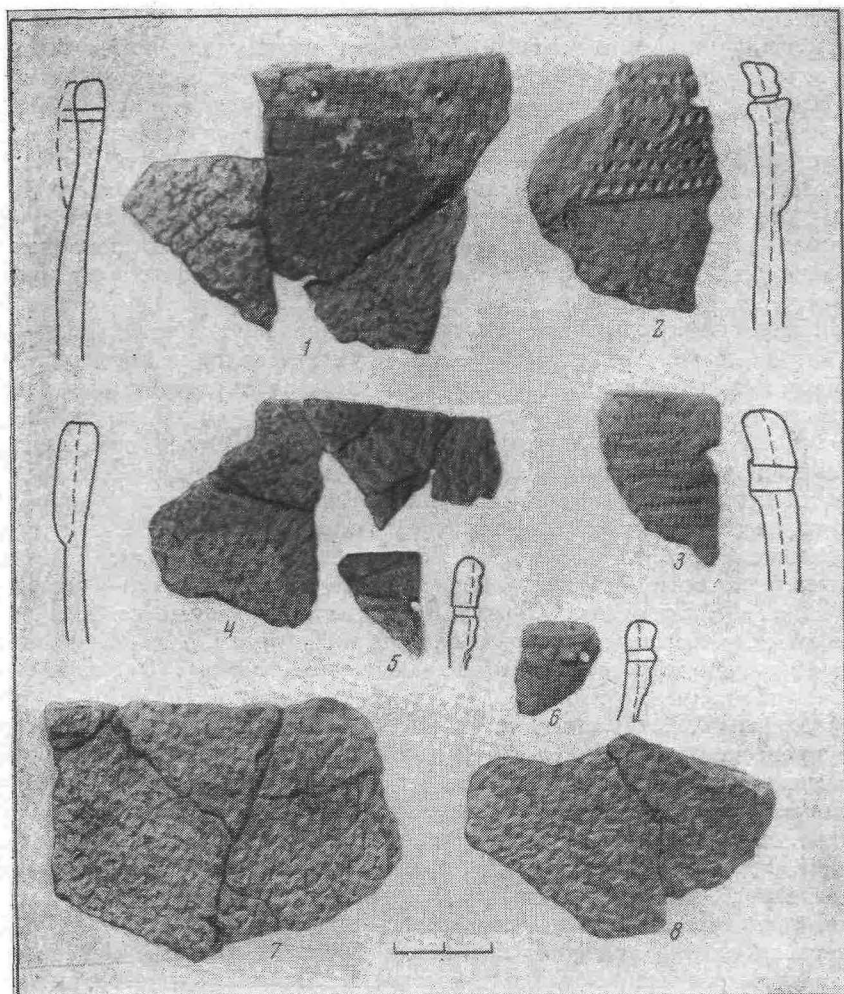


Рис. 30. Керамика стоянок Маймече I (1, 4—8) и Маймече IV (2, 3)

Так как распространение их совпадает с очертаниями гумусно-углистого пятна, а за его пределами число отщепов резко падает, следует предполагать, что наковальня стояла в жилище на уступе нар. Другой подобный гольш диаметром в 15 см лежал к востоку от пятна, за его пределами. В центрах уплощенных сторон этого камня имеются сильные сбитости, указывающие, что он также служил для раскалывания камней, но отщепов около него мало.

Культурный слой стоянки содержал небольшое число черепков глиняной посуды — явление, обычное для Арктики, где климатические условия не способствуют сохранности керамики. Найденные фрагменты принадлежат не менее чем шести сосудам, относящимся к одному типу (рис. 30, 1, 4—8). Это круглодонные горшки, лепившиеся из глины, перемешанной с шерстью оленя и изредка с кусочками шамота. В зависимости от размеров сосудов находилась толщина их стенок; так, горшок с диаметром венчика 12 см тонкостенный (3 мм), у другого, имевшего диаметр устья около 20 см, толщина стенок 6—7 мм. Лепка стенок производилась кусками, в два слоя. Край горшка снаружи немного утолщался налепом в 2—2,5 см шириной, образующим характерный валиковый венчик. Обрез края делался прямым или скруглялся. Поверхность

горшков испещрена мелкими ямками от обжима, производившегося крупноузловыми сетями, и поэтому их черепки напоминают так называемую «текстильную керамику». Только на небольшом числе фрагментов попадают четкие отпечатки ячеек с размерами диагоналей 3×5 и 5×5 мм. Валиковый венчик иногда украшался горизонтальными линиями из отпечатков мелкозубчатого штампа. После этого в венчике протыкался ряд маленьких сквозных отверстий, опоясывающий его. Сосуды подвергались обжигу, придававшему им черный цвет.

Состав орудий, найденных на стоянке, однообразен. В основном они изготовлялись из халцедона, и лишь небольшое число их сделано из кремнисто-сланцевой породы серо-зеленого цвета.

Наиболее четкую группу составляют проколки (рис. 31, 14—18). Их 5 штук, две из них залегали в гумусном пятне жилища. Все они относятся к плечиковому типу. Две сделаны из грубых ножевидных пластинок, три из отщепов. Тонкое острие длиной 3—6 мм, как и плечики, оформлялось тщательной мелкой ретушью; тело делалось небольшим, но достаточным, чтобы можно было прочно держать пальцами. К этим типологически четким экземплярам примыкает проколка, для которой был использован острый халцедоновый отщеп (рис. 31, 19).

В большом числе найдены вкладыши и вкладышевые ножи. Некрупных вкладышей, которые могли входить в состав длинных лезвий, всего два (рис. 31, 7, 8). Это узкие (8 мм) пластины, отделанные со всех сторон ретушью, вставлявшиеся в паз более тонким краем. Их лезвия имеют следы сильной сработанности. Вкладышевые ножи (6 штук) — это такие же пластины, но гораздо большей величины (рис. 31, 10—13). Они представлены обломками шириной от 15 до 22 мм. Длина целых орудий могла превосходить 6 см. Рабочий край их сильно сработан. Небольшая асимметричность краев свидетельствует, что специально намечалось расположение лезвия под некоторым углом к рукоятке. Вкладышем был, вероятно, и пластинчатый отщеп с неполной обработкой поверхности (рис. 31, 9). Вкладышевые клинки делались в подавляющем числе из более крепкого, чем кремнистый сланец, халцедона. В коллекции имеется, однако, прекрасный образец полулуниного ножа, изготовленного из отщепа кремнистого сланца способом шлифовки (рис. 31, 6). Его лезвие имеет характерную для нгансанских и долганских ножей одностороннюю заточку, что очень удобно для чистки рыбы и строгания дерева.

Своеобразным изделием, часто встречаемым на таймырских памятниках, является угловой резак — небольшое орудие, у которого два края, оформленных как лезвия ножей, сходятся под углом в 70° (рис. 31, 23). На других стоянках встречены резаки с лезвиями, сходящимися под углами, колеблющимися от 65° до 100° .

По-видимому, к режущим орудиям относится изделие из крупного куска халцедона, по форме напоминающее скребло или обломок тесла. Одна сторона орудия выпуклая, обработана крупной ретушью, другая, чуть вогнутая, имеет ретушь, лишь приостряющую края, на которых прослеживаются следы сработанности (рис. 31, 24).

На стоянке встречен всего лишь один тщательно отделанный скребок (рис. 31, 1). Он сделан из халцедона и обработан ретушью по всей поверхности. Четыре других орудия, относимых к скребкам, изготовлены из грубых отщепов, ретушь у них нанесена только по рабочему краю (рис. 31, 2—5). Один скребок служил для обработки выпуклых поверхностей (рис. 31, 2). Интересен микроскребок длиной 1,5 см, основой для которого послужил крошечный отщеп халцедона. Слабовыпуклый рабочий край его имеет мельчайшую ретушь. Малочисленность скребков на стоянке Маймече I — явление не совсем обычное для Таймыра. Станным кажется и отсутствие на поселении четких форм наконечников стрел. На однокультурной стоянке Маймече IV они представлены несколькими типами, тогда как на Маймече I встречены только три орудия, небрежно

сделанные из отщепов халцедона и напоминающие по очертаниям треугольные наконечники со скошенным основанием (рис. 31, 20—22). Однако некоторые следы на лезвиях указывают, что они могли служить и как режущие орудия. Кроме того, найдены два обломка, которые, возможно, являются частями наконечников стрел.

В пределах жилища был найден кусок точильного сланцевого бруска. Вторая его половина обнаружена в заполнении большого мерзлотного клина. Полные размеры бруска $7 \times 12 \times 50$ мм; желобки на поверхности указывают, что на нем, по-видимому, затачивались иголки (рис. 31, 31).

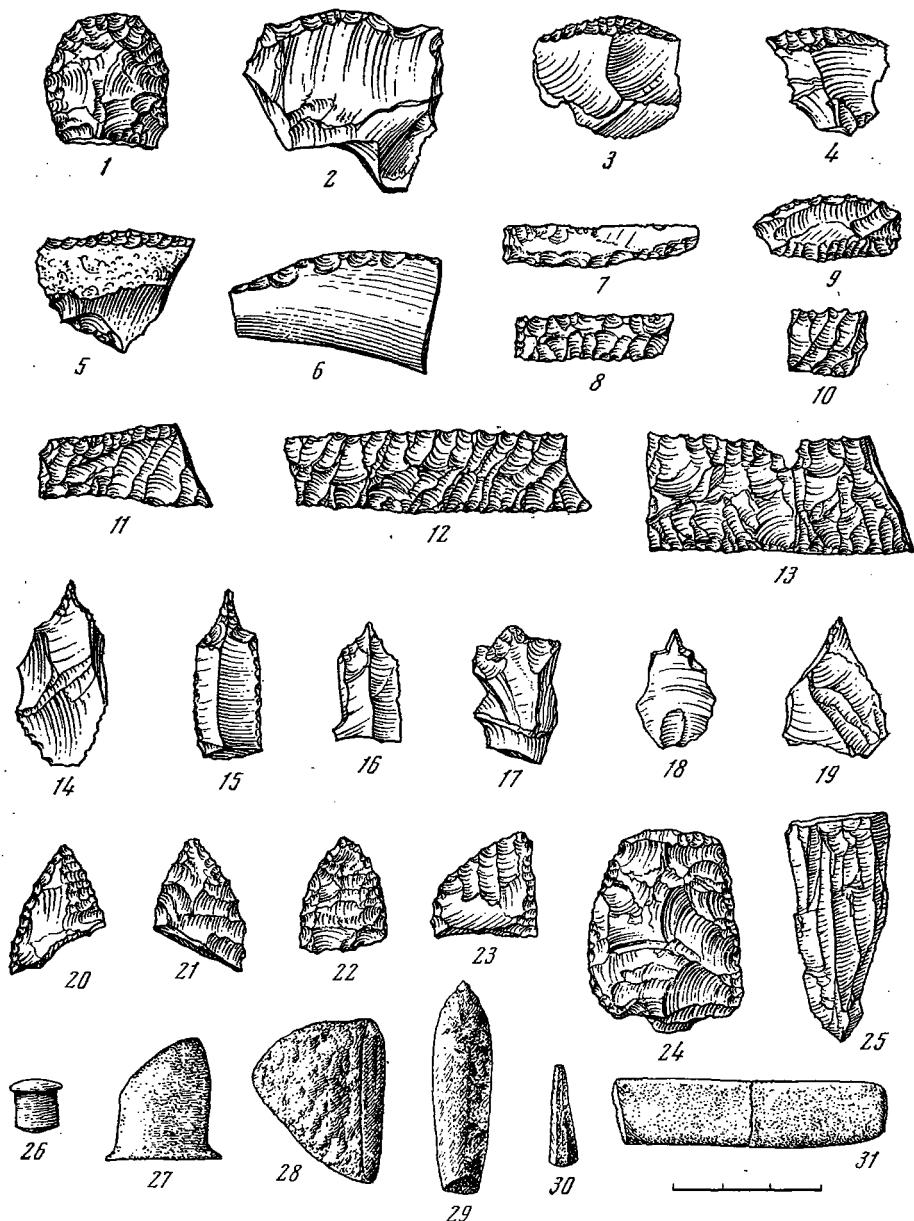


Рис. 31. Каменные изделия стоянки Маймече I

1—5 — стрелки; 6 — сланцевый нож; 7—10 — вкладыши; 11—13 — халцедоновые ножи; 14—19 — проколки; 26, 27 — лабретки; 28 — стеатитовая заготовка; 20—22 — наконечники стрел (?); 29, 30 — подделки из стеатита; 31 — точильный брусок; 23 — угловой резак; 24 — халцедоновое тесло; 25 — нуклеус

Среди отщепов часто попадаются куски пористого песчаника со следами использования их как абразивов. Ими производились пиление и шлифовка сланцевых пород, куски и отщепы которых, обработанные такими способами, — бесспорное свидетельство изготовления на месте стоянки шлифованных орудий. Вероятнее всего, на стоянке Маймече I ее жители занимались главным образом обработкой галек кремнистого сланца, собиравшихся по берегам Хеты во второй половине лета, когда обнажались галечники. С таким производственным характером поселения, по-видимому, связан набор орудий труда, не совсем обычный для охотничьих стоянок Арктики, — малое количество скребков и наконечников стрел.

На площади раскопа собрано 4266 отщепов, среди которых ничтожное количество халцедоновых. Столь же малочисленны ножевидные пластинки (59 штук). Среди них экземпляры с четкой огранкой единичны. Найден один конический халцедоновый нуклеус, который был неудачно расколот и брошен на стоянке. После поломки была сделана попытка снимать пластинки с его частей, а затем один конец нижней части нуклеуса подправили и использовали как скребок. Примечательно, что только это изделие, единственное из всех халцедоновых поделок, имеет белую поверхностную патину. Верхний кусок нуклеуса был брошен в жилище, попал в огонь и растрескался. Склеенный нуклеус (рис. 31, 25) имеет длину 4,2 см, некоторые же ножевидные пластинки достигают 5 см длины.

Самым замечательным открытием, сделанным на стоянке Маймече I, следует считать находку двух лабреток — украшений, вставлявшихся в отверстия, протыкавшиеся около рта. Одна из них, в форме knobки, невелика по размеру: 10 мм длины и 10 мм диаметра шляпки (рис. 31, 26). Другая по очертаниям напоминает цифру 1. Асимметричность ее формы заставляет предполагать, что лабретка должна была иметь парный экземпляр, вместе с которым она украшала края рта. Размеры этого украшения — 7 мм толщины, 25 мм длины и 18 мм ширины, не считая уступов (рис. 31, 27). Вырезаны лабретки из стеатита светло-коричневого цвета и тщательно зашлифованы. Изготавливаться они могли здесь же, на стоянке, так как поблизости от них был найден кусочек стеатита, отпиленного от желвака. Подобный жировик по сведениям, полученным от местных доган, встречается в верховьях р. Маймече.

Следует упомянуть также две поделки из жировика худшего качества: стержнеобразная заготовка (рис. 31, 29) и подобие шпильки (рис. 31, 30), но их назначение остается пока непонятным.

То, что лабретки составляют единый комплекс с описанной выше сетчатой керамикой и каменным инвентарем неолитического облика, было подтверждено совместным нахождением нескольких стеатитовых изделий, в том числе еще одной лабретки, с аналогичными керамикой и каменными орудиями на стоянке Маймече IV, расположенной в 1,5 км ниже по р. Хете.

Ношение лабреток является одним из ярких этнических признаков. Русские, а за ними и западноевропейские путешественники XVI—XIX вв., исследовавшие северную часть тихоокеанского побережья, постоянно обращали внимание на обычай ношения лабреток, распространенный среди эскимосов, алеутов и индейцев Северо-Западной Америки. Судя по археологическим материалам и ряду радиоуглеродных датировок, этот обычай существовал в данном районе еще в I тыс. до н. э. Не останавливаясь на вопросе о месте, где возникает обычай ношения губных украшений, что является темой специальной работы, отметим лишь факт отсутствия более ранних дат, определяющих время существования подобных украшений как в Новом Свете, так и на крайнем северо-востоке Азии. Находка лабреток на Таймыре, вдали от основного района их бытования, заставляет с большей осторожностью подойти к вопросу о да-

тировке и определении историко-культурных связей между комплексами Маймече и памятниками прилегающих территорий Якутии.

Полученные в результате исследований последних лет радиоуглеродные даты для раннего, бескерамического неолита Таймыра (6020 ± 100 или 4070 до н. э., ЛЕ—884) и эпохи бронзы (3100 ± 60 или 1150 до н. э., ЛЕ—790) оставляют для памятников развитого неолита, к которым по всему своему облику относится комплекс Маймече, большой хронологический период, заключенный между этими возрастными определениями. На этот период падает широкое распространение по огромной территории Восточной Сибири неолитических культур с сетчатой керамикой. Исаковские и серовские сосуды IV—III тыс. до н. э. из-за отсутствия характерных налепных валиков не могут служить для керамики стоянок Маймече бесспорными аналогами. Валики, утолщающие венчик, и маленькие отверстия у его края, получают в Прибайкалье развитие на керамике иного облика, относимой к китойской культуре и бытовавшей во второй половине III тыс. до н. э. Сетчатая керамика с налепными валиками, обнаруженная на севере Байкала в Малой Лударской пещере, стоит типологически ближе к неолиту Лены, чем к неолитическим памятникам Ангары, и, находясь на границе двух больших культурных ареалов, является связующим звеном между культурами сетчатой керамики Прибайкалья и Якутии. Именно на территории Якутии, где, судя по материалам VII слоя стоянки Белькачи I, появление сетчатой керамики с валиками относится к V тыс. до н. э. (5970 ± 70 лет, ЛЕ—676)³, встречаются близкие аналоги керамике Маймече. На средней Лене во 2-ом слое стоянки, раскопанной А. П. Окладниковым в устье р. Куллатты, среди других типов керамики были найдены также венчики горшков с типичными для нашей керамики утолщающим валиком и сквозными отверстиями. Горшки эти большей частью имеют поверхность, покрытую шнуровыми и штриховыми отпечатками⁴. Однако среди них имеются и образцы с сетчатыми отпечатками, чрезвычайно близкие керамике Маймече I⁵. Датируются эти находки неолитическим временем, судя по памятникам Алдана, где подобный венчик, утолщенный валиком и украшенный гребенчатыми оттисками, является одним из признаков выбивной шнуровой керамики белькачинской культуры, залегающей в многослойных поселениях выше неолитических комплексов с сетчатой керамикой и ниже комплексов, содержащих выбивную керамику с вафельной поверхностью, которая относится уже ко II тыс. до н. э.⁶

Время существования белькачинской культуры определяется III тыс. до н. э. Можно ли все памятники Восточной Сибири со шнуровой керамикой относить к белькачинской культуре и датировать III тыс. до н. э., как это пытается делать Ю. А. Мочанов, еще не ясно. Тем более эти представления нельзя переносить на комплекс сетчатой керамики с налепным утолщением венчика. Типологически такая керамика должна занимать промежуточное место между сетчатой керамикой, не имеющей утолщенного венчика, и шнуровой керамикой с подобным венчиком. Было ли появление керамики типа Маймече особым этапом в развитии материальной культуры древних обитателей бассейна Лены, или она сосуществовала с подобными по оформлению венчика образцами шнуровой керамики, как видим это на стоянке Куллатты, или, наконец, она представляла самостоятельную культуру — это может быть установлено лишь при дальнейших полевых исследованиях, особенно на территории между Таймыром и средней Леной. Предположение о возможности рас-

³ Ю. А. Мочанов. Многослойная стоянка Белькачи I и периодизация каменного века Якутии. М., 1969; А. А. Семенов, Е. Н. Романова, П. М. Долуханов. Радиоуглеродные даты лаборатории ЛОИА. СА, 1969, № 1, стр. 258.

⁴ А. П. Окладников. Ленские древности, вып. 3. М.—Л., 1950, стр. 58, 59, табл. XVII.

⁵ А. П. Окладников. Указ. соч., стр. 57, табл. XV, 5.

⁶ Ю. А. Мочанов. Указ. соч., стр. 167, 177 и др.

смагивать керамику Маймече в качестве дефиниция самостоятельной культуры, существующей несколько ранее белькачинской или синхронной ей, представляется более достоверным, ибо, встречаясь в чистых комплексах на Таймыре, она вообще не была найдена на Алдане. Но каким бы ни было решение проблемы культурной принадлежности таймырских стоянок Маймече I и IV, определение времени их обитания III тыс. до н. э., вероятно, его первой половиной, не вызывает сомнений. Каменный инвентарь стоянки Маймече I, так же как и стоянки Маймече IV, не противоречит указанной датировке, находя широкие аналогии в памятниках неолита Восточной Сибири.

Такое хронологическое определение заставляет считать таймырские лабретки более древними, чем губные украшения Америки и крайнего северо-востока Азии. Но это не означает все же, что таймырское Заполярье было первоначальной родиной лабреток. Обычай ношения такого своеобразного украшения лица не мог, конечно, зародиться непосредственно в Арктике, где климатические условия не слишком ему соответствуют. Однако «приоритет» изобретения лабреток обитателями азиатского материка, благодаря таймырским находкам, уже не должен вызывать сомнения. По-видимому, вместе с древними коллективами, прежде обитавшими в бассейне Лены, эти украшения проникли как на восток — северное побережье Тихого океана, так и на северо-запад — Таймыр. Изготовление лабреток обитателями ленских берегов подтверждает нефритовое украшение, найденное на стоянке Турукта вместе со шнуровой керамикой, относимой к рубежу III—II тыс. до н. э.⁷ Открытие лабреток на Таймыре заставило по-новому взглянуть на это изделие и увидеть в нем один из вариантов лабреток.

Таким образом, благодаря находкам своеобразных украшений, открытие стоянки развитого неолита Маймече I, само по себе немаловажное для истории Арктики, имеет значение для решения одной из интересных проблем американистики.

⁷ А. П. Окладников. История Якутской АССР, т. I. М.—Л., 1955, стр. 79, цветная

Ю. С. Г Р И Ш И Н

НЕОЛИТИЧЕСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ НА р. ШИЛКЕ
БЛИЗ г. СРЕТЕНСКА

В восточных районах Забайкалья известны пока лишь пять единичных захоронений времени неолита. Из них три на реке Шилке у железнодорожной станции Сретенск, сравнительно недалеко от него у разъезда Кокуй и в Шилкинской пещере, одно на реке Аргуни и одно в Читинской обл.¹ Сведения о них, имеющиеся в археологической литературе, довольно скудны; в лучшем случае это описание материала. Все они были обнаружены либо в разрушенном состоянии (в Шилкинской пещере совместно с материалами стоянки), либо раскапывались случайными лицами. Все же из имеющихся данных можно заключить, что эти погребения находились в земле и сопровождалась каменным, костяным инвентарем, значительная часть которого свидетельствовала об охотничье-рыболовческом хозяйстве оставившего их населения (наконечники стрел, гарпуны и др.). Вполне понятно, что открытие и публикация новых неолитических погребений, дополняющих наши сведения о памятниках этого типа, имеет немаловажное значение.

В 1965 г. на левом берегу р. Шилки, в поселке Баян несколько выше города Сретенска было обнаружено еще одно неолитическое погребение, сопровождавшееся, помимо некоторых изделий из камня и кости, также следами красной охры и остатками костей крупной рыбы. Оно было открыто случайно местными жителями в глине при ее добыче и на поверхности никаких видимых признаков не имело. Брат и сестра Бянкины собрали костные остатки человека с сопровождавшим их каменным и костяным инвентарем и все это передали в Сретенский краеведческий музей².

К сожалению, само положение костяка и расположение при нем вещей, а также глубина погребения не были ими отмечены.

Вещевой каменный и костяной инвентарь, сопровождающий это погребение, хотя и немногочислен, но интересен. Он представлен тремя скребковидными орудиями из светло-серого и более темного кремнистого известняка (рис. 32, 1—3), изготовленными из сравнительно крупных сколов с галек (местами на них сохранилась корка). Один или несколько краев их подработаны ретушью. Лишь одно орудие, благодаря дополнительной обработке, имеет овальную форму, два же других, по-видимому, сохраняют свою первоначальную неправильно многоугольную форму.

¹ А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, ч. I—II. МИА, № 18, 1950, стр. 61, 160; он же. Шилкинская пещера — памятник древней культуры верховьев Амура. МИА, № 86, 1960, стр. 9—10; В. Толмачев. Предметы костяного века из Восточной Сибири. СГАИМК, т. II. Л., 1929.

² Где они хранятся и теперь.

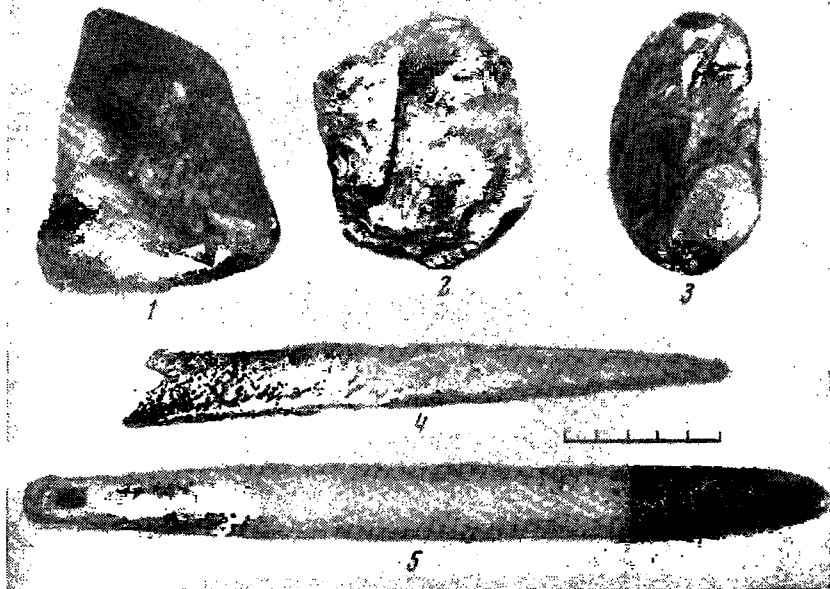


Рис. 32. Каменные и костяные орудия

1—3 — каменные скребковидные орудия; 4 — костяной нож; 5 — костяное кинжаловидное орудие

Ближайшие аналогии им можно найти в материалах Шилкинской пещеры³, которые в целом относятся, по определению А. П. Окладникова, к серовско-китойскому и глазковскому времени⁴. Кроме того, были обнаружены два мелких отщепов, снятые с галек халцедоновой и яшмовидной пород; костяной материал представлен кинжаловидным орудием с отверстием в верхней части рукояти и рабочим концом в виде лезвия, а также сломанным клинком ножа с продольным пазом на одной из сторон для закрепления каменных вкладышей (рис. 32, 4, 5). Оба они изготовлены из трубчатых костей крупных животных (скорее всего лося или оленя) и сохраняют естественные желобки: первый с двух противоположных сторон, а второй — только с одной. Ближайшие аналогии этим изделиям тоже можно найти в материалах Шилкинской пещеры, а также в неолитических погребениях Прибайкалья⁵. Кроме того, близкие по форме кинжаловидные орудия встречаются в прибайкальских глазковских погребениях, относящихся уже ко времени появления металла⁶.

Из приведенных аналогий совершенно ясно, что вопрос о точной датировке рассмотренного погребения в пределах неолита — ранней бронзы представляется довольно сложным. Впрочем, вряд ли оно могло датироваться глазковским временем или ранними этапами неолита. Сочетание в нем костяного кинжаловидного орудия, близкого по типу к китойскому из Прибайкалья⁷, с костяным вкладышевым однолезвийным ножом, также подобного неолитическим⁸, и наличие красной охры, широко рас-

³ А. П. Окладников. Шилкинская пещера. :., рис. 13.

⁴ Там же, стр. 52—55.

⁵ Там же, рис. 17, 18, 1; он же. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, ч. I—II, рис. 9 (сводная таблица инвентаря ангарских погребений) и рис. 120.

⁶ А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, ч. I—II, рис. 9 (сводная таблица инвентаря ангарских погребений).

⁷ Там же, рис. 120.

⁸ Там же.

пространенной как раз в прибайкальских китойских погребениях⁹, заставляет скорее всего отнести его к периоду позднего неолита, т. е. к китойскому этапу — второй половине III — началу II тыс. до н. э.¹⁰ Однако поскольку в последние годы у ряда исследователей появились серьезные основания считать китойскую культуру Ангары и Южного Байкала пришедшей с юго-востока (верховья Амура?)¹¹, не исключено, что погребения, подобные рассмотренному, могли существовать в Восточном Забайкалье и гораздо более продолжительное время.

⁹ Там же, стр. 84, табл. 5.

¹⁰ Там же, стр. 139, табл. 8.

¹¹ Л. П. Хлобыстин. Многослойное поселение Улан-Хада на Байкале. КСИА, вып. 97, 1964, стр. 29.

В. И. БЕЛЯЕВА

НЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА УСТЬ-ХЕМЧИК 3
В ЗАПАДНОЙ ТУВЕ

В течение пяти лет (1965—1969 гг.) палеолитический отряд Саяно-Тувинской экспедиции (начальник С. Н. Астахов) вел систематические поиски стоянок каменного века в Западной Тuve. В настоящее время число местонахождений неолитического времени приближается к ста. Однако основную массу материала составляют сборы с поверхности, что объясняется малой мощностью склоновых отложений.

В процессе обследования берегов Енисея от начала саянской «трубы» до устья р. Хемчик в 1969 г. привлекла особое внимание 14—15-метровая терраса правого берега Енисея, находящаяся против и немного ниже устья р. Хемчик. Здесь, в песчаных отложениях склона, в нескольких десятках метров друг от друга были обнаружены четыре местонахождения, одно из которых получило название Усть-Хемчик 3¹.

На месте стоянки были заложены два раскопа общей площадью 100 м². В раскопе I прослежена следующая стратиграфия: 0—105 см — супесь серовато-коричневая с тонкой прерывающейся прослойкой щебня в верхней ее части; 105—115 см — супесь светло-серая, более плотная; 115—140 см — супесь серая с розовато-коричневым оттенком; 140—164 см — суглинок серовато-белый, тонкий, в самых низах которого встречались находки кремней, углей, обломки костей; 164—180 см — суглинок коричневатого-серый, светлый, отдельные находки заходят в верхнюю его часть; 180—219 см — слоистые суглинки, ширина прослоек от 5 до 10 см; 219—230 см — супесь жженая, красновато-коричневая, с массой древесных угольков².

Таким образом, культурные остатки у восточной стенки раскопа встречались на глубине от 163 до 170 см. Видимо, поселение существовало здесь, когда процесс накопления водных отложений в основном закончился и терраса уже сформировалась.

Шурфы, заложённые в нескольких метрах к югу и востоку от раскопа I, показали наличие насыщенного культурного слоя в том же светлом суглинке. Как оказалось, раскоп I затронул край стоянки — только западная его часть содержала находки. Здесь, среди обломков сланцевых плиток в углистом пятне залегала масса чешуек и отщепов кремня, которые как бы оконтуривали размывтый склон террасы на одном из квадратов (Г-22). На этом участке насыщенность слоя на 1 м² достигала 203 кремней. На всей остальной площади раскопа найдено только несколько мелких обломков костей и фрагментов раковин. По определению Я. И. Старобогатова³, последние принадлежали *Anodonta* Sp. Это

¹ С. Н. Астахов. Отчет о работах отряда за 1967 г. Архив ИА.

² Происхождение углей осталось невыясненным.

³ Институт зоологии АН СССР.

обычный для рек Южной Сибири моллюск, который водился в большом количестве в спокойных водоемах и обычно использовался древним населением в пищу.

Наибольший интерес представил раскоп II (рис. 33, А). Культурный слой мощностью 3—4 см здесь не имеет выраженной окраски. Он насыщен сланцевым щебнем, который слагает на квадрате Л-9 широкую округлую выкладку очага диаметром 110 × 115 см. Размер очажного углубления 80 × 60 см, глубина 6—8 см. Заполнение его — красноватый обожженный суглинок с мелкими древесными угольками — отчетливо выделяется на фоне белесого суглинка. Рядом с очагом и между камней выкладки найдены обожженные нуклеусы, разбитые кремневые наконечники стрел, крупные отбойники из песчаника, расколотые желваки кремня, обломки костей, мелкие отщепы (рис. 33, Б).

Особенностью культурного слоя этой части поселения является залегание кремневого материала отдельными скоплениями. При этом просле-

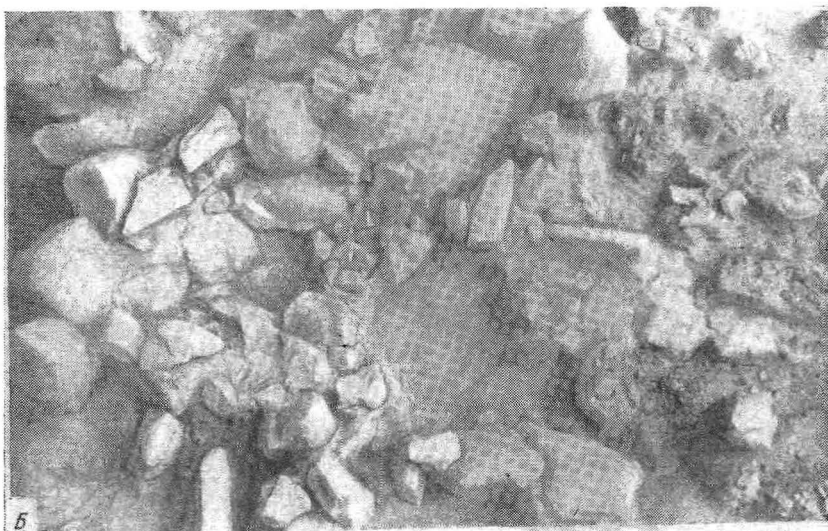
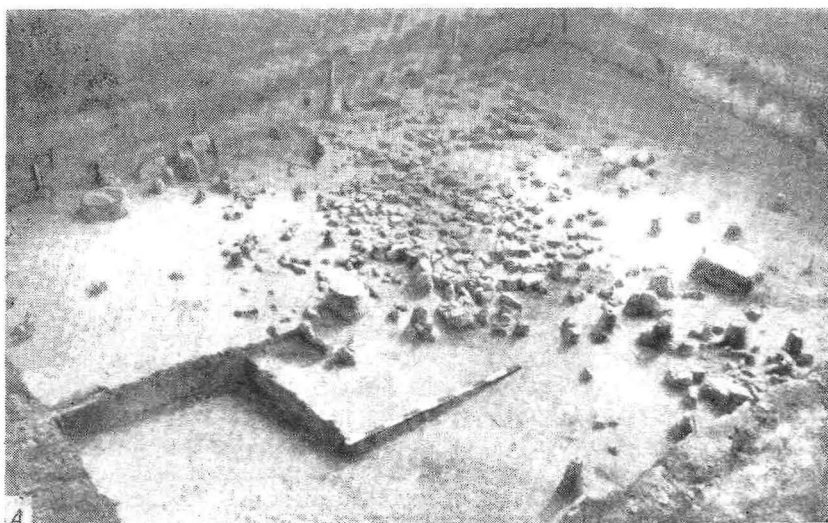


Рис. 33. Залегание культурных остатков в раскопе II стоянки Усть-Хемчик 3
А — раскоп II, залегание культурных остатков, в центре виден очаг; Б — раскоп II, скопление камней на кв. Л-9

живается отчетливая локализация не только крупных обломков кремня, но и одних пластин, отщепов и чешуек. В северо-восточном углу раскопа встречены обломки четырех челюстей⁴, *Carpa Sibirica*, залегающие в пределах одного квадрата (М-11).

Сырье, использованное для изготовления орудий, обычно для остальных стоянок Тувы. Это плотный непрозрачный темно-серый кремень, белый с черными пятнами халцедон и песчаник.

На всей раскопанной площади стоянки было найдено 1089 предметов из камня, 838 отщепов и чешуек, 134 микропластинки и 69 орудий со вторичной обработкой. Половину их составляют микропластинки с ретушью (рис. 34, 5—10), правильного очертания с прямым профилем. Все они, за исключением двух, обломаны, в силу чего истинные размеры их установить не удастся. Сохранившаяся длина от 0,8 до 2,5 см, ширина от 0,3 до 0,5 см, высота сечения 0,1 см. Длина двух пластинок, которые удалось склеить по слому, равна 4 см и 3,2 см.

По характеру ретуши пластинки можно сгруппировать следующим образом: 1) обработанные сплошь с брющка по одному краю, фасетки широкие, ретушь крутая — 20 экз.; 2) с частичной ретушью, оформляющей самую кромку края с брющка, — 6 экз., 3) с плоской, нерегулярной ретушью по одному краю с брющка — 3 экз., 4) с плоской ретушью одного из краев со спинки — 2 экз.

Следует обратить особое внимание на две узкие (длина 1,5 см, ширина 0,2 см) микропластинки с крутой ретушью по краю (рис. 34, 9), которая делает их волнистыми, а сечение пластинки округлым. Кромки краев и фасетки ретуши сильно заглажены; возможно, это результат использования их в качестве проверток.

Несмотря на одинаковые морфологические признаки, микропластинки имели различное функциональное назначение. Так, часть их (8 экз.) использовалась, по-видимому, в качестве составных вкладышевых скребков. Доказательством этого служит хорошо видимая под бинокулярным микроскопом заполированность всего ретушированного края и многочисленные линейные следы, расположенные перпендикулярно ему на самом лезвии⁵. Подобные боковые скребки на пластинках известны на поселениях джейтунской культуры (Джейтун, Чопан-депе)⁶. Остальные микропластинки имеют острые края и, вероятно, использовались как вкладыши орудий другого типа. Встречена большая группа микропластинок без вторичной обработки (134 экз.), ни формой, ни размерами не отличающаяся от только что описанной. Пластины с более широким сечением (от 0,8 до 1,3 см) немногочисленны — 37 экз. Все они имеют устойчивые размеры, обломков мало.

Скребки разнообразны, но сравнительно редки — 17 экз. (рис. 34, 11—17). Они изготовлены большей частью из отщепов, массивных в сечении. По форме рабочего края почти все скребки можно объединить по сериям: 1) округлые скребки и их обломки, у которых рабочий край идет почти по всей окружности отщепа, — 6 экз. (рис. 34, 16, 17); 2) округлые скребки, ограниченные двумя перпендикулярными сколами (рис. 34, 12), — 2 экз.; 3) концевые скребки с выпуклым рабочим концом, пластинчатая ретушь не заходит на края отщепов (рис. 34, 13) — 2 экз.; 4) концевые скребки на обломках отщепов с прямым рабочим краем. В одном случае он утончен (рис. 34, 11), во всех остальных затуплен крутой ретушью — 4 экз. Особо следует отметить скребок на продолговатом отщепе, края которого обработаны крутой ретушью. Она охватывает всю плоскость краевых граней спинки (рис. 34, 15). Широкий отщеп

⁴ По определению Е. М. Ермоловой (ЛОИА). Вероятно, все другие обломки костей принадлежат тому же животному.

⁵ С. А. Семенов. Первобытная техника. МИА, № 54, 1957, стр. 112, рис. 31, стр. 113.

⁶ Г. Ф. Коробкова. Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии. МИА, № 158, 1969, стр. 15, табл. VIII, 8, 9.

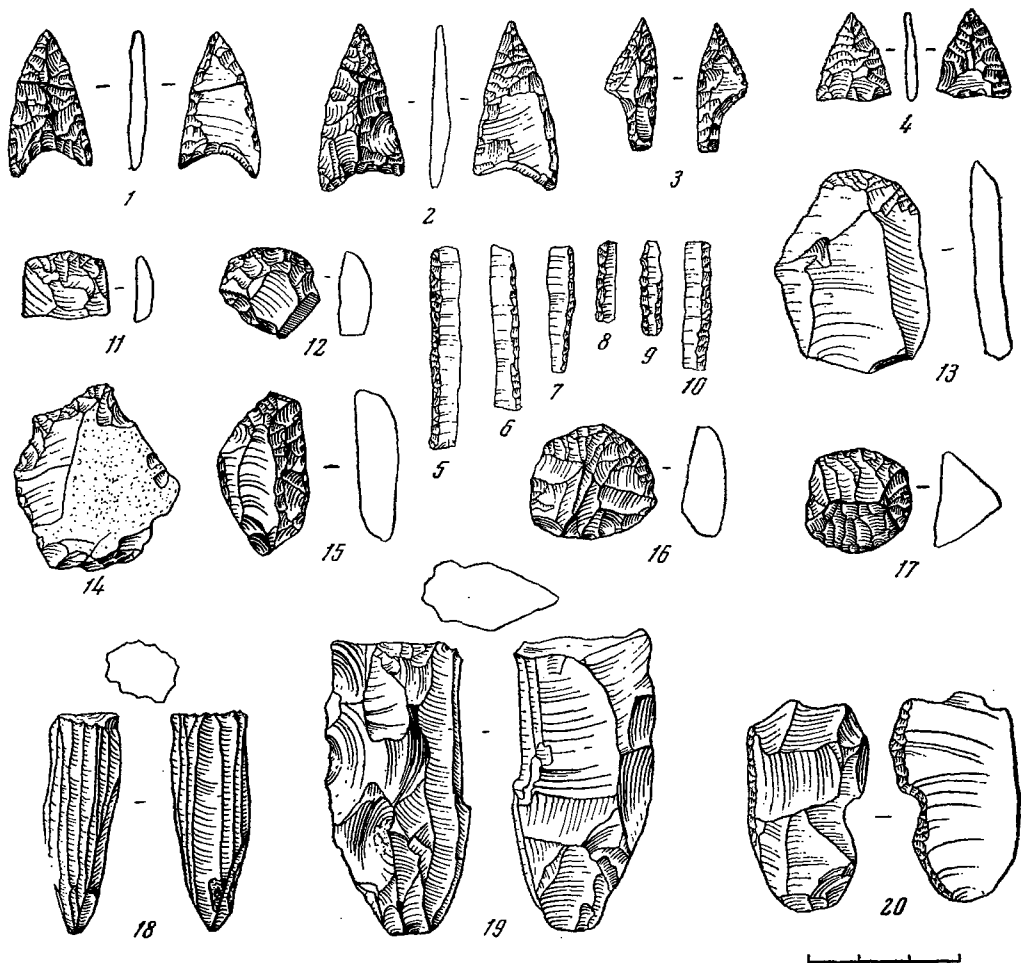


Рис. 34. Неолитическая стоянка Усть-Хемчик в Западной Туве

1-4 — наконечники стрел; 5-10 — микропластинки с ретушью; 11-17 — скребки; 18-19 — ядро; 20 — отщеп с ретушью

с коркой на спинке имеет два рабочих края, выделенных в виде выступов крутой выемчатой ретушью (рис. 34, 14). В целом скребки стоянки Усть-Хемчик 3 почти не отличаются от скребков других неолитических местонахождений Тувы (Ангачи I, II, Шаичи-Акси I), за исключением того, что здесь пока не встречены миниатюрные округлые скребочки на отщепах.

Наконечников стрел и их обломков — 8 экз. Два из них аналогичны (рис. 34, 1, 2). Они имеют треугольную, слегка вытянутую форму ($3 \times 1,6$ см и $2,5 \times 1,5$ см) с дугообразной несколько асимметричной выемкой в основании, двустороннеретушированными. По общему облику они напоминают исаковские наконечники Прибайкалья⁷. Однако у них асимметрично не столько основание, сколько стороны, одна из которых выпуклая, другая совершенно прямая. Вытянутый конец основания не такой острый, как у исаковских, и в то же время не закруглен, как на ряде стоянок Тувы (Ангачи I, II, Чааты)⁸. Спинка у наконечника вы-

⁷ А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. МИА, № 18, 1950, стр. 179, рис. 29.

⁸ В. В. Сидоров. Стоянки каменного века в Центральной Туве. СА, 1969, № 4, стр. 137, рис. 6.

пуклая, сплошь обработана довольно плоской ретушью. Фасетки иногда с заломами. Основание выделено крутой ретушью. Со стороны брюшка обработаны только края и в большей степени острие наконечника; выемка образована узким продольным сколом. Один из фрагментированных наконечников скорее всего принадлежит к описанному типу; другой, тонкий, с едва выделенной выемкой у основания, повторяет наконечники стрел из Ангачи I (рис. 34, 4).

Особняком, на первый взгляд, стоит небольшой ($2,6 \times 1$ см) треугольный наконечник стрелы с длинной боковой выемкой в основании (рис. 34, 3). Ретушь оформляет его с брюшка и выпуклой спинки. Выемка и черешок обработаны крутой ретушью. Возможно, это не особый тип орудия, а лишь вариант наконечников стрел с асимметричным основанием. Похожий наконечник на Шестаковской стоянке в Прибайкалье⁹.

Нуклеусов найдено только два; оба, как указывалось, лежали среди камней выкладки очага. Один из них (рис. 34, 18) имеет правильную коническую форму с острым концом и вогнутой площадкой (высота 4,5 см, диаметр площади $1,2 \times 1$ см). Негативы узких прямых сколов покрывают нуклеус со всех сторон. Другое ядрище имеет коническую уплощенную форму (рис. 34, 19). Пластинки скалывались с него только с торца, тогда как противоположный край рядом поперечных сколов превращен в острое ребро с волнистой линией лезвия. Многочисленные продольные линейные следы, хорошо видимые под бинокулярным микроскопом на обеих сторонах ребра, указывают на вторичное использование нуклеуса как режущего орудия. Оба ядрища имеют обычные для неолита Тувы и Монголии формы и полностью совпадают с соответствующими типами нуклеусов Солонкер-самона в Южной Гоби¹⁰. Кроме нуклеусов обычных форм, служивших для получения микропластинок, жители стоянки использовали желваки плотного темно-серого кремня, с которых скалывали отщепы без видимой системы и без первоначальной подправки площадки. Так, отщепы (скопление на кв. К-8), подобранные друг к другу, составили крупный аморфный желвак. Рядом со скоплениями кремней найдены два отбойника — овальные желваки песчаника, оббитые с одной стороны широкими сколами; остальные плоскости их сохранили галечную поверхность и имеют следы забитости. Встречена также плоская галечная плитка песчаника (13×7 см) и обломок второй, служившие наковаленками; при небольшом увеличении на их плоскостях хорошо видны многочисленные выбоины. Большая плоская сланцевая плитка (кв. Л-9) несколько возвышалась над всеми другими находками. Длинные линии, прочерченные на верхней плоскости плитки в разных направлениях, указывают, по-видимому, на использование ее в качестве подкладки при разрезании каких-то предметов.

Судя по малой толщине и насыщенности культурного слоя, данное местонахождение не было долговременным поселением: скорее всего это сезонная стоянка небольшой группы охотников на козорогов¹¹. Дальнейшие раскопки, вероятно, позволят более полно осветить этот памятник. Пока же, основываясь на общем сходстве кремневого инвентаря с комплексами вещей неолитического времени Монголии и Прибайкалья, можно отнести время существования поселения к раннему неолиту. Такой датировке не противоречит и стратиграфия памятника, залегающего в основании покровных отложений террасы.

⁹ А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, стр. 107, рис. 2.

¹⁰ В. Е. Ларичев, В. В. Волков. Мустьерские и неолитические памятники Южной Гоби. АЭДВ. Новосибирск, 1964.

¹¹ До сих пор пастухи-тувинцы охотятся на козорогов в горах, поднимающихся сразу за террасами Енисея.

И. В. ГАВРИЛОВА

ЗООМОРФНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ
НА КЕРАМИКЕ ФЕДОРОВСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ

Зооморфные изображения на древней посуде встречаются сравнительно редко и, естественно, привлекают внимание исследователей. В этой связи определенный интерес представляют украшения на некоторых фрагментах керамики, найденных за последние годы при раскопках Федоровского поселения. К ним относятся три фрагмента от различных сосудов — два от венчиков и один от стенки.

Фрагмент стенки от галичского сосуда довольно тонкий, вылеплен из глины с примесью песка, хорошо заглажен (рис. 35, 3). Внешняя сторона его сплошь покрыта орнаментом, состоящим из горизонтального пояса косой гребенки, под которым расположен поясок ямок, а еще ниже — вертикально спускающиеся ленты из той же гребенки. На внутренней стороне черепка сохранилась часть рисунка, который по аналогии с ранее известными рисунками можно рассматривать как изображение водоплавающей птицы: две горизонтальные гребенчатые линии обозначают головку, косой отпечаток, проведенный у концов под углом к ним, — шейку, горизонтальная линия, параллельная двум первым, но направленная в противоположную сторону от косой, — туловище.

Этому неполному рисунку наиболее близка птица на фрагменте керамики из стоянки Лавамяки в Финляндии, где точно так же изображена головка, только шея птицы обозначена двумя линиями¹. Из прочих изображений, которые можно сопоставить с федоровским, следует назвать кубенинские и негежемские, а также некоторые фигурки птиц на посуде первой береговой стоянки на Урале². Однако эти изображения не тождественны федоровскому: на них головка птиц показана одной горизонтальной линией, а шейка иногда — тремя косыми отпечатками (в Негежемской стоянке).

Следует остановиться на рассмотрении фрагмента еще одного сосуда из Федоровского поселения. Его внешняя сторона также украшена горизонтальным пояском косой гребенки, непосредственно под которым расположены вертикально спускающиеся ленты из горизонтальных гребенчатых оттисков, разделенные короткими гребенчатыми же вдавлениями. На внутренней стороне этого черепка, у слома сохранились шесть косых гребенчатых отпечатков, близко поставленных друг к другу (рис. 35, 1). Не исключено, что они являются частью фигурки, аналогичной изобра-

¹ Н. Н. Гурина. Древняя история Северо-Запада Европейской части СССР. МИА, № 87, 1961, стр. 147, рис. 23, 6.

² В. И. Смирнов. Орнаментальный фриз на сосуде из стоянки Кубанино. КСИИМК, вып. X, 1941, стр. 138, рис. 47; Н. Н. Гурина. Указ. соч., рис. 23, 8; Д. Н. Эдинг. Резная скульптура Урала. «Труды ГИМ», вып. X, 1940, стр. 69, рис. 65; стр. 71, рис. 68.

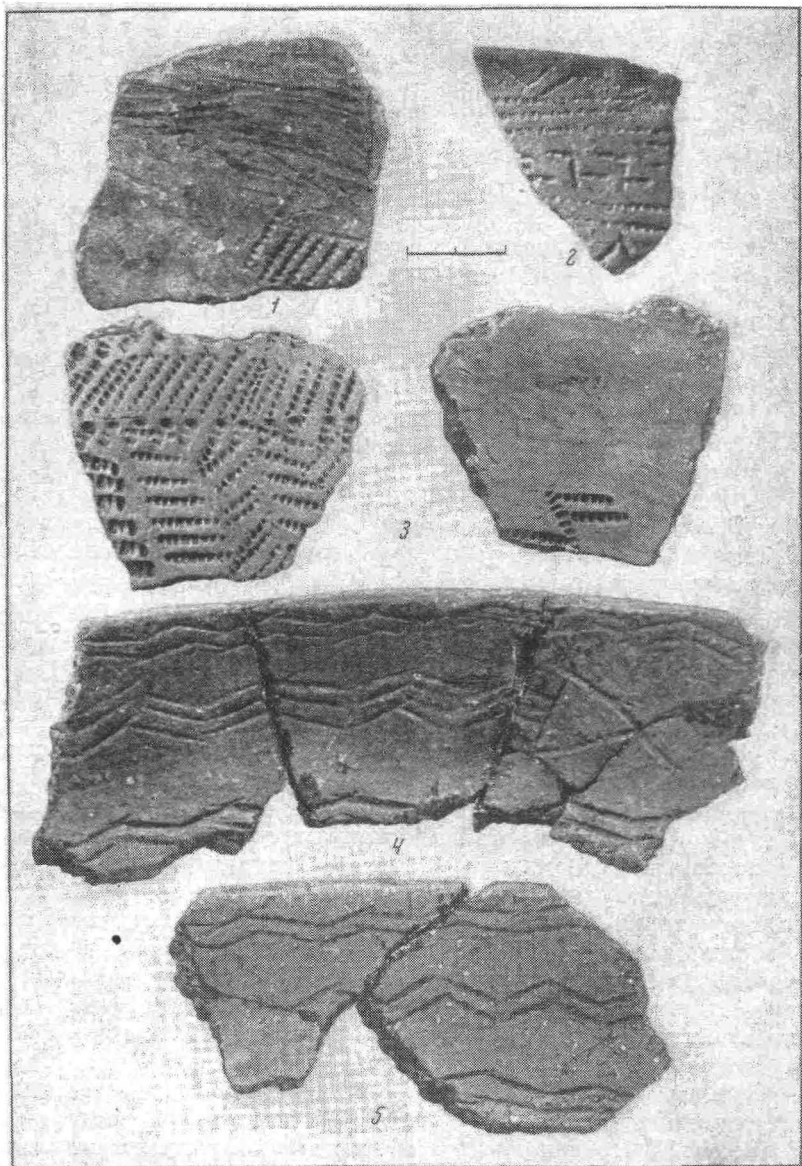


Рис. 35. Зооморфные изображения на керамике Федоровского поселения
 1—3 — фрагменты сосудов с изображением птиц; 4—5 — изображение змеи на внутренней стороне венчика
 сосуда

жениям на сосудах из первой береговой стоянки и Ломми, на которых туловище птиц обозначено слегка наклонной гребенкой³. Здесь нельзя не упомянуть также орнаментальный фриз на крупном сосуде из Новгорода, включающий, помимо «уточек», фигуры ромбов, выполненных короткими гребенчатыми оттисками, как и рисунок на фрагменте из Федоровского поселения. Однако расположение последнего на внутренней стенке сосуда довольно близко к дну и отсутствие прочих элементов орнамента скорее свидетельствуют о том, что здесь сохранилась часть изображения

³ Н. Н. Гурина. Указ соч., стр. 147, рис. 23, 2; Д. Н. Эдинг. Указ. соч., стр. 70, рис. 67.

птицы. Прием изображать туловище птиц вертикальными или слегка наклонными гребенчатыми линиями был известен галичским художникам. Так, на одном из фрагментов керамики Умиленья наклонные гребенчатые отпечатки образуют прямоугольники; под углом к ним, сверху нанесены еще два параллельных косых отпечатка, как на фрагменте из Ломми, где их можно рассматривать как поднятые крылья птицы.

Памятники, откуда происходят фрагменты сосудов с подобными украшениями, относятся к развитому и позднему неолиту. Поздним неолитом датируется и галичская культура, на посуде которой обнаружены изображения, описанные выше.

Заметно отличается от предшествующих фрагмент венчика, украшенный фигурками птиц (рис. 35, 2). Он мал по размерам, что затрудняет восстановление профиля сосуда. Можно лишь заметить, что край тонкий и слегка отогнут наружу. Цепочка из фигурок птиц размещается почти посередине между горизонтальными линиями гребенки, выше — двойной зигзаг из гребенчатых отпечатков. Изображение птиц на этом фрагменте выполнено также гребенкой, но настолько сильно стилизовано, что напоминает букву «z» со скругленными углами; при этом оттиск, обозначающий шею, спускается чуть ниже линии, которой показано туловище, равное по длине головке. Будучи помещенными на внешней стороне сосуда, эти изображения вплетены в общий орнамент.

«Уточек», выполненных в подобном стиле, в настоящее время известно очень немного — на сосуде из Усть-Рыбежного II в Приладожье и стоянках Иткуль I и Латочка на Урале⁴. Наибольшее сходство наблюдается с уральскими изображениями, в особенности с рисунком из Латочки, где фигурки птиц также напоминают сглаженную букву «z» и в целом составляют пояс, выше и ниже которого нанесены горизонтальные гребенчатые линии. Фрагменты из Федоровского поселения и Латочки имеют к тому же одинаковый состав глиняного теста, толщину, обжиг и цвет.

Трудно определить, к какому типу керамики относится последний фрагмент на Федоровском поселении, поэтому датировка его произведена на основании аналогий из Усть-Рыбежного II и Латочки, которые рассматриваются исследователями как поселения эпохи бронзы.

Помимо упомянутых изображений, на одном из фрагментов федоровской керамики обнаружено украшение в виде птичьих лапок или следов. Они расположены горизонтальной цепочкой на внешней стороне сосуда и состоят из трех гребенчатых отпечатков, веерообразно расходящихся из одной точки.

Аналогичный орнамент отмечала М. Е. Фосс на керамике галичской культуры в Умиленье⁵. Еще один такой же рисунок известен на посуде Висских стоянок в бассейне Вычегды, но в отличие от двух первых он выполнен прочерченными линиями⁶.

Наиболее интересно последнее зооморфное изображение (рис. 35, 4, 5). Оно помещено на внутренней стороне четко профилированного сосуда и представляет собой змею, тело которой обозначено тройным гребенчатым зигзагом, голова — треугольником, выполненным также гребенкой, но одинарной. Треугольник расположен таким образом, что основание его примыкает к зигзагу, а боковые стороны, пересекаясь в вершине, продолжают чуть дальше его пределов, обозначая, вероятно, раздвоенное жало. Хвост состоит из двойного зигзага. Черепки, где хвост соединяется

⁴ Н. Н. Гурина. Указ. соч., стр. 481, рис. 195; Л. Я. Крижевская. Южно-Уральская экспедиция. «Археологические открытия 1966 года». М., 1967, стр. 110.

⁵ М. Е. Фосс. Результаты галичской экспедиции 1946 года. КСИИМК, вып. XX, 1948, стр. 60, рис. 28, 2, 3; она же. Итоги галичской экспедиции. КСИИМК, вып. XXVI, 1949, стр. 35, рис. 12, 1.

⁶ Г. М. Буров. Долговременные поселения на р. Вис. «Материалы по археологии Европейского Северо-Востока», вып. 1, 1962. Сыктывкар, стр. 15, рис. X, 1.

с телом змеи, отсутствуют. Выше и ниже змеи, на значительном расстоянии от нее нанесены непрерывные двойные зигзаги.

Изображение змеи скорее всего было единственным на венчике, так как в нашем распоряжении имеется несколько обломков того же венчика с двойным и тройным зигзагом посередине и только по одному фрагменту с «головкой» и кончиком «хвоста», за которыми пространство не заполнено орнаментом.

Подобный орнамент не известен на керамике памятников лесной зоны европейской части СССР, хотя здесь змея нередко изображалась как в скульптуре из кости и дерева, так и в наскальных рисунках Карелии, змеи же украшают и кинжалы из Галичского клада и Сейминского могильника⁷. Лишь на некоторых костяных наконечниках с берегов Лубанского озера имеются двойные зигзаги, которые, возможно, обозначают змею.

Наше изображение змеи по типу сосуда, на котором оно нанесено, должно датироваться эпохой бронзы. Сосуд вылеплен из глины с примесью песка и шамота. Судя по сохранившимся фрагментам, он имел суженное горло, высокий, слегка отогнутый наружу венчик и резко расширенное тулово. Орнамент его составляют пояски косой гребенки и горизонтальные зигзаги, выполненные теми же гребенчатыми отпечатками. Они обрамляют сверху и снизу венчик, а также покрывают значительную часть стенок сосуда.

Как можно видеть, зооморфные изображения на посуде Федоровского поселения представлены птицами, их лапками и змеей. Птицы характерны как для керамики неолита, так и бронзы, хотя заметно отличаются по стилю исполнения; они находят широкие аналогии в кругу культур лесных охотников и рыбаков. Изображение же змеи относится к эпохе бронзы и в настоящее время аналогий не имеет.

⁷ Н. Н. Гурина. Оленеостровский могильник. МИА, № 47, 1956, стр. 220, рис. 120, 4, 5; стр. 243, рис. 135, 1—4; Д. Н. Эдинг. Резная скульптура Урала, стр. 65, рис. 61; стр. 79, рис. 74; А. А. Спицын. Галичский клад. «Записки отд. русской и славянской археологии РАО», т. V, 1903, табл. XXX, 10.

Р. В. КОЗЫРЕВА

ПОЗДНЕНЕОЛИТИЧЕСКИЕ ЖИЛИЩА НА СТОЯНКЕ ИЛЬИНСКИЙ ОСТРОВ В АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

Стоянка Ильинский Остров расположена в Нядомском районе Архангельской обл., на юго-восточном берегу Мошинского оз., из которого вытекает р. Моша, впадающая в р. Онегу. Таким образом, этот район связан с бассейном Белого моря. Стоянка была обнаружена сотрудниками Северного неолитического отряда в 1966 г., в 1966—1968 гг. в общей сложности было раскопано 340 м², причем в 1967 г. было раскопано погребение и множество хозяйственных ям, в 1968 г. — две землянки.

Стратиграфия культурного слоя стоянки на этих участках такова. Сверху шел дерновый мелкозернистый песчанистый слой мощностью обычно 3—5 см. Стерильного подпочвенного слоя, зафиксированного на других участках стоянки, здесь не было. Непосредственно под дерном залегал культурный слой, мелкоструктурный, песчанистый, темно-бурого цвета с пятнами зольных включений различного размера. Его мощность разная, обычно на стоянке небольшая — 30—45 см, на участках же, где обнаружены следы жилищ и ям, она доходит до 110 см. Подстиляет этот слой темно-желтый песок.

При зачистке первого горизонта сразу же обнаружили следы каких-то сооружений. Это выразилось в том, что по линии 1 на участках А—Г выявилась резкая граница с северной и южной сторон, отделяющая светло-бурый (на некоторых участках почти выклинивающийся) культурный слой от культурного слоя интенсивно-черного, с примесью угольков, простирающегося на линии 2 и 3. Темный слой имел хорошо очерченную границу, что свидетельствовало о наличии жилища. Западная и восточная границы ее оказались наименее четкими. Они выявились только на глубине 20—25 см. Тогда же были получены и полные очертания землянки (рис. 36). Она была неправильно четырехугольной формы с одним узким (70 см ширины) выходом на запад, размерами 6 × 4,3—4,7 м. Заполнение ее состояло из темного слоя, который у очагов становился черным из-за примеси угольков. Два очага располагались у линии 1—2 в центральной части землянки. Оба имели неправильные очертания и были заполнены черным углистым слоем. Очаг, расположенный на участках А—В/1—2, был в основном округленной формы, переходящей у его южного края в вытянутую. Длина его равнялась 2,6 м при наибольшей ширине 2,8 м. В заполнении на глубине 0,4—0,5 м прослеживалась небольшая линза пережженного красного песка. Ниже этой линзы, до уровня пола землянки шел углистый слой, еще ниже темный культурный слой, заканчивающийся на глубине 0,9 м от поверхности. Линза имела овальные очертания размером 1,8 × 0,6 м и являлась центральной частью очага. Второй очаг располагался на участках В/1—2. Черный

углистый слой с поверхности I горизонта объединял эти два очага, но центральные их части лежали совершенно обособленно. Во втором очаге, так же, как в первом, прослеживалась линза красноватого песка, которая залегала на глубине 0,5—0,6 м на полу жилища. Она имела овальные, но более близкие к круглым, очертания. Размер ее 1,3 × 0,9 м. Ниже она подстилалась аналогично тому, как в первом очаге, черным углистым слоем, постепенно переходящим в темный культурный слой, заканчивающийся на глубине 1,02 м. Таким образом, землянка имела два очага, располагавшихся по центральной ее линии.

Культурный слой за пределами землянки выклинивался на глубине 0,35—0,4 м. Внутри нее он продолжался вглубь еще на 0,3—0,4 м. Еще ниже располагались зольные пятна от очагов и пятна иного происхождения в южной половине землянки. Таким образом, жилище оказалось углубленным в современную жителям поверхность почвы на 0,3—0,4 м, так что это было скорее жилище наземного типа с углубленным в землю основанием.

Жилище 2 расположено на линиях 5—7. На глубине 18—20 см очертания его были довольно четкие и имели вытянуто-овальную или подпрямоугольную форму с закругленными углами. Длина жилища достигала 6 м при 4,6 м ширины.

Это жилище очень отличается от первого. Оно было менее глубоким, так что уже на уровне 2-го горизонта, сильно сузившись, приобрело неправильную форму. На участках стоянки, где расположено жилище 2, культурный слой вообще очень тонок и маломощен. Он выклинивался на глубине 0,3—0,35 м. Контуры жилища после снятия второго горизонта также стали малозаметными и на глубине 0,45 следы его исчезали. Таким образом, земляночная часть этого жилища была минимальная — 10—12 см. После снятия III горизонта внутри жилища осталось лишь темное пятно на участках А—Б/5—6. Это пятно имело вытянутую овальную форму размером 2,4 × 0,8 м, причем содержало в себе очажной слой с белесым зольным окружением, располагающийся овальной в плане линзой размером 1,1 × 0,8 м. Глубина ее достигала 0,7 м. Основное заполнение этого очага состояло из темного культурного слоя. Он шел до глубины 1,3 м от современной поверхности и не содержал в своем слое никаких находок. Кроме очага, в пределах верх-

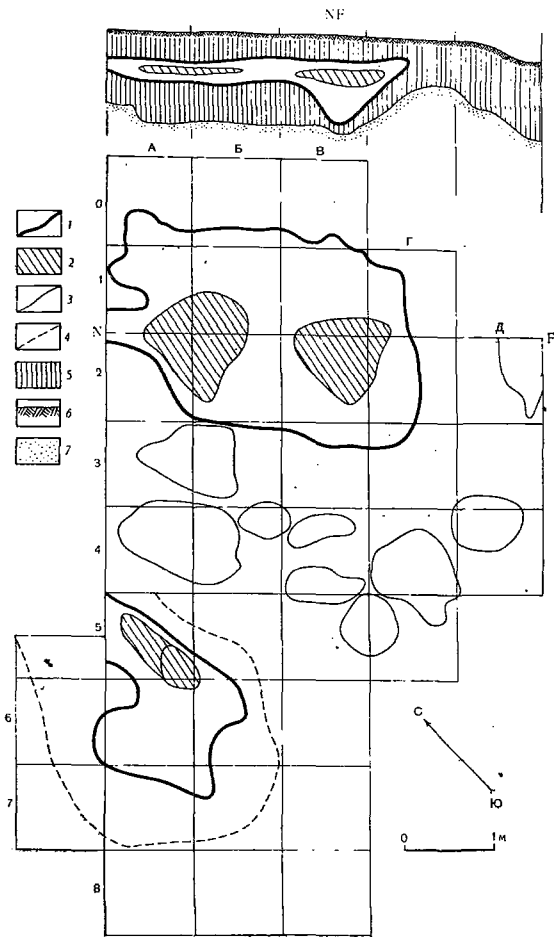


Рис. 36. План раскопа 1968 г. и поперечный разрез жилища *NF*
 1 — контур жилища на уровне второго горизонта; 2 — очаги; 3 — темные пятна; 4 — контур жилища на уровне первого горизонта; 5 — культурный слой; 6 — дерновый слой; 7 — подстилающий слой

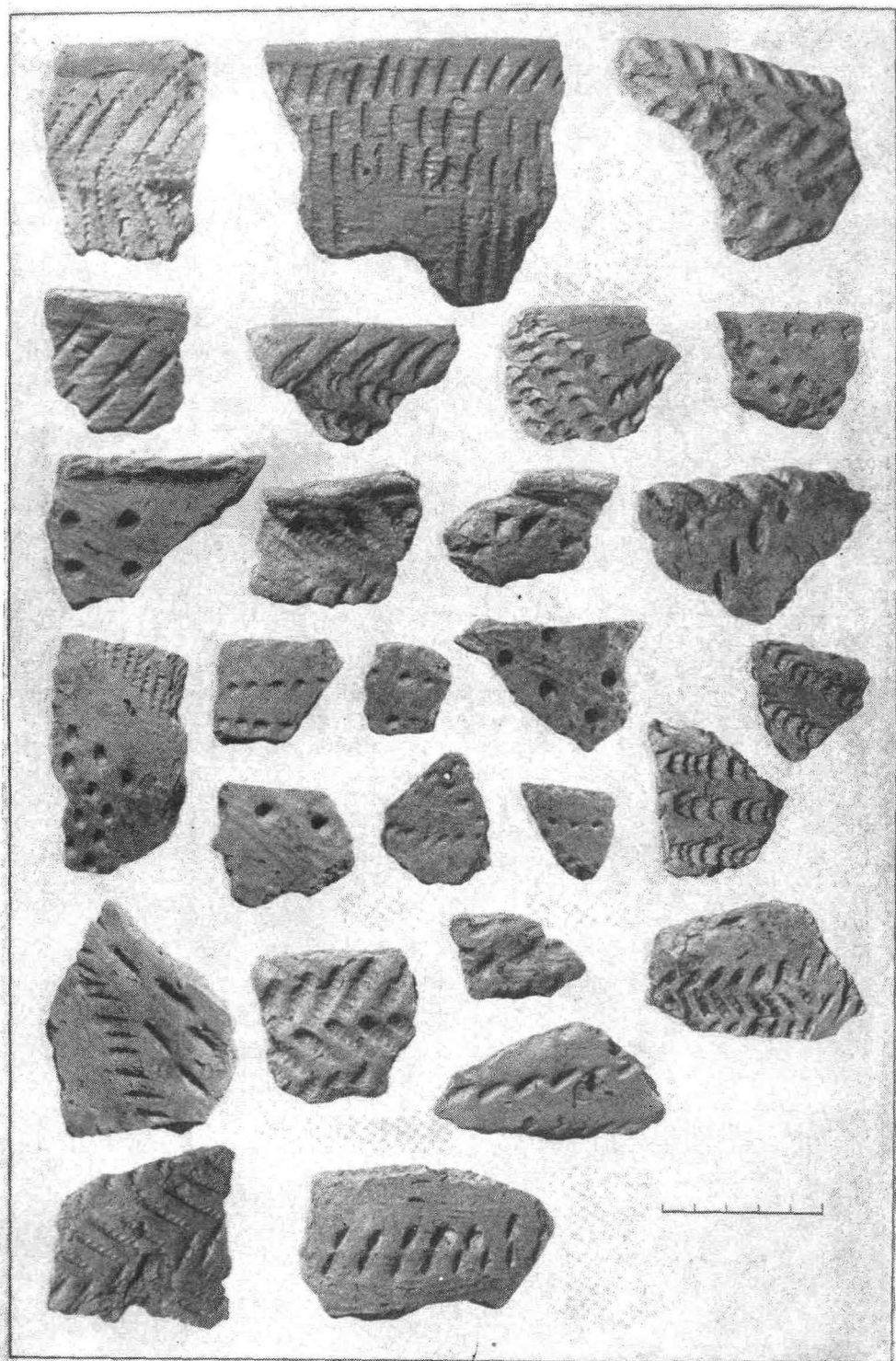


Рис. 37. Керамика турбинского типа со стоянки Ильинский Остров

них горизонтов жилища на участках А—5/7—8 находились небольшие пятна более темного культурного слоя, которые оказались ямами и шли до глубины 0,95 см от поверхности, хотя и не содержали в себе ни сколько-нибудь значительных культурных остатков, ни зольного слоя.

Жилища не связаны друг с другом. Способ крепления перекрытия пока остается неясным. О датировке жилищ мы можем судить по каменному инвентарю и керамике. Каменные орудия-топоры, стамески, наконечники копий и стрел (в основном, листовидной формы), скребки на отщепях, среди которых встречаются двулезвийные, скребла, нуклеусы, небольшое количество ножевидных пластин могут говорить о развитой поздненеолитической традиции в обработке каменных орудий.

Более точно датировать стоянку можно по керамике. Но, как и в прошлые годы, она оказалась неоднородной. Во-первых, довольно отчетливо выделяется ямочно-гребенчатая керамика, которая по некоторым признакам близка волго-окской ямочно-гребенчатой керамике льяловского типа. Сосуды сделаны из плотной глины с примесью песка. Они были толстостенными (стенки 10—14 см), обычно с ровными венчиками, часто чуть утолщенными вверху, без видимой обработки внутренней поверхности. Орнамент обычно состоит из рядов ямок и рядов наклонных гребенчатых вдавлений с различными комбинациями этих оттисков. Но имеется ряд признаков — разреженность орнамента, наличие гребенчатых оттисков на торце венчика, а иногда и на внутренней стороне его, которые говорят о позднем возрасте этой керамики. Близка к ней группа ромбической керамики, отличающаяся от первой тем, что вся внешняя поверхность сосуда заполнена оттисками ромбических ямок двух размеров — 8×10 мм и 12×14 мм. Третьим типом является круглоямочная керамика, которая отличается от описанных типов по характеру глиняного теста. Она сделана из тонко отмученной глины, хорошо обожжена, имеет тонкие стенки и ровный темно-желтый цвет. По всей поверхности эти сосуды заполнены ямочными вдавлениями. Еще в две различные группы выделяются керамика типа сперрингс и близкая к ней каргопольская керамика. По характеру глиняного теста керамика сперрингс близка описанной нами выше ямочно-гребенчатой — примесью песка, довольно толстыми стенками, отсутствием обработки внутренней поверхности. Но орнамент ее совершенно своеобразен. Это вдавления в виде римской единицы, различные отпечатки, сделанные веревочкой, позвонками рыб, и оттиски «колючей проволоки». Каргопольская керамика отличается от этой группы своим орнаментом, который представлен исключительно веревочными оттисками, в основном длинными, образующими различные комбинации геометрического стиля — распавшиеся елочки, зигзаги, короткие наклонные отпечатки.

Как кажется, все описанные виды керамики могут говорить в пользу того, что стоянка была заселена в неолитическое время, скорее всего в его позднюю пору. Но она существовала и в последующую эпоху ранней бронзы, о чем говорит наиболее многочисленная керамика, которую условно можно назвать турбинской (рис. 37). Это тонкостенная керамика, сделанная из рыхлого глиняного теста с органическими примесями, желтого цвета, с орнаментом в основном из гребенчатых отпечатков.

После раскопок керамика обрабатывалась погоризонтально. К сожалению, эта обработка не дала нам возможности стратиграфически разделить стоянку. Оказалось, что все виды керамики присутствуют в каждом горизонте лишь с небольшими колебаниями в количестве. В частности, турбинская керамика большей частью залегала в нижних слоях. Поэтому приблизительно стоянку Ильинский Остров, а вместе с ней и раскопанные в 1968 г. жилища, мы можем датировать концом эпохи неолита — началом эпохи палеометалла. Более точная дата стоянки будет, вероятно, установлена в процессе дальнейших раскопок стоянки и обработки ар-

Л. Я. КРИЖЕВСКАЯ

КАМЕННЫЕ ОРУДИЯ ИЗ НЕОЛИТИЧЕСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ
МАТВЕЕВ КУРГАН II

Около полувека тому назад П. П. Ефименко обратил внимание на своеобразные формы каменных орудий, известные на широкой территории юга и юго-запада Восточной Европы. Отметив их общие характерные черты, а именно микролитичность относительно макролитичности неолитической индустрии лесной полосы, он высказал некоторые соображения, касающиеся возраста орудий и локальных вариантов¹.

С тех пор, и в особенности за последние два десятилетия, наука о неолите юга шагнула далеко вперед. Однако основные положения, высказанные П. П. Ефименко, о различии неолитических индустрий лесной и степной зоны остались непоколебленными. Новые обширные материалы позволили лишь значительно уточнить их и направить дальнейшие исследования на более углубленную разработку этого вопроса. В настоящее время на территории Украины и далее на восток известны различные неолитические культуры², характеризующиеся разнообразными формами той пластинчатой индустрии, которую в свое время П. П. Ефименко описал в самых общих чертах. В указанной области неолит Приазовья изучен, пожалуй, менее других, лежащих к западу от него, культур. В этой связи представляет определенный интерес исследование неолитических памятников Северо-Восточного Приазовья, расположенных в окрестностях поселка Матвеев Курган Ростовской обл.³, и раскопки одного из них, а именно Матвеева Кургана II, произведенные Приазовской экспедицией ЛОИА в 1968 и 1969 гг. под руководством автора⁴.

Поселение Матвеев Курган II находится в трех км к югу-западу от одноименного поселка, в пойме р. Миус, на ее правобережье. Оно занимает пологие склоны небольшой балочки, соединяющейся с древним руслом Миуса — сагвой. Общая площадь поселения составляла около 3000 м². На раскопанной его части (170 кв. м) обнаружен мощный культурный слой, представляющий собой в общем довольно однородную метровую толщу бурых суглинков с незначительными вариантами на разных участках в виде тонких суглинков иных оттенков. Культурный слой сильно насыщен. Отчетливо выявляется много остатков жилищных комплексов:

¹ П. П. Ефименко. Мелкие кремневые орудия геометрических и иных своеобразных очертаний в русских стоянках ранне-неолитического возраста. РАЖ, т. XIII, вып. 3-4. М., 1924.

² Д. Я. Телегин. Днипро-донецкая культура. Київ, 1968; В. Н. Даниленко. Неолит Украины. Киев, 1969.

³ Н. Д. Праслов. К вопросу о неолите Северо-Восточного Приазовья. «Краеведческие записки Таганрогского музея», вып. 1. Ростов-на-Дону, 1964.

⁴ Л. Я. Крижевская. Раскопки неолитического поселения Матвеев Курган II в 1969 г. «Археологические открытия 1969 г.» М., 1970.

очаги — углубленные и на древней дневной поверхности; ямы и западины со скоплением углей, золы и раковин; глинобитное сооружение в виде площадки с возвышающимися над ней останцами, западина, на дне которой лежал череп и рог тура, и ряд других подобных, но более мелких находок. Культурный слой вокруг этих очагов и ям содержал большое количество находок — каменные и костяные орудия, поделки из обожженной глины, а также кости животных, угольки и охру. Таким образом, Матвеев Курган II является фундаментальным памятником, вещественные остатки которого имеют прочное стратиграфическое положение. Дата поселения, установленная радиоуглеродом (ЛЭ—882), — 5400 ± 200 от наших дней, т. е. середина IV тыс. до н. э.

Находки представлены в основном изделиями из камня. Кроме того, есть орудия и поделки из кости. Вместе с тем имеется всего лишь шесть фрагментов керамики в виде миниатюрных неорнаментированных стенок сосудов. Состав находок по горизонтам в общем не различается, что позволяет рассматривать комплекс изделий в целом (хотя при дальнейшем исследовании не исключена возможность некоторой послышной дифференциации). По данным двухлетних раскопок, из общего количества каменного инвентаря (около 3300 предметов) приблизительно 85% принадлежит кремневой индустрии, менее 15% сланцевой и из других пород камня. Господствует пластинчатая техника, определяемая способом первичного расщепления ядрища. Представленные большой серией в разных фазах использования нуклеусы дают возможность проследить процесс скалывания достаточно полно. Небольшой кремневый желвак, длиной 5—6 см, служивший, как правило, сырьевым материалом, использовался лишь на $\frac{2}{3}$ поверхности: остальная часть оставалась покрытой желвачной коркой. Таким образом получалось плоское одностороннее ядрище, имевшее вытянутую прямоугольную форму и в подавляющем большинстве случаев две противоположные отбивные площадки на концах. Разновидностью односторонних нуклеусов являются одноплощадочные конусовидные, представленные небольшим числом. Они несколько массивнее вышеописанных (хотя не исключено их уплощение при более длительном употреблении и окончательном износе). Плоские нуклеусы наиболее выразительны; большинство их предельно сработано, о чем свидетельствует очень небольшой оставшийся участок ударной площадки. Судя по направлению фасеток, скалывание пластин происходило последовательно, сначала с одного, потом с другого конца (рис. 39, 5—7).

Помимо односторонних, в коллекции есть немногочисленные нуклеусы, использованные по всей окружности. Они овальные или округлые в поперечном разрезе, довольно массивны (ширина отбивной площадки наиболее крупных из них 4—4,5 см), с двумя противоположащими площадками (рис. 39, 4), подготовленными к снятию пластин, подтеской и преднамеренной сбитостью. Продуктом расщепления являлась пластина. Судя по негативам на нуклеусах, техника снятия пластин была достаточно совершенной. Негативы, как правило, занимают всю длину нуклеуса без изъянов и заломов. Они правильного параллельного очертания, тонкие и ровные. Об этом же отчасти говорят и пластины, которые служили орудиями при минимальной или вовсе без вторичной обработки.

Основную группу составляют крупные пластины 4—6 см длины при ширине 0,8—1,2 см. Вторая включает пластины 6—8 см при ширине 1,5—1,8 см. Узкие пластинки, ширина которых 0,5—0,7 см, единичны. Сечения соответственно делятся по ширине на такие же группы. Они удлиненных пропорций, короткие узкие сечения редки. Следует, однако, отметить наличие большой группы пластинок, так же как ретушированных и неретушированных орудий, не имеющих строгих очертаний; они изогнуты, ребристы, с неровными краями.

Наиболее многочисленной категорией орудий являются пластинки с ретушью и следами использования. Краевая ретушь нанесена в разных

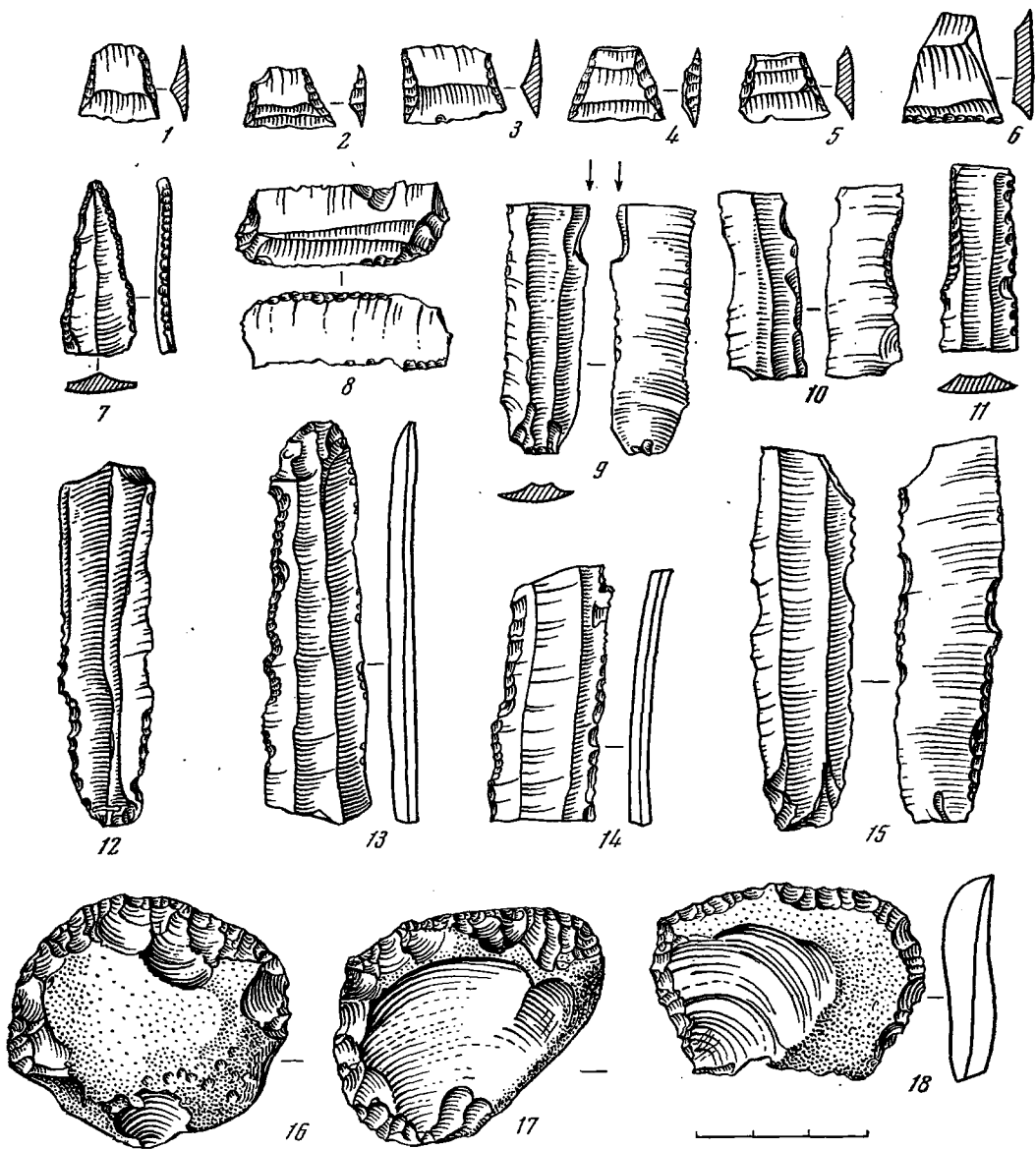


Рис. 38. Матвеев Курган II. Изделия из кремня (7—18)

комбинациях: со спинки и с брюшка по одному или обоим продольным краям (рис. 38, 10, 11, 13, 14). Преобладает ретушь с брюшка по одному краю. Она плоская, прерывистая, не распространяющаяся по всей длине граней, а покрывающая больший или меньший ее отрезок. Сплошное ретуширование края редко. Фасетки ретуши не одинаковы по величине, отчего ретушь в целом неровная. Иногда рабочая часть ретуширована, но чаще ею служил необработанный край, а вторичной отделке подвергалась тыльная часть. Следы изношенности в виде блеска, притупленности, шероховатости лезвия, вогнутости поверхности и мельчайших фасеток, напоминающих преднамеренную ретушь, прослеживаются очень широко как на ретушированных, так и на неретушированных орудиях. Изъяны краев, однако, не всегда являются показателем изношенности, в силу чего не могут служить надежным признаком для отнесения изделий к орудиям.

Критерий сработанности поэтому используется нами для классификации орудий только при полной ее достоверности.

Типологически орудия эти являются ножами. Функциональное же назначение их бесспорно различно. Только что начатый микроанализ следов уже показал, что среди ножевидных пластин есть ножи в прямом смысле слова (со штрихами, параллельными лезвию) и есть, кроме того, жатвенные ножи или серпы, идентичные по характеру сработанности серпам Джейтунской культуры⁵.

Кроме того, среди пластинок с ретушью выделяются (без микроанализа) пилки и скобели. Последние представлены двумя типами: 1) со слегка вогнутой отретушированной стороной, имеющей, как правило, значительные следы изношенности, 2) со специально отретушированной выемкой на каждой из сторон, являющейся рабочей частью орудия (рис. 38, 15). Пилки имеют характерный мелкозубчатый край, образованный специфическим приемом ретуширования (рис. 38, 13).

Наиболее выразительным типом пластинчатых орудий являются трапеции, найденные в количестве нескольких десятков (рис. 38, 1—6). В целом они однотипны, т. е. почти все небольшие, невысокие (1,5—1,7 см по длинной стороне, при высоте 1—1,2 см), слегка асимметричные, ретушированные с боков. Но есть среди них индивидуальные формы, в частности, высокая трапеция с ретушью только по длинной стороне (рис. 38, 6).

Среди орудий из пластин есть в небольшом числе угловые резцы и сверла. Резцы — только на углу сломанной пластинки — изготовлены коротким, относительно широким резцовым сколом (рис. 38, 9); сверла — односторонней ретушью по спинке, суживающей орудие до получения острия требуемой формы (рис. 38, 7). Рабочий кончик их слегка притуплен и закруглен.

Согласно типологической классификации, приведенным списком заканчивается перечень форм матвеево-курганской пластинчатой индустрии. Таким образом, типов орудий немного. Обращает внимание отсутствие скребков, если не считать одного двойного концевого экземпляра, имеющего не совсем обычную форму. Лезвия его, расположенные как всегда на длинных противолежущих концах, несколько смещены от центра к одной стороне, на которой прослеживаются выщербины и линейная исчерченность. Следы использования заставляют считать именно эти части рабочими, а концы, ретушированные под скребки, лишь частью лезвия или же участками, предназначенными для крепления инструмента (рис. 38, 8). Таким образом, надо считать, что скребки из пластин отсутствуют здесь вовсе, в то время как скребки из отщепов представлены сотнями экземпляров (рис. 38, 16—18). Они весьма разнообразны по размерам. Форма их в значительной степени случайна, так как для скребков использовались в основном отходы из первичных отщепов разной величины: массивные и плоские, крупные и мелкие, удлиненные и округлые, аморфные и более строгих очертаний. Общей обработке орудие не подвергалось, а изготавливалось лишь лезвие путем ретуширования отдельного участка. Поверхность их часто покрыта желвачной коркой.

Комплекс каменных орудий, помимо кремневых, включает также и сланцевые. Среди последних есть шлифованные топоры и топоровидные орудия. Лучше других представлены тесла, найденные цельными (почти все сланцевые изделия встречаются в обломках). Они небольшие по величине (длина их не превышает 6—6,5 см), подтреугольные в поперечном сечении, с ровным плоским обушком и прямыми или слегка расширяющимися к лезвию сторонами. Само лезвие округлое или прямое (рис. 39, 1—3). Кроме того, имеются небольшие стамески с прямым и вогнутым

⁵ Г. Ф. Коробкова. Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии. МИА, № 158, 1969.

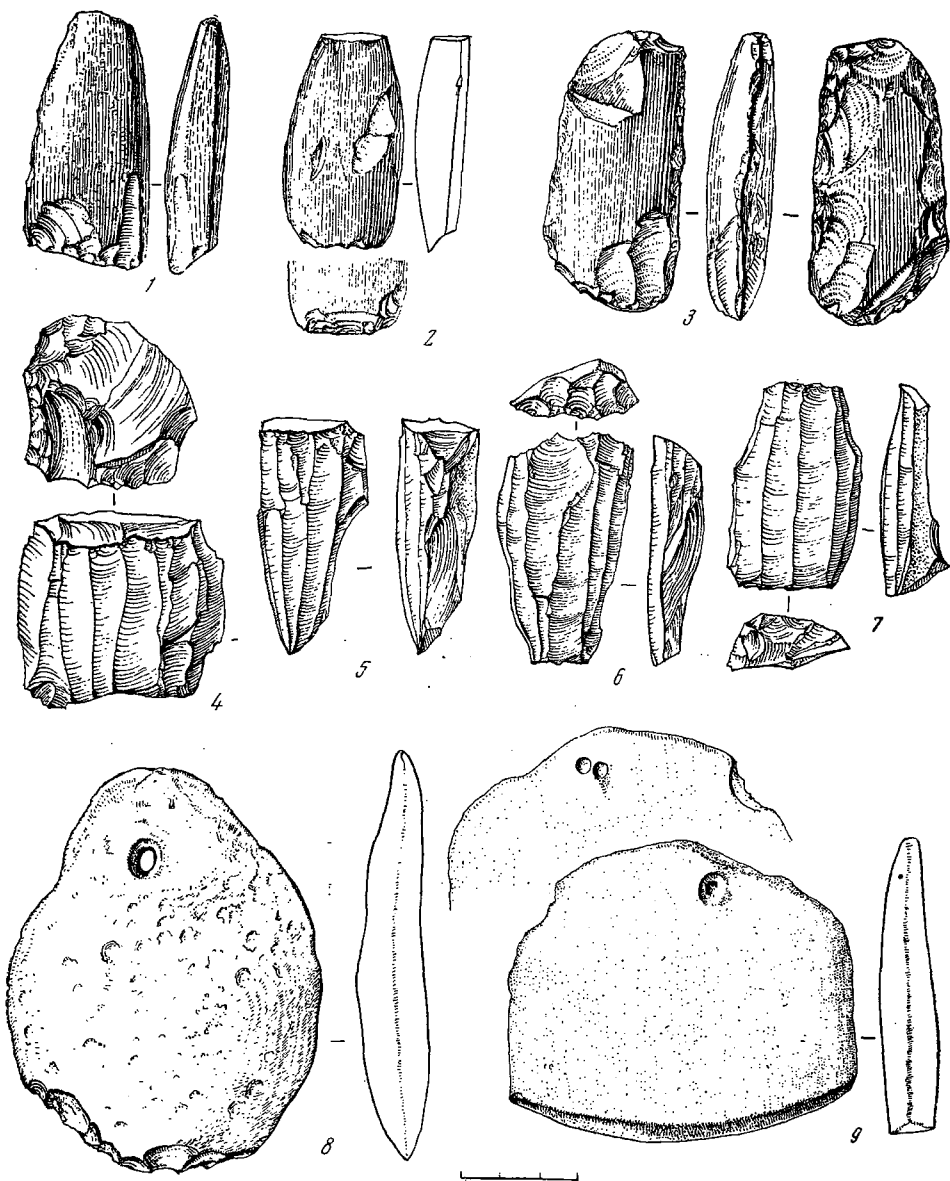


Рис. 39. Матвеев Курган II

1-3, 8-9 -- изделия из сланца; 4-6 -- кремневые нуклеусы

лезвием, а также маленькие ножички из отщепов с незначительной при-
шлифовкой рабочей части. Все эти изделия довольно широко распро-
странены территориально и не оригинальны. Загадочными являются изде-
лия из сланцевых плиток. Они нешлифованные, плоские, приближающиеся
по форме к овальным, но различных размеров (от 6 до 13 см в попереч-
нике). У края просверлено отверстие. Ему противолежит рабочая часть,
различно оформленная — это либо с двух сторон приостренное тонкое
лезвие, либо (чаще) гладкая плоскость типа ложила или гладилки
(рис. 39, 8, 9); в третьем случае — край аморфный. Аналогии таким из-
делиям почти неизвестны (они встречены еще лишь в Ракушечном Яре),
что, естественно, затрудняет их интерпретацию. Судя по характеру рабо-
чей части, однозначного определения их функции быть не может. Воз-

можно, что некоторые экземпляры с приостренным лезвием использовались как землекопные орудия или типа лоцил (для обработки шкур). Менее достоверным является, на наш взгляд, определение их как грузил.

Итак, в основе своеобразной матвеево-курганской индустрии лежит не микролитическая, а крупная пластина, предопределяющая соответствующие размеры орудий, что говорит о подчиненном значении вкладышевой техники. Хотя последняя здесь и имела место, на что указывает в первую очередь наличие трапеций, но, очевидно, составные орудия с мелкими вкладышами не являлись ведущими в отличие от неолита, например Крыма и Кавказа⁶, Нижнего Поволжья⁷ и некоторых неолитических культур Средней Азии⁸, индустрии которых характеризуются микролитичностью или известной ее долей (Южное Зауралье)⁹.

Характер вторичной обработки, как-то: незначительное применение ретуширования для окончательной отделки, зачастую нерегулярность ее, полное отсутствие двустороннеобработанных форм говорит о наименьшем значении ретуши как одного из приемов изготовления орудий среди всех известных пластинчатых индустрий, в которых она более распространена и более совершенна. Напомним хотя бы исключительное качество южноуральской или кельтеминарской обработки. Специфика первичного расщепления в Приазовье состоит в том, что оно, больше чем где бы это ни было, совмещает первичную и следующую фазу изготовления, что достигается тщательной подготовкой ядрищ, позволяющих скалывать сразу подходящие по форме, размерам и характеру края пластины-орудия. Своеобразным является и сам набор орудий. Так, при общем отсутствии геометрических форм ведущее место занимает трапеция. Резко выделяется, далее, ограниченность типов за счет отсутствия ряда форм на конце пластины: разнообразных острий и, что особенно необычно, концевых скребков — наиболее распространенного орудия во всех известных пластинчатых индустриях. Имеющиеся же формы представлены крайне ограниченным их количеством.

Таким образом, очевидно, подтверждается наблюдение П. П. Ефименко об отличии индустрии южнорусских степей от областей, лежащих далее к востоку, вплоть до Казахстана и Средней Азии.

Сейчас (по разным причинам) трудно определить место Матвеева Кургана II (а также и остальных стоянок этого микрорайона, открытых и обследованных Н. Д. Прасловым и отчасти нами) среди близлежащих опорных памятников, таких, как Ракушечный Яр, Каменная Могила, Мариупольский могильник. Для этого нужно учитывать весь комплекс находок. Пока же следует отметить черты различия, проявляющиеся прежде всего в количестве керамики — многообразии ее в Каменной Могиле и Ракушечном Яре и ничтожном количестве в Матвеевом Кургане. По-видимому, не совсем сходен и каменный инвентарь этих поселений. В Каменной Могиле во всяком случае господствует микротехника. Наши наблюдения, однако, пока еще крайне ограничены. Установление места и времени неолита Матвеево-курганского микрорайона среди неолита близлежащих территорий является задачей дальнейших исследований.

⁶ А. А. Формозов. Неолит Крыма и Черноморского побережья Кавказа. МИА, № 102, 1962.

⁷ Т. М. Минаева. Стоянки с микролитическим инвентарем на Черных землях. КСИИМК, вып. 59, 1955.

⁸ А. В. Виноградов. Неолитические памятники Хорезма. М., 1968; Ю. А. Заднепровский. Неолит Ферганы. КСИА, вып. 108, 1966.

⁹ Л. Я. Крижевская. Неолит Южного Урала. МИА, № 141, 1968.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО	— Археологические открытия
АЭДВ	— Археология и этнография Дальнего Востока
ГАИМК	— Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ	— Государственный Исторический музей
ИА	— Институт археологии АН СССР
ИЭ	— Институт этнографии АН СССР
КИЧПЕ	— Комиссия по изучению четвертичного периода Европы
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КЧ	— Комиссия по изучению четвертичного периода АН СССР
ЛОИА	— Ленинградское отделение Института археологии
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
РАЖ	— Русский антропологический журнал
РАО	— Российское археологическое общество
СА	— Советская археология
САИ	— Свод археологических источников
СГАИМК	— Сообщения Государственной академии истории материальной культуры
ТСА РАНИОН	— Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук
ЦЧО	— Центральная Черноземная область
BSPF	— Bulletin de la Société Préhistorique Française
INQUA	— Международная ассоциация по изучению четвертичного периода
SMYA	— Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja
SPF	— Société Préhistorique Française

СОДЕРЖАНИЕ

Памяти П. П. Ефименко	3
---------------------------------	---

I. Статьи и доклады

А. Н. Рогачев, П. П. Ефименко и вопросы социологии первобытного общества (краткий историографический очерк)	5
П. И. Борисковский. Несколько слов о мезинском орнаменте	11
Л. М. Тарасов. Двойная скульптура человека из Гагарино	14
Г. П. Григорьев. Ориньякская культура и ориньякоидные культуры Европы	20
В. П. Любин. Первобытный человек в горах Большого Кавказа	25
С. А. Семенов. Obsидиановые ножи из погребений в кратере вулкана Нгоронгоро (Танзания)	31
Н. Н. Гурина. Водоплавающая птица в искусстве неолитических лесных племен	36
В. П. Третьяков. Раннеолитические памятники Среднего Поволжья	46

II. Полевые исследования

Б. Г. Ерицян. Некоторые особенности намеренного рассечения орудий мустьерской эпохи (по материалам Ереванской пещерной стоянки)	53
Е. А. Векилова, А. А. Зубов. Антропологические остатки из мустьерских слоев Ахштырской пещеры	61
Н. Б. Глуховская и О. Н. Бадер. Новые местонахождения древнего палеолита в Северном Прибалхашье	65
Н. Д. Праслов. Некоторые специфические формы каменных орудий Мураловской палеолитической стоянки	70
Г. В. Григорьева. Позднепалеолитические наконечники среднего Днестра	78
З. А. Абрамова. Новый тип орудий в палеолите Енисея	82
Л. В. Кольцов. Мезолитический слой стоянки Алтыново	87
Д. А. Крайнов. Новая мезолитическая стоянка Черная Грязь I	91
Л. П. Хлобыстин. Поселение развитого неолита Маймече I и его место в неолите Восточной Сибири	99
Ю. С. Гришин. Неолитическое погребение на р. Шилке близ г. Сретенска	107
В. И. Беляева. Неолитическая стоянка Усть-Хемчик 3 в Западной Туве	110
И. В. Гаврилова. Зооморфные изображения на керамике Федоровского поселения	115
Р. В. Козырева. Поздненеолитические жилища на стоянке Ильинский Остров в Архангельской области	119
Л. Я. Крижевская. Каменные орудия из неолитического поселения Матвеев курган II	123
Список сокращений	129

Каменный век
КСИА, вып. 131

*Утверждено к печати
Ордена Трудового Красного Знамени
Институтом археологии
Академии наук СССР*

Редактор *А. Е. Сидоренко*
Редактор издательства *Г. В. Моисеевко*
Художественный редактор *Н. Н. Власик*
Технические редакторы *В. И. Зудина, А. М. Сатарова*

Сдано в набор 19/XII 1971 г. Подписано к печати 7/III 1972 г.
Формат 70×108^{1/16}. Бумага № 2. Усл. печ. л. 11,55.
Уч.-изд. л. 10,1. Тираж 2250 экз. Т-05011. Тип. зак. 730.

Цена 61 коп.

Издательство „Наука“
Москва, К-62, Подосенский пер., 21

1-я типография издательства „Наука“
Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12